

УС (Бур)
Д-25

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ
И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

-51211-

**ДВУЯЗЫЧИЕ В БУРЯТИИ:
новые аспекты изучения**

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра
2002

В Библиотеку Казанского Университета 41.15.11
25

ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ
И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН

ДВУАЗЫЧИЕ В БУРЯТИИ:
новые аспекты изучения

51211-

ae

Улан-Удэ
Издательство Бурятского научного центра
2002

УДК 49-942.3
ББК 81+60.5 (2P54)
Д25

Сборник публикуется при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант № 00-04-00264а)

Печатается по решению ученого совета Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН

Ответственный редактор
д-р филол. наук *Г. А. Дырхеева*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *В. И. Рассадин*
д-р филол. наук, проф. *С. Ш. Чагдуров*
канд. филол. наук *В. И. Семенова*

Д25 **Двуязычие в Бурятии: новые аспекты изучения.** – Улан-Удэ:
Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 147 с.
ISBN 5-7925-0134-3

Авторами данного сборника являются специалисты разного профиля (филологи, педагоги, социологи, философы, культурологи и др.), занимающиеся изучением этноязыковой ситуации в Республике Бурятия и социолингвистической проблематикой. В статьях сборника рассматриваются как частные вопросы развития раннего детского двуязычия, так и общегуманитарные проблемы, например, развития двуязычия в контексте социокультурной модернизации бурятского общества.

Сборник рассчитан на широкий круг специалистов, занимающихся и интересующихся проблемами национально-языкового развития.

ISBN 5-7925-0134-3

Д $\frac{460200000 - 52}{042(02)5 - 2002}$ Без объявл

© Коллектив авторов, 2002
© ИМБит СО РАН, 2002
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2002

БУРЯТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И БУРЯТСКО-РУССКОЕ ДВУЯЗЫЧИЕ

Язык как социальное явление возникает и развивается вместе с возникновением и развитием общества. Изменение языков, разобщение и образование новых самостоятельных языков составляют органическое единство с общим процессом развития общества. Еще в 1877 г. великий американский этнограф и археолог Льюис Генри Морган отмечал: «Постоянная тенденция к разделению... коренилась в элементах родовой организации. Она усиливалась дальнейшей тенденцией к образованию различий в языке, неизбежной в условиях их общественного состояния и обширности занятых ими территорий. Устная речь, замечательно устойчивая в своих грамматических формах, не может все-таки оставаться неизменной. За территориальным разобщением народа следовали с течением времени изменения языка, а это, в свою очередь, вело к разделению интересов и в конечном счете к полной самостоятельности».¹

Полностью изолированных языков фактически не бывает, разобщенные языки и диалекты обязательно соприкасаются или контактируют с другими, зачастую иносистемными языками, что является стимулом интенсивного процесса отдаления их от языка-источника, так называемого праязыка, и приводит к существенным изменениям в области лексики, грамматического, фонетического строя и, как следствие, образованию самостоятельного языка.

Действительно, образование самостоятельных монгольских языков, по заключению корифеев монгольского языкознания, началось сравнительно поздно, в период развитого средневековья, что было связано с распадом великой монгольской империи. До этого исторического периода монгольские диалекты представляли племенные ответвления единого языка, что засвидетельствовано учеными Китая, Ближнего Востока, Средней Азии, Европы в списках монгольских слов, в записях различных текстов, специальных словарях.

Что касается бурятского языка, то он, как самостоятельный в семье монгольских языков, начал складываться несколько раньше, чем другие, и сложился на обширной территории от верховьев рек Ангара и Лена, низовьев р. Селенга до оз. Байкал, т.е. в циркумбайкальском регионе. Археологические, фольклорные и другие данные позволяют судить, что первые монголыязычные кочевники, которые впоследствии стали первыми протобурятскими племенами, переселились в пределы территории вокруг оз. Байкал в X–XI вв. н. э. Это были представители трех известных в монгольской истории древних племен: икиресов (эхиритов), булгачинов (булагатов) и коро (хоринцев). Язык этих монгольских племен, заселивших циркумбайкальский регион, составляли, по традиционному определению монголоведов, северомонгольские племенные диалекты.

Значительно позже примкнул к трем бурятским племенам довольно большой пласт монголов, известный под общим названием *хонгодоры*. Эти племена осели в нынешних бурятских регионах Закамны, Тунки и Оки, в Аларском районе Иркутской области. В начале XVIII в. в пределы современной Бурятии прибыли *цонголы* и *сартулы*, которые представляли конгломерат многих монгольских родов: табангутов, хатагинов, атаганов, хорчинов, урянхайцев.

В. И. Сосновский пишет, что «по данным якутского фольклора..., впервые монголо-бурятские племена, с хоринцами во главе, проникают на северо-восточный берег Байкала в начале X в.»² К XI в. относятся захоронения кочевников-скотоводов, раскопанные А. П. Окладниковым в верховьях р. Лена³ и Г. Ф. Дебецем – в низовьях р. Селенга⁴.

Как указывал А. П. Окладников, археологические материалы «позволяют предположить проникновение монголыязычных кочевников вглубь Прибайкалья еще ранее, т. е. до образования Монгольской империи. Проникнув в эти далекие места, часть монголов могла остаться там фактически независимой от Чингисхана и его преемников. Именно так и случилось, по-видимому, с предками ленских бурят, считавших себя... потомками... Эхирита и Булагата».⁵

Из истории края известно, что в те далекие времена в регионе Прибайкалья обитали тюркские (куруканы) и тунгусские (эвеики) племена. Если тюрки занимали, в основном, низменные, пригод-

ные для пастбищ угодья, то эвенки – горные и таежные места. Поэтому, надо полагать, столкновение первых монголов с тюрками (с основной массой) носило разовый и кратковременный характер, в результате чего «потомки древних курыкан» были оттеснены на север и запад, тогда как эвенки продолжали оставаться на своих обжитых местах.

В одном из древних шаманских гимнов бурят, записанных С. П. Балдаевым у эхиритских бурят в 1906 г., об истоках контактов между бурятами и эвенками поется следующим образом: «Когда мы шли из Алтая, богородской травой очищались. Когда спустились мы на Лену, на правом берегу ее осели. Подружились с эвенками, сражались (или столкнулись) с якутами...»⁶

О продолжительных и оживленных контактах предков бурят и тунгусских племен свидетельствуют многие факты как чисто языкового, так и исторического, антропологического и этнического характеров. Естественным результатом длительного сосуществования двух этносов в пределах одной или смежной территории явилось оживленное контактирование их языков. При интенсивной ассимиляции эвенкийского и монгольского языков на территории Прибайкалья и Забайкалья первый, фактически, оказался поглощенным. Монгольский язык сохранил свою лексику, грамматический строй и фонетику, но в то же время он приобрел много особенностей, появившихся под влиянием контактирующего с ним эвенкийского языка в виде субстратных явлений.

Из многих субстратных явлений наиболее рельефно выделяют топонимические названия почти всех регионов, заселенных бурятами. Они в своем подавляющем большинстве состоят из эвенкийских слов⁷ Что касается звукового строя бурятского языка, то одно только появление *h* в системе фонем одного из монгольских языков повлекло за собой полную перестройку структурного ряда смычно-щелевых и щелевых согласных. Если в монгольской фонетической системе всегда доминировали смычные согласные, то в бурятском языке начинают преобладать спиранты, что, безусловно, отразилось на артикуляторной специфике языка в целом.

Исследователями языка установлено, что такие существенные особенности бурятского языка, как топонимические названия, интонационное своеобразие, появление фарингального *h*, полное от-

сутствие аффрикат, являются результатом языковых контактов и трактуются как элементы эвенкийского языкового субстрата.

Вполне допустимо предположение, что при передвижении основной массы предков якутов из Циркумбайкалья на север, возможно и на запад, отдельные группы остались на занимаемых ими ранее территориях. Таким местом вполне могли оказаться богатые пастбищами, отдаленные от центра, долины рек, в частности Тугнуя и Курбы в Забайкалье, Курумчинская долина в Прибайкалье. Со временем их говоры были ассимилированы языком основной массы региона (монгольских племен – предков бурят), оставив некоторые следы субстрата, например, по р. Тугнуй и Курба – в виде сильно развитого «оканья», в эхиритском и булагатском говорах – появление среднеязычного *j* вместо общебурятского *ж*, нетипичная для монгольских языков опережденная артикуляция гласных *a* и *o*. Все они также находятся в сфере действия языковых контактов, но рассматриваются как следы взаимодействия с диалектом одного из тюркских племен⁸. Таким образом, циркумбайкальский территориальный ареал оказался историческим местом оживленного контактирования монгольского (протобурятского) языка с эвенкийским и частично тюркским языками, что, в конечном итоге, привело к их полной ассимиляции. Поскольку в тот исторический период в данном регионе монголыязычный этнос уже занимал доминирующее положение, то монгольский язык сохранил в основном свою лексику, грамматический строй и фонетику, но в то же время он приобрел ряд существенных особенностей в виде субстратов эвенкийских и, частично, тюркских языков.

Это и послужило одним из существенных факторов, определивших образование нового самостоятельного монгольского языка – бурятского. Соответственно, носителей бурятского языка, именно как этнических бурят, можно назвать аборигенами циркумбайкальского ареала, куда относятся современные географические зоны Предбайкалья и Забайкалья.

Со времени присоединения Бурятии к России (XVII в.) бурятский язык активно контактирует с русским языком. Постоянные хозяйственные и культурные связи между бурятами и русскими не могли не отразиться в их языках, не только буряты усваивали русские слова и русскую речь, но и русские заимствовали бурятские слова, учились говорить по-бурятски. С этого времени языковая

ситуация в Бурятии стала существенным образом изменяться, интенсивное развитие получило двуязычие: как русско-бурятское, когда русские овладевали бурятским языком, так и бурятско-русское, когда буряты овладевали русским языком. В начальный период развивалось достаточно гармоничное двуязычие, шел объективный, вполне паритетный языковой процесс. Действительно, в этнической Бурятии никто никого «дубинкой в рай не загонял», а сама жизнь, объективная языковая ситуация закономерно привела к двуязычию, которое в аналогичных условиях должно восприниматься как благо для контактирующих этносов. Русские и буряты, находясь на одной или смежной территории, не только заимствовали друг у друга отдельные орудия труда, предметы быта, но и соответствующие слова и выражения, у них постепенно менялся общественный и бытовой уклад жизни. Вот почему в языке местного русского населения до сих пор употребляются бурятские слова и термины, относящиеся к скотоводческому хозяйству (*бурун* «годовалый теленок», по-бур. *буруу*; *качерик* «двухгодовалый телок», по-бур. *хашараг*), что же касается земледельческой терминологии, особенно по хлебопашеству, то буряты до сих пор пользуются русскими словами и терминами (пшеница по-бур. *шэниисэ*, овес – *обёосо*, ячмень – *эшмээн* и т.п.).

Появление и особенности развития двуязычия обусловлены не только нахождением на одной или смежной территории разноязычных народов, но и конкретными социальными и экономическими факторами и постоянно изменяющимися условиями жизни каждого из контактирующихся этносов.

Двуязычие – это социальное явление, оно со временем охватило почти всю этническую Бурятию, но в разной степени в разных ее регионах. Различие касалось не только территориального расположения контактирующих групп бурятского и русского населения, далеко не одинаково развивалось оно среди сельских и городских бурят, среди людей разных социальных слоев, развитие его зависело от образовательного уровня и профессии. Несмотря на это, двуязычие среди бурят развивалось быстрыми темпами. Здесь следует признать, что бурятско-русское двуязычие до конца 30-х гг. шло в правильном направлении и воспринималось носителями бурятского языка как явление жизненно необходимое, никак не ущемляющее национальные интересы и самобытность бурятского

народа. Многие буряты, особенно представители зарождающейся интеллигенции в совершенстве овладевали русским языком, в то же время, хорошо зная свой родной язык.

Даже сегодняшние ветераны, окончившие в свое время бурятские школы, отлично владеют русским языком. Так эффективно и дидактически правильно было поставлено в бурятских школах обучение русскому языку, нисколько не ущемляя при этом знание и изучение родного языка. Многие из них – выходцы из бурятских улусов – стали впоследствии крупными научными, политическими и религиозными деятелями. Хорошо зная свой родной язык, они внесли большой вклад в совершенствование литературного бурятского языка. Например, известный политический и религиозный деятель А. Доржиев небезуспешно занимался совершенствованием старописьменного монгольского языка, приближая его алфавит и орфографию к произносительной норме бурятского языка.

Таким образом, буряты в отличие от других сибирских народов имели свой письменный язык, каковым являлся старописьменный монгольский язык. Он обслуживал в одинаковой степени успешно все монгольские народы. Только в самой Бурятии на этой письменности была создана огромная литература самого различного содержания. До сих пор не потеряли своей научной ценности написанные на старописьменном языке бурятские исторические летописи-хроники, которые продолжают переиздаваться и в наши дни и активно используются в трудах историков. На этой письменности были изданы правовые и другие документы, степные уложения хоринских, селенгинских и других бурят.

С распространением буддизма в Бурятии издавались в дацанах значительными тиражами не только религиозные, но и светские сочинения исторического и мемуарного характера, а также тексты сказок, афоризмов, комментарии к переводам из восточных языков философских трудов и учебных пособий. Ко всему этому следует добавить, что среди бурятского населения имел достаточно широкое распространение эпистолярный жанр, вплоть до последнего времени люди старшего поколения, владевшие старомонгольской грамотой, переписывались на этой письменности.

Функционирование в Бурятии частных школ и приходских училищ, где преподавание шло на старописьменном монгольском языке, наряду с вышеперечисленными фактами убедительно сви-

детельствует о том, что еще далеко до установления Советской власти буряты имели свой литературный язык с соответствующей устной и письменной формой.

Становление литературного языка – это эволюционный постепенный процесс. Одним днем можно объявить переход на новый алфавит, директивным путем можно перейти на новую письменность, но сам литературный язык нельзя создавать в одночасье даже путем административно-командных указов.

Любой язык, чтобы стать литературным языком того или иного народа, должен быть нормализованным и в известной мере образцовым. Это означает, что нормы литературного языка должны восприниматься его носителями единственно правильными, соответственно – обязательными. А для того, чтобы язык стал нормализованным, образцовым и воспринимался правильным для всех, надо учиться этому языку, особенно его письменной форме. Отсюда становится очевидным, что формирование бурятского литературного языка определяется достаточно длительным периодом.

Нельзя отрицать того, что в ранний период своего развития на бурятской почве старописьменный монгольский язык обслуживал в основном верхушечный слой населения, его социальная база в силу этого оставалась довольно узкой. Его демократизация связана с более поздним периодом развития бурятского общества, когда появились учебные учреждения, когда буддизм в Бурятии принял массовый характер и заметно расширилась социальная база родного языка бурят.

Когда по всей стране развернулось движение по созданию новых письменностей, по смене старых графических систем, в Бурятской республике на I-м совещании по культурно-национальному строительству в 1926 г. было принято решение о преждевременности перехода на другую письменность. Таким образом, старомонгольская вертикальная письменность уже на государственном уровне была утверждена официальной письменностью бурятского языка. Как раз этот период характеризуется существенной активизацией бурятского литературного языка и издательской деятельности на нем.

История развития бурятского языка показывает, что этот язык имеет давнюю письменную и литературную традицию. По единодушному мнению корифеев монгольского языкознания бурятский

язык относился к северной группе диалектов так называемого единого монгольского языка, который сохранился до сегодняшнего дня как старописьменный монгольский язык. Этот письменный язык обслуживал все живые монгольские племенные диалекты.

Монголисты всех времен до сих пор пытаются найти и установить «какое же монгольское племя впервые ввело эту письменность, на основе какого из диалектов монгольского языка начал складываться письменный язык»⁹. Много было гипотез и предположений относительно найманов или керейтов, как самых близких соседей уйгуров, от которых был заимствован алфавит (вертикальная уйгурская письменность).

В последние годы многие исследователи монгольских языков высказывали предположения об ойратской основе старописьменного языка. Имеется довольно распространенное мнение о торгутских диалектах якобы самых близких старописьменному монгольскому языку по своим фонетическим признакам. Все попытки-поиски диалектной основы старописьменного монгольского языка (СПМЯ) оказались тщетными. История изучения этой письменности показывает, что уйгурский вертикальный алфавит сознательно внедрялся на монгольскую языковую почву как наддиалектный язык, одинаково близкий и в то же время одинаково отдаленный от всех живых племенных монгольских диалектов. Такая же «дистанция» продолжает сохраняться, когда многие из этих диалектов, возможно более развитые, развились в самостоятельные монгольские языки.

Ближе всех к такому выводу подошел Г. Д. Санжеев в своей работе «Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов»¹⁰. Аналогичная точка зрения недавно высказана У.-Ж. Ш. Дондуковым в периодической печати¹¹.

В условиях многодиалектности языка создание единого литературного языка закономерно сталкивается со многими, порой альтернативными, положениями:

- Или этот письменный литературный язык в фонетическом (орфоэпическом) отношении должен стать наддиалектным и в одинаковой степени взаимодействовать со всеми диалектами;

- Или он должен складываться на основе произносительных норм одного, можно допустить, даже самого развитого диалекта.

Тогда он оказывается фактически непонятным для носителей всех остальных диалектов;

- или для каждого отдельного диалекта создается своя письменность, что, во-первых, противоречит общегосударственным интересам, а, во-вторых, ведет к бесперспективным образованиям мелких «удельных» языков, что непременно приведет к тупиковой языковой ситуации.

В средневековой Монголии XII–XIII вв. был избран первый путь, старописьменный язык, основанный на уйгурском вертикальном алфавите, был внедрен на монгольскую языковую почву как единый письменный общегосударственный язык.

В условиях того периода (XII–XIII вв.) выбор письменности и уникальный для своего времени путь внедрения письменной формы в многодиалектный монгольский языковой мир был единственно правильным и, в конечном счете, гениальным решением. Такой феномен мог быть осуществленным либо жесткой рукой гениального властелина, либо предвидением великого ученого, каковым по предположениям монголоведов был уйгурский ученый Тата-Тунга. Надо полагать, что только союз этих выдающихся личностей смог разрешить единственно правильным путем эту судьбоносную для всего монгольского мира проблему на века.

Неоднократные попытки заменить эту письменность более совершенными (квадратная письменность, ойратская письменность) оказались безрезультатными. Старописьменный монгольский язык и по сей день успешно обслуживает монгольские языки и диалекты Внутренней Монголии, а в других монголоязычных регионах в разные годы был осуществлен переход на другую алфавитную основу.

В Халха Монголии был осуществлен переход на кириллицу несколько позже, чем в монголоязычных республиках СССР (Бурятия, Калмыкия). Принятие кириллистической графической системы в этих республиках не дало ожидаемого положительного эффекта.

В последние годы в учебных заведениях Монголии успешно внедряется старописьменный монгольский язык. Вероятно, незамедлительный возврат к старой письменности является весьма проблематичным, т. к. молодое поколение незнакомо со старомонгольской письменностью.

В Бурятии перешли на латиницу в 1931 г., а в 1939 – на кириллицу с хоринской диалектной базой. С тех пор прошло уже более полувека, однако, до сих пор продолжают мучительные поиски путей по усовершенствованию бурятского литературного языка. Предлагаются различные варианты. Например, создание литературного языка на многодиалектной основе, при этом широко используя лексическое богатство и грамматические особенности всех диалектов, возврат к латинице или к сонголо-сартульской диалектной основе, даже – возврат к старомонгольскому письменному языку.

Любая смена письменности, какую бы роль она не играла в дальнейшей судьбе народа, как правило, несет с собой негативные моменты, так как в результате этого прерывается вся литературная и культурная традиция народа. При смене алфавитов у бурят была допущена непоправимая ошибка: старомонгольская письменность была объявлена ламаистско-дацанской и панмонгольской и предана полному забвению.

Поскольку вся бурятская дореволюционная литература и история бурятского народа, а также постреволюционная, богатая по содержанию и значимости, документация были написаны на этой письменности, то следовало бы сохранить хотя бы факультативное изучение этой письменности. Этого не было сделано, и в результате, в пору гласности и демократизации общества, когда наступило время пересмотра прежних исторических, политических и других концепций, современные научные работники, общественные и государственные деятели республики оказались беспомощными, так как возникла проблема обработки исторических материалов, партийных и государственных документов на старомонгольской письменности. Сейчас многие вынуждены изучать этот язык как новый, а для этого нужно время. Но, несмотря на это, необходимо незамедлительно приступить к изучению этого языка, чтобы богатейшие старые рукописи, архивные материалы и разнообразная литература, изданная до 30-х гг., не оставалась лежать мертвым грузом.

При создавшейся языковой ситуации в Бурятии любая кардинальная ломка литературного языка чревата опасностью потери самого литературного языка. Поэтому единственный выход: усовершенствовать изучение родного языка в учебных заведениях,

улучшить подготовку педагогического персонала, а самое главное – коренным образом изменить в лучшую сторону издательскую деятельность на бурятском языке.

Как указывалось выше, после революции языковая ситуация в Бурятии стала существенным образом изменяться. В нашей огромной стране, которая называлась Советским Союзом, на роль языка межнационального общения закономерно выдвинулся русский язык. Интенсивное развитие получило бурятско-русское двуязычие. Например, в начальные годы Советской власти (в 20–30-е гг.), развивалось достаточно гармоничное бурятско-русское двуязычие. Языковое строительство в республике шло в правильном направлении: заметно расширялась сфера применения бурятского языка – титульного языка республики Бурятия. В те годы обучение в школе полностью осуществлялось на родном языке. Учились не только дети, но и взрослые: действовал так называемый ликбез, развивалась сеть школ крестьянской молодежи (ШКМ). Интенсивно развивалась издательская деятельность на бурятском языке, заметно возрос культурный уровень, началось формирование бурятской интеллигенции и научных работников.

Однако эти положительные тенденции были прерваны трагическими событиями 1937–1938 гг., когда почти полностью подверглись репрессиям энтузиасты этого прогрессивного движения. Ликвидация значительной части национальной интеллигенции и специалистов-ученых из числа русской интеллигенции, занимавшихся изучением культуры и языка коренных народов, нанесла огромный урон культурному развитию этих народов, в том числе сохранению и совершенствованию их языков. Непомерная централизация и монополизация всей жизни нашего общества, вульгарные противопоставления классовых и национальных интересов надолго законсервировали развитие национальных языков.

Все реальные проблемы межнациональных отношений в нашей стране в период так долго длившегося командно-административного правления прикрывались громкими лозунгами о дружбе народов, безликого интернационализма и т.п. В такой ситуации проблемы языков вообще не обсуждались, любая попытка в этом направлении оценивалась как националистическая со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В 50-х – начале 60-х гг. нас захлестнула идея построения коммунизма в ближайшие 20 лет. Затем был брошен призыв незамедлительного образования новой исторической общности – единого советского народа; широко пропагандировали лозунг о так называемом втором родном языке и т.п. Все это коснулось судеб людей, целых народов, как говорится, проходило «по живому» и сыграло весьма отрицательную роль в укреплении и развитии советских наций и их языков.

Все эти негативные явления в нашей стране отразились и на бурятском народе; был нанесен немалый ущерб и его языку, который фактически утратил свои общественные функции и был сдвинут на периферию социальной жизни.

С развитием в республике промышленного производства, с появлением индустриальных гигантов в Республике Бурятия начала складываться новая языковая ситуация; появлялись целые предприятия, соответственно и жилые массивы, где в основном говорили на русском языке. Как раз в этот период бурятский язык нуждался в государственной заботе о его сохранении и развитии, в создании материальной базы и других условий, чтобы выжить в такой неординарной обстановке. Во всех общеобразовательных школах республики, в том числе и в тех, где преподавание ведется на русском языке, необходимо было обеспечить изучение истории, литературы и искусства бурятского народа, так как люди, добровольно приехавшие на постоянное место жительства в национальную республику и связавшие свои судьбы с этой республикой, не могли не интересоваться историей и географией, литературой и искусством коренного народа. Для желающих углубить свои знания в области бурятской литературы, языка, истории и т.п. можно было организовать преподавание бурятского языка, учитывая при этом принцип добровольности. Могли из среды ученых появиться новые Черемисовы, Кудрявцевы, Румянцевы.

Вместо этого в республике был избран другой путь: все школы Улан-Удэ, районных центров и рабочих поселков перешли на общесоюзную программу. Бурятский язык не преподается ни в вузах, ни в средних специальных учебных заведениях. Дело дошло до абсурда, когда в начале 70-х гг. было приостановлено начальное образование на родном языке во всех бурятских школах. Это распространялось даже на начальное обучение в школах тех населен-

ных пунктов республики, где проживают одни буряты, дети которых, естественно, не знали никакого другого языка, кроме родного. С этим, мягко говоря, недоразумением связаны и другие негативные явления – сокращение издания литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению и т.п.

Эти вопиющие недоразумения могли привести не только к падению авторитета или популярности бурятского языка, что, собственно, и произошло, но и к его полному забвению.

Эти крайности начали исправляться в нашей республике только в последние годы, когда мы пришли к новому видению национально-языковых проблем. Страна решительно становится на демократический путь развития, широко возрождается национальное самосознание, и как следствие – остро встает вопрос об овладении родным материнским языком. Только в 1986 г. обучение во всех начальных классах школ с бурятским контингентом учащихся было переведено на родной язык. Были приняты меры по некоторому увеличению выпуска литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению. Проводятся уроки бурятского языка в школах города и некоторых районных центрах, организовывались передачи по телевидению и факультативы в газете по изучению бурятского языка. Что очень важно, в 1991–1992 учебном году открыт в Бурятском государственном университете специальный факультет бурятской филологии, который в 2002 г. преобразован в Национально-гуманитарный институт БГУ.

Но, как показала сама жизнь последних лет, все эти достаточно энергичные и прогрессивные мероприятия не достигли нужного эффекта, ибо сфера функционирования бурятского языка была сужена почти до критической точки и большой процент бурят, особенно в городах и рабочих поселках, стали русскоязычными.

Стало очевидным, что для восстановления и поднятия статуса бурятского языка необходимы более существенные меры, вплоть до принятия правового акта – признания бурятского языка государственным наряду с русским языком и разработки научно обоснованных законодательных актов о языках Республики Бурятия. В соответствии с законом Российской Федерации «О языках народов РФ» 10 июня 1992 г. был принят закон РБ «О языках народов Республики Бурятия», где говорится о двух государственных языках – русском и бурятском.

Территория Бурятии – это единственный регион на земном шаре, где может сохраниться и развиваться бурятский язык, переходя из поколения в поколение. С этим, безусловно, должны быть согласны живущие бок о бок с бурятами русские, которые составляют подавляющее большинство населения республики, и люди других национальностей, проживающие в Бурятии. Поэтому объявление бурятского языка государственным наряду с русским в пределах Бурятии – это справедливый правовой акт, направленный на возрождение бурятского языка, на его сохранение и дальнейшее развитие.

Закон о языках – это акт долговременный, и его стратегическая задача должна быть нацелена, главным образом, на молодое поколение, чтобы росли уверенные в жизни, гармонично развитые люди, в совершенстве владеющие как своим родным языком, так и русским и другими языками. Только таким путем можно на деле реализовать задачи сохранения и развития языков.

В законе «О языках народов Республики Бурятия» наряду с его основной статьей о придании статуса государственного бурятскому и русскому языкам констатируется, что Бурятская республика, как и Российская Федерация, должна обеспечивать на своей территории экономическую, социальную и юридическую защиту языков, подразумевая при этом осуществление конкретных практических мероприятий. В целях реализации Закона о языках Правительством Республики Бурятия было принято постановление № 241 от 09.07.1996 г., где было указано, что «Закон Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия» не выполняется в полном объеме. Ряд его статей на практике не применяется». Придавая важное значение выполнению закона РБ о языках, Правительством Республики Бурятия была разработана и утверждена «Государственная программа сохранения и развития языков народов РБ».

В концепции государственной программы Российской Федерации справедливо подчеркивается, что «в республиках в составе РФ, где коренное население, давшее название республике, составляет меньшинство, язык этого коренного населения нуждается в особой защите и поддержке»¹². И справедливо указано в государственной программе РБ: «Сохранение и развитие титульного языка Республики Бурятия – это повседневная, осознанная всем населением республики работа, рассчитанная на десятилетия. Здесь требуется

большая разъяснительная работа, популяризация родного языка, главным образом, через средства массовой информации. Языковая проблема – это весьма деликатная область, требующая максимально корректного подхода. Нередко языковые конфликты оказывались скрытыми причинами межнациональных потрясений. Поэтому эта работа должна проходить без элементов принуждения и администрирования. Нет сомнения в том, что для сохранения и развития бурятского языка одного юридического (правового) акта мало, необходимо, чтобы все это закреплялось нравственно, проходило через сознание не только самих бурят, но и представителей других народов, проживающих в республике и связавших свои судьбы с Бурятией. А это означает, в конечном счете, что поднимать культуру собственного народа и развивать свой родной язык возможно только в том случае, если не отрицать культуру другого народа, относиться с уважением к языку другого народа.

¹ Льюис Г. Морган. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934. С. 62.

² Сосновский В. И. К вопросу об образовании бурятской народности // Бурятоведение, Верхнеудинск, 1928. Вып., 4 (8). С. 101

³ Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

⁴ Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубина // Бурятоведение. Верхнеудинск, 1926. Вып.2.

⁵ Окладников А. П. Археологические данные... С.200-201.

⁶ Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. С.294.

⁷ Об эвенкийских топонимах в бурятском языке см. статью автора под таким же названием в кн. «Исследования по ономастике Прибайкалья». – Улан-Удэ, 1990. С. 3-8.

⁸ Подробно об этом см. статью автора «Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе» // Вопросы языкознания. – 1998. – №4. – С. 123-128.

⁹ Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953. С. 14.

¹⁰ Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.

¹¹ См. газету «Буряад Үнэн» (Бизнес Олзо) от 11 октября 2002 г. № 41 (261).

¹² Государственные языки в Российской Федерации. М., 1995. С. 377.

С. М. Бабушкин

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ БУРЯТСКО-РУССКОГО ДВУЯЗЫЧИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В современной этнической Бурятии все взрослое население владеет русским языком. Число людей, не знающих русского языка, неуклонно сокращается, и сегодня не в каждом бурятском селе можно найти такого человека. Интенсивное развитие массового бурятско-русского двуязычия в 1990 гг. было обусловлено, во-первых, тем, что русское население количественно значительно преобладало над коренным бурятским. Если к моменту образования БМ АССР в 1923 г. буряты составляли 55% всего населения, то, по данным переписи 1989 г., из 1 038 258 человек, проживавших в республике, буряты составляли 249 525 человек, то есть немногим более 24%. Во-вторых, население республики становилось все более многонациональным. Если, по переписи 1926 г. были зарегистрированы представители 9 национальностей, то в 1989 г. — уже свыше 60. В эти годы высокими темпами шла урбанизация бурятского населения. Все более частыми становились межнациональные браки.

Изучение бурятско-русского двуязычия в 1990-х гг. показало, что, несмотря на то, что среди бурят в целом быстро развивается массовое двуязычие, все же оно в разной степени распространено в разных частях этнической Бурятии, среди городских и сельских бурят, среди людей, живущих в разном окружении, разных социальных слоев и разного образовательного уровня, среди людей разных профессий.

Так, двуязычие в разной степени распространено в Западной и Восточной Бурятии. Деление бурят на восточных и западных отражало различия между ними в укладе жизни и экономики, в языке и вероисповедании. Еще до революции западные буряты подверглись глубокому влиянию русских. Бывшие скотоводы быстро и успешно восприняли способы обработки земли у русских крестьян

еще в XVIII в. и стали вести оседлый образ жизни. По религии они были двоеверцами – шаманистами и христианами. Христианство было официальной религией, и потому западные буряты подвергались насильственному крещению в XVII–XVIII вв. Добайкальские буряты в качестве письменного языка использовали преимущественно русский язык, ибо письменность, созданная миссионерами на их родном наречии, не получила широкого распространения и имела ограниченные функции.

В 1937 г. западные аймаки были отделены от Бурят-Монгольской АССР и переданы Иркутской области. Поэтому в годы войны и в послевоенные годы изучение бурятского литературного языка в Западной Бурятии было сильно ослаблено. В конце 1980-х гг. в Усть-Ордынском округе было восстановлено преподавание бурятского языка как учебного предмета более чем в 60 школах.

Здесь развитие бурятско-русского двуязычия, в котором бурятский компонент реализуется в форме местного диалекта, в 90-е гг. достигло такой стадии, что люди часто не чувствовали большой культурно-образовательной потребности в бурятском литературном языке или диалекте. Р. Х. Харташкина, проводившая социолого-лингвистическое обследование у западных бурят ещё в 70-е гг., указывает, что только 42% опрошенных родителей соглашались с тем, что можно начинать обучение детей на бурятском языке, но при условии как можно быстрее перехода их на русский язык, ибо, по их мнению, учить на языке, которым пользуются лишь в быту, в современных условиях – это значит искусственно закрывать молодежи дорогу в науку, в образование. Большинство желает обучать своих детей на русском языке, но в то же время они не хотят, чтобы их дети забывали родной язык¹.

По этой причине в 70–90-х гг. в Западной Бурятии наряду с развитием бурятско-русского двуязычия начало активно расти число бурят, считающих своим родным языком русский и не владеющих бурятским. Так, если в 1959 г. число бурят в Иркутской области, считающих родным языком русский, составило 7,0% (среди горожан 22,1%), то в 1979 г. оно более чем удвоилось и составило 14% (среди горожан 32,2%).

В Восточной Бурятии двуязычие традиционно было распространено слабее. Многие бурятские улусы были однородными по

национальному составу. В таких условиях дети, поступая в школу, обычно совершенно не владели русским языком. Но они к окончанию средней школы довольно хорошо осваивали нормы русского литературного языка. В качестве же первого языка, на котором они думали и употребляли его во всех невынужденных ситуациях и в 80–90-е гг., как правило, оставался родной язык.

Именно восточные буряты, на говорах которых базируется бурятский литературный язык, являются основными потребителями печатной продукции. Хотя литературный язык сегодня здесь уже не пользуется такой популярностью как в 50-е гг., восточные буряты являются основными читателями произведений бурятских писателей, газеты «Буряад Үнэн» и других газет, а также журнала «Байгал», издаваемых на бурятском языке. Они основные зрители постановок театра бурятской драмы, с удовольствием слушают бурятские песни по радио, смотрят телевизионные передачи на бурятском языке и т.д.

По степени владения бурятским и русским языками на рубеже веков бурятское сельское население Республики Бурятия можно разделить на три группы:

1. Колхозники, рабочие совхозов, члены крестьянских хозяйств, занятые преимущественно физическим трудом. Образовательный уровень у них низок (V–VII классов). К этой группе примыкают люди пожилого возраста (70–80 лет), а также дошкольники. У этой категории населения основным языком общения является бурятский на уровне местного говора. Эти люди слабо владеют русским языком и предпочитают читать книги и газеты на родном языке. Не случайно, основными читателями, например, газеты «Буряад Үнэн» до недавнего времени являлись люди пожилого возраста. Однако при необходимости эта группа (кроме дошкольников) может общаться с русскими, испытывая при этом заметные трудности.

2. Вторую группу составляют механизаторы, животноводы и другие категории сельского населения с уровнем образования VIII–X классов. У них основной язык также бурятский. По сравнению с первой группой они лучше владеют русским языком, могут довольно свободно говорить на нем и писать, хотя в их русской речи могут быть различные нарушения литературных норм.

3. Третью группу составляет сельская интеллигенция (руководители и специалисты хозяйств, учителя, врачи и т.д.) с высшим или со специальным средним образованием. Они хорошо владеют русским и зачастую бурятским литературными языками, хотя в повседневной жизни общаются, как правило, на местном бурятском диалекте.

В целом сельские жители слабее владеют русским языком, чем городские жители. Если для них бурятский язык основной язык общения, то для горожан уровень владения русским приближается к уровню владения родным языком либо многие из них владеют только русским. Большинство же сельских детей из мононациональных сел испытывают определенные затруднения при общении на русском языке. Это сказывается на результатах приемных экзаменов в вузы, на дальнейшей учебе и в целом на жизни человека. Слабое знание русского языка часто заставляет их быть пассивными.

С начала 80-х гг. с мест стали приходиться тревожные сведения о том, что быстро уменьшается количество молодых людей, желающих изучать бурятский язык² Негативный процесс отчуждения от родного языка вызвал в свою очередь противоположную реакцию. Трудящиеся стали требовать введения всеобщего обучения бурятскому, издания на нем в большом количестве литературы, увеличения часов передач на бурятском языке по радио и телевидению и т.д. В этой связи в 1986 г. было принято постановление ОК КПСС и Совета Министров Бурятской АССР о восстановлении преподавания нелингвистических предметов (математики, истории и др.) в начальных классах бурятских школ на родном языке и об изучении родного (бурятского) языка учащимися в начальных, восьмилетних и средних школах, работающих по плану русских школ. С тех пор в республике и в округах осуществляется комплекс мер по возрождению бурятского языка, совершенствованию бурятско-русского двуязычия и формированию русско-бурятского билингвизма.

Значительную долю лиц, не знающих русского языка, в 1980–90-х гг. составляли сельские дети дошкольного возраста; слабо владеют русским многие школьники начальных классов и сельские жители старше 70 лет. Они проживают в тех районах республики Бурятия и Агинского автономного округа, где бурятское население преобладает. Так, в 1989 г. буряты составляли в Еравнинском районе –

50,4%, Закаменском – 57,3%, Кижингинском – 57,3%, Тункинском – 61,4%, Окинском – 90,7%³. Конечно, положение в разных регионах этнической Бурятии различно. Так, в городах и крупных поселках городского типа все дети посещают детсады с русским языком воспитания. Эти дети или не знают языка своей национальности, или знают его хуже, чем русский язык. Примерно одинаково знают оба языка дети-буряты в райцентрах и крупных селах со смешанным населением. В детсадах они разговаривают на русском, дома – на бурятском.

Переход на русский язык обучения с первого класса во всех бурятских школах был осуществлен в середине 70-х гг., в это же время были открыты подготовительные классы. Десятилетний опыт работы показал, что учащиеся-буряты в подавляющем большинстве справляются с программой начальной школы на русском языке. В дальнейшем они заканчивают средние школы, многие из них поступают не только в местные, но и в центральные вузы и техникумы. Уверенное владение русским языком позволяет выпускникам школ успешно трудиться в интернациональных производственных коллективах, где языком общения является русский язык.

В связи с острой постановкой национальных и национально-языковых проблем появилось иное видение этих проблем и со стороны руководства республики. В 80-е гг. прошла волна бурного обсуждения современного состояния бурятского языка. Приняты меры по некоторому увеличению выпуска литературы на бурятском языке, передач по радио и телевидению. Бурятский язык начал изучаться с середины 80-х гг. в некоторых школах городов и районных центров.

В соответствии с требованиями реформы общеобразовательной школы со второй половины 80-х гг. дети-шестилетки по всей стране пошли в I классы. Перед бурятской школой возникла проблема: переходить снова на родной язык обучения в I классе или принимать в подготовительные классы с пятилетнего возраста. К обсуждению проблемы подключились учителя, работники пединститута, ИУУ, Минпроса и Бурятского филиала Института национальных школ МП РСФСР. В августе 1986 г. Бурятский ОК КПСС созвал широкое совещание по этому вопросу. Было решено, что язык обучения в начальных бурятских классах определяют сами школы под руководством районо, исходя из конкретных местных условий.

В тех селах, которые находятся в окружении русских деревень и в которых есть русские семьи, оставили языком обучения с I класса русский язык. А там, где нет таких условий, решено в I классе шестилеток, не знающих русского языка, обучать на бурятском. В 1986/87 учебном году в I классе обучались на родном языке в незначительном количестве школ. Сказалась традиция родителей определять детей в классы с русским языком обучения, а также отсутствие учебников математики на бурятском языке. Только в 1987 г. Бурятское книжное издательство выпустило в свет учебник математики для I класса на бурятском языке. Был осуществлен перевод учебника для русских школ.

В последующие годы 124 начальные школы из 166 перешли на родной язык обучения, а 42 бурятские начальные школы оставили языком обучения с I класса русский, поскольку дошкольники в этих селах говорили немного по-русски. Учителя этих школ объясняют учебный материал на русском языке, в необходимых случаях прибегая к родному языку.

С 90-х гг. стали изучать родной язык и литературу все учащиеся национальных классов, но часов на изучение родного языка было выделено примерно в 2–3 раза меньше, чем на изучение русского языка, хотя отдельные передовые учителя все-таки добиваются несомненных успехов в обучении детей бурятскому языку. Все классы с 1 по 10 обеспечены оригинальными учебниками и учебными пособиями. В школах достаточно учителей бурятского языка и литературы с высшим образованием. В 90-е гг. их выпускал факультет бурятской филологии БГПИ–БГУ. В 1930–1980-е гг. в БГПИ работало отделение русско-бурятской филологии, его ежегодно заканчивали 20–25 человек по специальности «Русский язык и литература, родной язык и литература», но в первой половине 80-х гг. новых вакансий по родному языку в школах бывало не более восьми–десяти. Остальные выпускники вели русский язык и литературу в бурятских классах. То, что всей республике ежегодно требовалось всего лишь восемь–десять молодых учителей бурятского языка, говорит о небольшом количестве часов, выделяемых на этот предмет. Даже в крупных средних школах было по одному комплекту бурятских и по два–три комплекта смешанных по национальному составу классов. Буряты при первой же возможности старались отдавать детей в русские классы, и поэтому в некоторых

селах встречались определенные трудности при наборе в бурятские классы.

Учителя бурятского языка и литературы многое делают для того, чтобы привить детям любовь к родному языку. В этом плане необходимо отметить работу учителей республиканской школы-интерната №1 г. Улан-Удэ (ныне лицей), где учатся дети из разных районов республики. В условиях интерната дети быстро отвыкают от диалектного произношения и овладевают литературными нормами. Этому способствуют не только уроки, но и разнообразная внеклассная работа, которая отличается систематичностью.

Учителя бурятского языка в 80–90-е гг. были вынуждены обходить различные организации и частных лиц, чтобы собрать минимум необходимых оригинальных текстов. Об этом говорилось многократно на республиканских совещаниях в присутствии руководителей Минобразования РБ и книжного издательства. Но положение с литературой на бурятском языке и сегодня нельзя назвать удовлетворительным. В магазинах республики невозможно найти произведения классиков бурятской литературы Х. Намсараева, Ц. Дона, Ж. Тумунова, Ч. Цыдендамбаева, Д. Р. Батожабая и многих других. Их книг нет ни на бурятском языке, ни в переводе на русский язык.

Выпускники отделения русско-бурятской филологии БГПИ работают учителями и русского языка в бурятских классах. Иногда одному и тому же учителю приходится вести уроки по родному и русскому языкам, и он старается, чтобы ученики одинаково хорошо знали и тот, и другой язык. Но более характерным является положение, когда один и тот же учитель ведет русский язык в национальном и русском классах. В связи с повышением общего уровня владения русским языком бурятами учителя-языковеды V–XI классов не видят принципиальной разницы в методах и приемах обучения русских и бурят, тем более, что в русских классах нередко половина учеников буряты.

При подготовке к урокам учителя бурятских школ систематически обращаются к методической литературе, адресованной русским школам. Используются и пособия, созданные для национальных бурятских школ. Но в 70-е гг., кроме учебников и учебных пособий для учащихся, специальных трудов по методике преподавания русского языка в бурятских школах издавалось мало. Доста-

точно сказать, что за десять лет не было выпущено ни одной монографии по данной проблеме.

В 80-е гг. положение с публикациями крупных работ по преподаванию русского языка в национальной аудитории в республике несколько улучшилось благодаря усилиям сотрудников Бурятского филиала НИИ национальных школ МП РСФСР (изданы монографии М. Н. Мангадаева, Б. Б. Нехурова, Н. Р. Петровой) и преподавателей БГПИ им. Доржи Банзарова (изданы работы Ж. С. Сажинова, С. М. Бабушкина).

Учителя национальных классов по-настоящему остро не испытывают дефицита литературы по методике преподавания, потому что используют литературу, адресованную русским школам, и прежде всего журнал «Русский язык в школе». Труды, предназначенные для союзных и крупных автономных республик, не всегда доходят до бурятских школ.

С начала 80-х гг. в Бурятии обсуждался вопрос о переходе учащихся-бурят V–VI классов на учебники по русскому языку для национальных школ РСФСР. В нескольких школах проводилась экспериментальная работа, и учителя одобрили эти учебники. И с 1986/87 учебного года эти классы используют типовые учебники для национальных школ РСФСР. В последующие годы произошли подобные изменения в отношении учебников VII–IX классов, но республика плохо обеспечивалась этими учебниками.

Качество учебников не всегда удовлетворяет требованиям бурятской школы, среди учителей и методистов идет деловое обсуждение по их улучшению. Тем не менее, большинство поддерживало переход на единые учебники для национальных школ Российской Федерации, а в отдельных школах из-за необеспеченности этими изданиями бурятские классы работали по программе русских школ. Более того, определенная часть педагогов убеждена, что бурятские школы вполне могут работать по программам и учебникам русских школ. По данным статистики большая часть от общего количества детей-бурят посещает русские классы, и число родителей, желающих обучать своих детей по программам русских школ, увеличивается. Кроме того, за возможность перехода в будущем в средних и старших классах на учебник для русских школ говорит и то, что специальные учебники по лингвистическим предметам для бурятских классов не издаются. Все предметы,

кроме русского языка, дети-буряты изучают по тем же учебникам, что и в русских школах.

Бурятские школы недостаточно обеспечены учебными комплексами, техническими средствами обучения и наглядными пособиями. Но главным условием успешного обучения русскому языку учащихся-бурят является наличие подготовленных кадров. Выпускники БГПИ им. Д. Банзарова, ныне БГУ в 90-е гг. составляли более 90% учителей-языковедов республики. Благодаря их усилиям и благоприятным социально-экономическим условиям дети-буряты овладевают русским языком. Успехи работы школы неоспоримы, но еще много нерешенных проблем. В первые классы ежегодно приходят тысячи детей, не владеющие русским языком. А сколько их в республике? В 90-х гг. монопольными были поступающие в 124 сельские начальные школы с однородным национальным составом, количество детей в классах колебалось от 15 до 25 человек, т.е. классы были небольшие, в среднем по 20 человек. Таким образом, не владеющих русским языком в сельские школы республики в конце 90-х гг. приходило около 2 500 человек, а в школы двух округов еще около 1 500 детей. Учащиеся начальных классов в селах с бурятским населением слабо говорят и пишут на втором языке, они испытывают большие затруднения при составлении предложений и текстов, пересказах и т.д. За 10–11 лет обучения в школе, особенно в процессе обучения на русском языке в 5–11 классах качество русской речи детей значительно улучшается. Хотя все выпускники средних бурятских школ могут свободно общаться на русском языке, качество их устной и письменной речи далеко от совершенства. При этом они владеют всеми видами речевой деятельности (аудированием, говорением, чтением и письмом) на родном языке, так как все годы учебы изучают бурятский язык и литературу как учебные предметы. Именно с учащимися национальных классов республики и двух округов можно связывать сохранение бурятского литературного языка, а также ситуации двуязычия. Однако таких учащихся в целом по республике не более 20 тыс. и около 10 тыс. в округах. Обучение в национальных классах и проживание в бурятских селах стимулирует их до 17–18 лет систематически пользоваться всеми формами родного языка, и они не забывают родную речь и после школы, активно пользуются ею. Многие из них поступают в вузы на специальности, связанные

с бурятским языком и литературой, и в дальнейшем становятся специалистами в области бурятоведения, учителями бурятского языка и литературы и т.д.

Анализ русской речи учащихся национальных школ или классов показывает, что, прежде всего, беден их словарный запас на втором языке по сравнению со словарем тех бурят, которые обучаются в одном классе с русскими. Их речь не изобилует разнообразием синтаксических конструкций, сохраняется акцент. Одной из причин указанных недостатков русской речи детей национальных классов является то, что большую часть времени они общаются на родном языке. Окружающая среда в сельской местности недостаточно стимулирует постоянную русскую речевую практику вне школы. Также нужно отметить определенные недостатки методов и приемов обучения, увлечение на уроках лингвистической теорией в ущерб развитию речи. Эти и другие проблемы неоднократно поднимались на конференциях, семинарах и совещаниях учителей.

Из всего разнообразия ошибок, допускаемых выпускниками национальных школ, рассмотрим в качестве примеров некоторые распространенные нарушения норм фонетики, грамматики и лексики.

Фонетика. Например, в бурятском языке есть определенные ограничения, связанные с особенностями позиционного употребления согласных в пределах слова и с нормами сочетаемости этих звуков. Так, в начале исконно бурятских слов не употребляются согласные *p, p', л, л'*, поэтому у некоторых учащихся при произношении русских слов, начинающихся с этих согласных, в потоке речи иногда перед названными звуками появляются редуцированные гласные: рана – *ьрана*, редька – *ьредька*, лампа – *ьлампа*, лебедь – *ьлебедь*.

В русских словах, в начале которых имеется сочетание согласных, у бурят возможны следующие ошибки: 1) произношение лишнего редуцированного гласного перед сочетанием согласных: сказка – *ьсказка*, студент – *устудент* и т.д.; 2) произношение лишнего редуцированного гласного между согласными: трактор – *тьтрактор*, план – *пьлан* и др., что вызывает возникновение дополнительного слога; 3) отрицание одного из согласных из стечения: староста – *тароста*, пшеница – *шэниисэ* и т.д.

Грамматика. Сегодня многие буряты считают, что они хорошо овладели категорией рода, характерной для русского языка. Хотя ошибки при употреблении грамматического рода встречаются у учащихся старших классов и даже студентов. Сложность обычно представляет определение имен существительных 1-го склонения мужского рода с нулевым окончанием именительного падежа типа *пень, конь* и существительных женского рода 3-го склонения типа *тень, рожь*. Ошибки допускаются и в устной, и в письменной речи, так как нередко существительные 3-го склонения женского рода воспринимаются как существительные мужского рода, или наоборот. Например: «Герой рассказа имел *свой цель жизни*, к которому стремился несмотря ни на что. Ученик на своей грядке вырастил *большой морковь*. Дедушка сел на *большую пень* под соной». Подобные ошибки характерны и для отдельных представителей старшего поколения, имеющих даже среднее или высшее образование.

Нередко встречается неправильное употребление видовременных форм глагола. Рассмотрим в качестве примера употребление несовершенного вида вместо совершенного: «Охотник вчера *подрезывал* крылья маленьким утятам. Однажды мама *выходила* доить корову и увидела волка в нашей ограде. Неожиданно разведчик *выползал* из кустов и ударил его автоматом. *Ударял* сильный мороз и речка замерзла».

Также возможно употребление совершенного вида вместо несовершенного: «Дети ежедневно *полили* кусты смородины. Часто птица *прилетела*, и тогда девочки кормили ее. Мальчики иногда *приходили* сюда и *принесли* ему кушать».

Неправильное употребление формы настоящего времени вместо будущего простого. Примеры: «Дети очень устали, пусть немного *отдыхают* здесь. Когда билеты будут проданы, тогда *начинается* концерт».

Лексика. Рассмотрим примеры с ошибками, связанными с несовпадением объема значения, заключенного в соответствующих словах русского и бурятского языков. Бурятское слово *абаха* на русском может быть переведено как «взять, снять, достать, вынуть». Поэтому в русской речи бурят встречаются такие предложения: «Мальчик хотел *взять* веревку с рогов коровы» (вместо *снять*). «Отец хотел *снять* из капкана зверька» (вместо *вынуть*).

Это лишь некоторые примеры нарушений норм фонетики, грамматики и лексики учащих-ся-бурят. Многие ошибки являются устойчивыми и распространенными, и они сохраняются у значительной части выпускников бурятских школ довольно долго. Некоторые нарушения норм русского языка, обусловленные влиянием системы родного языка, наблюдаем и у сельских специалистов-бурят с высшим образованием.

Приблизительно 50% детей-бурят, проживающих в сельской местности, обучаются в русских классах, где смешанный национальный состав. Такие учащиеся в школе и вне ее общаются на русском языке не только с русскими, но нередко и с бурятами. На родной переходят при разговоре с родителями, дедушками и бабушками, со взрослыми, нередко с учениками национальных классов. Но использование ими русского языка настолько интенсивно, что к старшему школьному возрасту они владеют двумя языками примерно в одинаковой мере при разговоре и аудировании, но читать и писать на бурятском не умеют, так как большинство из них не изучали этот предмет в школе.

По разным данным, к началу XXI в. в сельской местности проживает примерно половина бурятского населения, из них более 80% владеет родным языком. Совершенно другая языковая ситуация в городах и поселках городского типа, где живет другая половина⁴ бурятского населения. В этих населенных пунктах русские составляют подавляющее большинство (от 80% до 99%), все общение в различных сферах жизни в основном проходит на русском языке, и, соответственно, бурятская молодежь обычно не владеет языком своей нации.

Таким образом, можно утверждать, что к началу XXI в. ситуация с билингвизмом в Бурятии является неустойчивой, для многих бурят функционально первым языком становится русский, а со временем они полностью переходят на этот язык. Переход с родного языка на двуязычие, а с двуязычия на второй язык известен давно и во многих странах, в том числе в СССР. Например, по переписи 1970 г. в СССР тринадцать миллионов граждан нерусского происхождения назвали русский язык своим родным языком. «Показательна в этом отношении лингвистическая судьба тверских карелов (их насчитывается свыше 100 тысяч), – писал Ф.П. Филин. – На наших глазах у них происходит утрата карельского языка и

переход на одноязычие (родным становится русский язык), причем в настоящее время этот процесс завершается»⁵.

В 1992 г. Верховным Советом Республики Бурятия был принят закон о языках народов РБ, согласно которому бурятскому языку был придан статус государственного наряду с русским языком. 9 июля 1996 г. выходит постановление правительства республики «О ходе выполнения закона Республики Бурятия «О языках народов Республики Бурятия», где было отмечено, что принятие закона о языках дало определенные результаты в сфере образования, культуры, способствовало более широкому применению бурятского языка в жизни республики. Вместе с тем указывалось, что закон о языках не выполняется в полном объеме, ряд его статей на практике не применяется. Постановлением была утверждена «Государственная программа сохранения и развития бурятского языка». Сегодня, в начале XXI в., мы опять вынуждены констатировать, что не выполняются не только ряд статей закона, но и многие положения программы правительства, принятой в 1996 г.

Среди значительной части бурятского населения в последние десятилетия продолжается ускоренный переход от двуязычия на одноязычие. Данные исследователей показывают, что во второй половине 1990-х гг. в г. Улан-Удэ 22,8% опрошенных взрослых бурят не говорят на языке своей национальности, 32,1% – не умеют читать, 42,2% – не умеют писать⁶. Эти же лингвисты отмечают, что «в целом в Бурятии более 60% взрослого бурятского населения является билингвами». Это значит, что около 40% бурят монолингвы, из них значительная часть может общаться только на русском языке. Самыми низкими являются показатели употребления бурятского языка в следующих сферах: «Выступления на собраниях, ... общение на работе, а также при чтении книг, газет, журналов, при переписке»⁷.

Наши исследования в конце 90-х гг. в молодежной среде показали, что в г. Улан-Удэ на бурятском языке могут общаться лишь около 25% бурят V–XI классов, а остальные 75% владеют только русским языком. А в возрасте до 30 лет в городах и поселках городского типа не могли общаться на языке своей нации более 60% молодых бурят. Такое положение тревожит национальную интеллигенцию, и она отмечает, что предпринимаемые в последние два десятилетия усилия не остановили процесс увеличения числа бу-

рят, не владеющих бурятским языком. В этнографической Бурятии развитие одностороннего бурятско-русского двуязычия, нередко переходящее в одноязычие, особенно интенсивно среди городского населения.

Газета «Бурятия» сообщает, что, по мнению профессора С. Ш. Чагдурова, высказанному в июне 1996 г., «бурятский народ, особенно молодое поколение, продолжает терять свой национальный облик. Родной язык давно уже вытеснен из общественной жизни в бытовую сферу. 75% подрастающего поколения общается между собой только на русском»⁸.

Профессор из США Г. Маррис, побывавший в республике в 1995 г. сказал: «У вас, бурят, только лицо азиатское. Во всем остальном вы практически ничем не отличаетесь от русских»⁹. О том, что бурятский язык находится у критической черты, говорят и пишут многие ученые и общественные деятели. Известный лингвист профессор В. И. Рассадин пишет: «Если живешь в Бурятии и уважаешь этот народ, то нужно понимание его языка, знание истории и обычаев, пусть и не в совершенстве... Я считаю, что госчиновники, от самых мелких до занимающих важные должности, обязаны знать и уметь применять оба государственных языка»¹⁰. Бедственное положение, к которому пришли национальные языки СССР и современной России, приложил свою руку тоталитарный режим советского периода. Об этом писатель Чингиз Айтматов говорит: «Мы пережили угрожающие моменты языковой ассимиляции. Но повинен был в этом не русский язык, как таковой, а наша однобокая национально-выслужническая, подбострастная политика»¹¹.

В современном мире, несмотря на возрастающую интеграцию экономики и универсализацию культуры, а, может быть, как раз вследствие этого, этнические, этнокультурные, этноязыковые проблемы не отступают на обочину истории. Они приобретают все большее значение, и Бурятия (а также и вся Россия) не может быть в стороне от общемирового процесса. А интеграция и универсализация идут рука об руку с фрагментацией, децентрализацией и стремлением к сохранению самобытности.

Народы Бурятии сегодня не образуют единого языкового коллектива, коммуникация между представителями разных языковых коллективов осуществляется посредством общего для всех языка-макропосредника. Хотя коммуникация посредством мажоритарно-

го языка в рамках разноязыкового социума имеет существенные ограничения. Она возможна лишь до тех пор, пока разноязычные индивиды используют мажоритарный язык. Как только одна группа переходит на тот язык, которым другая не владеет, коммуникация между ними тут же прерывается. В наши дни русскоязычная часть республики не понимает содержания многих мероприятий национального праздника «Сагаалган» (новый год по лунному календарю), которые проходят на бурятском языке; также она не понимает содержания многих передач республиканского радио и телевидения, спектакли национального драмтеатра и т.д.

Неоднократное повторение подобных коммуникативных разрывов приводит к фрагментации общества по языковому признаку. Особенно четко такая фрагментация может проявиться в моменты возникновения в рамках этого социума какой-либо социальной напряженности. Зачастую языковая фрагментация оказывается более существенной, чем этническая.

Если бурятский язык и дальше будет использоваться лишь ограниченной частью жителей республики, он фактически лишается возможности полноценного функционирования и развития. Полноценное развитие этого языка связано с изменением отношения к нему постоянно проживающего в Бурятии русскоязычного населения, т.е. наряду с развитием бурятско-русского, необходимо формирование и русско-бурятского двуязычия.

¹ Харташкина Р.Х. Взаимодействие русского и бурятского языков: на материале говоров русских старожилов и бурят Иркутской Области. Иркутск, 1977. С.51-52.

² Ошоров Д.Д. Яруунадамнай ямар байнаб //Буряад Үнэн. 1980. Июниин 15.

³ Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ, 1996. С.15.

⁴ Бабушкин С.М. К проблеме русско-бурятского двуязычия // Вопросы бурятско-русского двуязычия. Вып. 2. Улан-Удэ: БГУ, 1998. С.134.

⁵ Филипп Ф.П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С.24.

⁶ Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1999. С.15-45.

⁷ Там же, С. 27.

⁸ Васильев Б. Язык мой – друг мой // Бурятия. 2002. 23 янв. С.5.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Г. А. Дырхеева

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Как отмечают многие исследователи, в настоящее время работы в области изучения национально-языковых отношений чаще носят эмпирический характер, основное внимание в них направлено на сбор фактов, что во многом объясняется отсутствием в советской и, позднее, российской науке достаточного объема материалов для выведения каких-либо концептуальных заключений и, отсюда, отчасти некоторым субъективизмом и противоречивостью отдельных выводов советских ученых относительно положения национальных языков в стране. Естественно, если при этом еще не учитывать и заказной, политико-идеологический характер работ обществоведов. Данный факт объясняется также тем, что данная отрасль знания, назовем ее социалингвистика, лингвоэкология или этнолингвистика, относительно новая, особенно в России. К тому же в областях, связанных с изучением закономерностей быстро меняющегося общественного развития, где данные устаревают очень быстро, сложно проводить общий анализ видоизменяющихся систем и структур, когда необходимо учитывать значительный набор параметров, аспектов и факторов.

Несмотря на это, в последние годы делаются попытки не только дать анализ и оценку событий в области языковой жизни советского и постсоветского периодов, но и сделать определенные теоретические выводы относительно изменений, происходящих в этноязыковых ситуациях, одним из показателей чего служит выпуск учебных пособий по социалингвистике¹.

Сложным взаимоотношениям языка и общества² наибольшее внимание со стороны лингвистики стало уделяться примерно с середины 50-х гг. прошлого века. И, несмотря на идеологическую

направленность работ советских исследователей, отдельные теоретические положения таких ученых, как Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, В. А. Аврорин, А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский, В. К. Журавлев, Ю. Д. Дешериев и других, служат базой для дальнейшего развития отечественной социолингвистики. Общеизвестно, что основополагающей и наиболее сильной ее стороной является функциональный³ подход к анализу состояния языка.

Безусловным является огромное влияние на социолингвистические разработки фундаментальных трудов У. Вайнрайха, Дж. Фишмана, Р. Белла, Э. Хаугена, Ч. Фергюсона и других. Активизировавшиеся в последние годы контакты с зарубежными учеными, поток литературы, хлынувшей с Запада, способствует не только расширению научного кругозора исследователей России, но и теоретическому углублению их разработок, а иногда и сближению отдельных позиций и взглядов, особенно в области методики изучения состояний вымирающих языков⁴.

Сложность и многоаспектность предмета исследования предполагает комплексность его изучения, в частности, подразумевается не только взаимодействие социологических и лингвистических методов, анализ многоуровневого соотношения множества лингвистических и социальных переменных, но и учет всего экстралингвистического фона существования языка: исторических, социально-политических, социокультурных, этнонациональных, правовых, этнопсихологических аспектов языкового развития и контактирования. Существенное значение в плане нового осмысления процессов, происходивших и происходящих в языках, языковых ситуациях и языковой политике имеют разработки специалистов в области этнолингвистики, этносociопсихологии, социологии, этнологии: М. Н. Губогло, С. В. Чешко, Н. С. Тишков, Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, Г. Ч. Гусейнов и др.

Анализ и описание языкового взаимодействия базируется на совокупности понятий и терминов, ключевыми из которых являются «языковая ситуация», «двуязычие», «родной язык», «языковой контакт», «языковое планирование» и другие. Поскольку методологическая и понятийная база современной отечественной социолингвистики еще недостаточно разработана, попытаемся разобраться в отдельных ее проблемах и вопросах, рассмотреть термины, значения которых претерпевают изменения в связи с их со-

временной актуализацией и, в частности, найти оптимальный вариант, например, для конкретного изучения бурятско-русского языкового контактирования.

Большинство современных понятий и терминов, используемых в интегративных гуманитарных исследованиях, подобных социолингвистике, имеют широкое референтное поле, поскольку они объединяют составляющие различных сторон бытия человека и функционирования, в данном случае, языка. При этом они включают и динамико-хронологические, и системно-структурные разновидности объектов изучения. То есть множественность их определений зависит не только от их внутри- и экстралингвистического, но иногда и от ареально-хронологического характера их рассмотрения. Между тем все они имеют свою специфику, поскольку обозначают совокупные интегративные понятия и явления.

Многообразные аспекты изучения современной проблематики языковой среды в ее динамике, языкового контактирования и сосуществования определяют существование достаточно многозначных и дублирующих понятий, формулировка которых одновременно связана с внутри- и внелингвистическими аспектами изучаемых явлений (родной язык, языковое планирование, переключение кодов и т.д.), и которые требуют внимания с позиций тех изменений, которые происходят сейчас в российском обществе, особенно с позиций национальных языков. В частности, это касается случаев языковой деградации и реабилитации, правового решения проблемы языкового выживания.

Как показало время, отсутствие четкого правового законодательства в области национальной политики явилось одной из причин, приведших к обострениям и распаду Советского Союза. Что связывают, во-первых, с тем, что считалось, что в СССР с определенного периода не существовало национальной проблемы, а также с недостаточной ее изученностью и, соответственно, с тем, что не существовало и четких определений таких понятий как этнос, нация, культура, государственный язык, родной язык и т.д. Не вдаваясь в подробности дискуссий по данным определениям, отметим, что в ряде случаев отсутствие достаточной информации и литературы, а иногда, наоборот, ее переизбыток по отдельным вопросам позволяют сделать вывод, что пока существенных изменений здесь не произошло, и в области национальных отношений гуманитар-

ные науки пока находятся в стадии становления. Очевидным остается также то, что во все времена развития человечества существовали различные объединения народов на почве совместного проживания в определенных природно-климатических условиях, общими хозяйственными, бытовыми, культурными, языковыми особенностями. Сосуществование таких объединений часто характеризовалось различными формами противостояния. И так же, как в общем этносоциальном развитии общества, проблемы и противоречия существовали и в этиолингвистическом плане. Разнообразие объединений людей, носителей разных языков, диалектов и наречий определяет **языковую ситуацию** конкретного региона.

Термин «языковая ситуация», также как и большинство внутрilingвистических определений (билингвизм или двуязычие, интерференция, языковая компетенция и т.д.), касающихся функционирования языка на различных социальных уровнях, относится к аксиоматическим или классическим, общепринятым определениям. Согласно Л. Б. Никольскому, языковая ситуация – это «совокупность языков, подязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и в этнической общности»⁵. А. Д. Швейцер⁶ дополняет, что под языковой ситуацией следует понимать не только социально-функциональную дифференциацию, но и иерархию коммуникативных систем и их компонентов, то есть подсистем. Однако, если у него возникающая при двуязычии языковая система есть единая социально-коммуникативная система, разноязычные элементы которой находятся в состоянии функциональной дополненности и представляют собой аналог полифункционального языка в одноязычном обществе и эта точка зрения была воспринята всеми языковедами национальных республик, занимающимися проблемами двуязычия, то в настоящее время предпочтительнее или, как отмечает В. Н. Белоусов⁷, рациональнее рассматривать ее как систему, разноязычные элементы которой сосуществуют или, можно добавить, взаимодействуют на определенной территории. Выбор языка в данном случае осуществляется самим носителем в зависимости от ситуации общения.

В. Ю. Михальченко⁸ определяет языковую ситуацию как сложный коцепт, включающий ряд компонентов: языковую общность, языковую традицию, языковую компетенцию, речевую практику,

ценностные ориентации, юридический статус и функциональный статус языка. Л. П. Аюпова⁹, подробно анализируя это понятие, выделяет примерно тот же набор компонентов языковой ситуации. Однако она отмечает, что концепт «языковая ситуация» обязательно должен включать процесс языкового взаимодействия и, в частности, билингвизма, как результат этого взаимодействия. По ее мнению, в 60–90-х гг. основное внимание уделялось функционально-языковому аспекту, которое сводилось к описанию языковых состояний, а не языковых ситуаций.

То есть анализ языковой ситуации предполагает выявление как внутриязыковых закономерностей, состояния языка (компоненты его социально-коммуникативной, а в последнее время отмечается и когнитивной, системы), так и изучение влияния общественно-культурных процессов, а в последние годы (в России) и законодательно-правовых тенденций. При этом предполагается вовлечение максимального числа пересекающихся структур: социальных, языковых, психологических, исторических, политических, юридических и даже экономических.

Так, можно отметить, что ранее в бурятоведении проблема языкового сосуществования на примере бурятского и русского не была обделена вниманием лингвистов (Т. А. Бертагаев, Л. Д. Шагдаров, А. А. Дарбеева, Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев, А. Р. Бадмаев и другие). При этом основное внимание в их работах уделялось сравнительно-сопоставительным исследованиям, теории и практике преподавания русского языка в национальной аудитории. Они отмечали возрастающую роль русского языка в жизни бурят, массовость двуязычия в Бурятии и прогрессивное влияние двуязычия на бурятский язык. Активное усвоение бурятами русского языка объяснялось такой объективной причиной, как преимущество русского населения на всей территории этнографической Бурятии и широкое распространение высшего и среднего образования среди бурят. Сокращение функций языков объяснялось «желанием их носителей, отсутствием социальных потребностей» для их использования, «разумным распределением общественных функций, присущих литературным языкам»¹⁰. В большинстве работ рисуется «картина» вполне разумного распределения между бурятским и русским языками сфер обслуживания общественной жизни бурят, считается, что «бурятский язык должен использо-

ваться, прежде всего, как средство раскрытия и развития творческих способностей данной нации»¹¹, «расширять функциональную нагрузку языков малых народов Сибири в иновой этнолингвистической ситуации нецелесообразно»¹². В последние годы актуальность проблемы языковой ситуации в республике, состояния бурятского языка потребовало внимания специалистов-гуманитариев различного профиля, данная проблематика затрагивается в работах историков, философов, социологов и этнографов: Т. М. Михайлова, Ш. Б. Чимитдоржиева, Г. Л. Санжиева, Д. Д. Нимаева, К. Б.-М. Митупова, И. Э. Елаевой, Н. С. Бабушкиной, И. Г. Балханова и других.

Таким образом, в настоящее время шкала описания конкретной языковой ситуации намного расширилась и включает множество параметров и факторов. Соответственно, перед исследователями стоит задача теоретической разработки единой междисциплинарной модели описания языковой ситуации, языковой политики и планирования, включающую и саму языковую систему.

Языковая политика – один из существенных аспектов языковой ситуации, определяющий не только систему мер сознательного (чаще нормативного) воздействия, обычно государства, на развитие языковых процессов, распространение языков по сферам социального взаимодействия, по разным уровням общения, но и представляющая часть политического контроля над языковой ситуацией, языковыми конфликтами. Языковая политика может быть регулируемой или стихийной. В последнее время ее значение как части национальной политики, особенно в многонациональных государствах, все более возрастает и, соответственно, она становится все более регулируемой, чаще с помощью языкового законодательства. Многоаспектность языковой ситуации предполагает многогранность и языковой политики, элементы которой системно взаимосвязаны. Очевидно, что языковая политика должна проводиться с учетом объективных закономерностей языкового развития, социально-экономических, социально-культурных потребностей людей, их разумной ценностной ориентацией.

Считалось, что языковая политика советского государства являлась плюралистической, конструктивной и была направлена на расширение функций всех языков, сфер их применения, обеспечение полной свободы каждого гражданина СССР говорить, воспи-

тывать и обучать своих детей на родном языке, не допуская привилегий, ограничений или принуждения в употреблении того или иного языка. Однако, как показала история, именно в области языковой политики в данный период наблюдались элементы ассимиляции или русификации. Централизованная система обязательных мероприятий (особенно через систему образования), предусмотренная и проведенная советским государством, фактически, привела к тому, что большинство представителей малочисленных и более крупных народов перешли на язык межнационального общения. Безусловно, можно отчасти согласиться с рядом оппонентов, утверждающих, что данный процесс естественен в условиях многонационального государства, что происходящие в настоящее время процессы глобализации ведут к унификации культур, распространению более крупных языков. Однако высказывания типа: «...Языковая русификация, которая не была всеобъемлющей и представляла собой не целенаправленную русификацию, а стандартизацию, во многом обусловленную объективными, спонтанными процессами организации и самоорганизации полиэтнического общества»¹³, вызывают возражения, поскольку как бы это не объяснялось, это был именно целенаправленный централизованный постепенный процесс русификации через ограничение сфер функционирования национальных языков и посредством развития национально-русского и русско-национального двуязычия у национальных меньшинств. Процесс и политика, которые, фактически, никак не скрывались и не замалчивались (хотя бы теми же лозунгами о едином советском народе и т.д.).

Современная оценка лингвистами языковой политики советского государства общеизвестна и однозначна, а факт кризисного состояния большинства языков России очевиден. Перестроечные изменения конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века привели к существенной переоценке многих событий и явлений того периода, пристальному вниманию к языковым проблемам, попыткам возрождения некоторых культурно-языковых традиций, расширения отдельных социальных функций национальных языков посредством принятия законов о языках.

В российской социолингвистике понятие «языковая политика» получило наибольшее распространение и дальнейшую разработку в 90-е гг. XX в. после законодательного определения ряда нацио-

нальных языков¹⁴. По прошествии десяти лет после относительно сумбурного периода становления языкового законодательства можно отметить, что, к сожалению, в целом в языковой политике России, как и в целом в национальной политике пока нет четких приоритетов и очевидная на сегодня установка на равноправие языков, фактически, не будет способствовать их сохранению, а в ряде случаев и возрождению.

Большинство исследователей отмечают, что прошедшая в начале 90-х гг. волна объявления суверенитетов и принятия законов о языках, провозгласивших государственными наряду с русским языки титульных наций, привела в настоящее время к выводам, что придать языку статус государственного недостаточно. Ученые ставят вопрос о реальных путях и возможностях расширения социальных функций языков, без чего они не могут функционировать как государственные. Современная оценка языковых ситуаций и анализ результатов внедрения законов в жизнь показывают, что многие статьи Закона не реализованы в срок по объективным причинам (функционирование в органах государственной власти, дело- и судопроизводстве, на транспорте, в связи и некоторых других сферах). Между тем нельзя не признать положительной роли действующего законодательства в социокультурном аспекте, для сфер народного образования, духовной культуры, в меньшей степени – массовой коммуникации.

Сегодня по истечении десятилетия можно уже четко определить достоинства и недостатки принятых в республиках законов. Для большинства из них характерно отсутствие четко определенной конечной цели, недостаточно четко установленных ответственных и контролирующих структур, сроков исполнения статей закона. Реализация законов, в основном, была затруднена и обусловлена рядом экстралингвистических или объективных социально-политических и экономических трудностей. Возможно, необходимо было также расширить конституционное правовое регулирование языковых отношений, чтобы оно могло не только провозглашать, что у нас два государственных языка, но и обеспечивать равные права и возможности для их полноценного функционирования.

Республика Бурятия как часть федеративного российского государства руководствуется в своей языковой политике общими

принципами демократии, согласно которым правом свободного и равноправного выбора и употребления языка пользуются как отдельная личность, так и группы людей, представители определенных этносов. Равноправие наций и их языков подразумевает, что их численность не влияет на степень защищенности. Однако в реальности на речевые функции говорящих, как известно, влияют разнообразные этно- и социодемографические факторы. При активных общественных, социально-экономических, демографических и других изменениях необходимо четко следить за соответствующими языковыми процессами, чтобы не нарушались политико-правовые принципы.

В эпоху актуализации национального самосознания наиболее важным представляется социальный аспект межъязыкового урегулирования, необходимости социализации этнических и языковых групп посредством взаимного овладения в социально необходимом объеме контактируемых языков. Как отмечает М. В. Дьячков, «явно или скрыто не желая интегрироваться в язык или культуру соседей, индивид нарушает не столько этические, сколько социальные нормы. В результате в рамках единого социума вырисовывается несколько достаточно обособленных друг от друга больших групп – языковых коллективов, отличающихся не по этическим признакам, а по владению или невладению соответствующими языками. Конечно, они объединены знанием мажоритарного языка межэтнического общения, однако знание только его не всегда удовлетворяет требованиям эффективной социальной коммуникации: при использовании частью социума другого языка коммуникативные связи прерываются. Подобная дезинтеграция может приводить к возникновению, поддержанию и нарастанию социальной напряженности в рамках единого, но разноязычного социума»¹⁵.

В этом плане очень важной и полезной для малых языков была бы переориентация языковой политики Российского государства с национально-русского двуязычия в национальных регионах на русско-национальное. Активно обсуждавшееся в начале 90-х гг. направление на паритетное двуязычие в последние годы было успешно забыто.

Комплекс мероприятий по регулированию национально-языковой жизни того или иного региона, как конкретное проявление принципов конструктивной или, наоборот, деструктивной

языковой политики, называется **языковым планированием** и языковое строительство (термин наиболее употребительный в СССР в 20–30-е гг. XX столетия). «Языковое планирование» является одним из основных понятий социалингвистики, поскольку оно определяет выбор и утверждение тех или иных языковых норм в обществе, то есть оно связано с вне- и внутриязыковым определением статуса языка. Не зря эти понятия, «нормализация» и «языковое планирование», у Э. Хаугена, практически, синонимичны¹⁶. То есть, можно сказать, что различают узкое и широкое понимание языкового планирования, внутриязыковистическое и общелингвистическое. Внешний аспект связан с функциями языка и обычно преследует определенные цели: 1) служить средством политической интеграции, эффективному управлению государством, 2) способствовать национальному единству, давать ощущение единомыслия. Достижениям первой цели способствует официальный язык, второй – национальный¹⁷.

Как пишет М. Караджа¹⁸, языковое планирование состоит из десяти фаз: 1. Селекция (выбор), 2. Дескрипция (описание), 3. Кодификация (нормирование), 4. Елаборация (разработка), 5. Акцептуация (принятие), 6. Имплементация (применение), 7. Экспансия (распространение), 8. Культивация (развитие), 9. Эвалуация (оценка), 10. Реконструкция (исправление) нормы. То есть для получения конкретного результата введения каких-либо мер по улучшению языковой ситуации также необходимо прохождение всех этих фаз. Как можно заметить, внедрение языкового законодательства (возможно, что и не только языкового) в Бурятии прошло только пять-шесть выделенных фаз и, соответственно, оказалось, что данный закон не работает, улучшения положения бурятского языка не произошло.

Также из десяти фаз состоит внутриязыковистическое планирование или нормирование. Однако, как отмечают представители Пражского лингвистического кружка, нормы различаются не по сути и качеству, а по степени обязательности и осознанности, признания нормативных рекомендаций носителями языка и задача нормы – облегчение коммуникации системы¹⁹. Или, как отмечает Э. Хауген, основной критерий языкового планирования – эффективность, адекватность и приемлемость языковых норм для носителей языка. Для чего «хороший нормализатор обеспечивает не только правила,

но и тексты. Поэтому для письменной нормы необходимы писатели, а для устной ораторы»²⁰.

Как показывает история, процесс стандартизации в языках есть процесс постоянного движения к определенной норме и чаще это движение не прямолинейно. Достаточно актуальными эти проблемы являются для молодых национальных языков, литературные нормы которых нестабильны, динамичны. Поскольку характер нормализаторской деятельности зависит от конкретной языковой ситуации, конкретного языка, то для языков типа бурятского, находящегося в постоянном контакте с крупным языком, такая деятельность должна быть постоянной и носить характер сознательного регламентирования. К тому же, можно констатировать, что в бурятском языкознании пока четко не определены задачи языкового планирования, обогащения или очищения, расширения или ограничения состава языковых элементов. Необходимо постоянно контролировать развитие бурятского языка под влиянием общественных изменений и соблюдать баланс: оптимальное сочетание норм литературного языка и диалектной речи, литературного языка и разговорной речи, норм бурятского, русского и монгольского литературных языков, поскольку, считается, что для большинства языков подходит конъюнктивная норма, дающая возможность варьировать формы.

Фактически, в настоящее время в языковом планировании нуждаются все национальные языки России, в том числе и русский, хотя большинство международных и российских правовых документов касаются защиты малочисленных народов и их языков. Но, как отмечает А. Е. Кибрик²¹, во-первых, не всегда численность отражает состояние языка и чаще количество говорящих на этом языке меньше числа носителей данного национального меньшинства, во-вторых, «согласно европейским стандартам, к национальным меньшинствам в России можно отнести всех представителей нерусской национальности»²². Согласно Федеральному закону «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (ст.1, п.6), принятому в 1996 г., к малочисленным народам относятся те народы, которые населяют территории традиционного проживания своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни, насчитывают менее 50 тысяч человек и осознают себя самостоятельным этниче-

скими общностями. То есть, если относительно данных народов имеются какие-либо четкие указания, то, например, как относиться к бурятам и к их языку, куда его отнести? Большинство исследователей считает бурят не крупным и не малочисленным народом. Если судить по Сибирскому региону, то здесь он считается относительно крупным этносом. А в масштабах России и, тем более, в мировом масштабе – это скорее малый народ и, соответственно, предпочтительно использовать термин «**малый язык**»²³. Он более предпочтителен, так как нейтрален, и в парадигме большой – малый язык, где большой или крупный язык – это русский (в России), на втором месте всегда будет стоять любой иной национальный язык. То есть можно согласиться с европейским стандартом, но уже относительно языка.

В зарубежной литературе чаще используются термины **миноритарный** (национальный язык, язык этнического меньшинства) – **мажоритарный** (язык большинства) языки, **автохтонные** (местные) языки. В основе их использования лежит количественный показатель (соотношение носителей языка), но иногда учитываются литературный, политический и образовательный статус языка. Миноритарный язык обладает ограниченным функциональным статусом в пределах республики, округа и в большинстве своем подчиняется общественным функциям мажоритарного (общегосударственного) языка. Однако данная терминология в российской и в зарубежной лингвистике²⁴ пока не имеет четкого определения и последовательного применения. В период активного языкового законодательства 80–90-х гг. широкое распространение получили термины **титульный-нетитульный языки** или языки титульной (нетитульной) национальности. Они положены в основу принципа языкового законодательства, объема языковых прав, а далее в основу распределения финансовых средств, вкладываемых соответствующим государством в сферу образования, СМИ, общественную и культурную жизнь.

Как отмечают многие исследователи, в процессе придания ряду языков титульных наций России статуса государственных в начале 90-х гг. были допущены некоторые неточности относительно четкого разграничения понятий «**государственный**» и «**официальный**» языки²⁵. Отчасти это можно оправдать неопытностью законодателей молодого демократического государства, а также не-

подготовленностью советской социалингвистики к резким переменам в языковой ситуации СССР и России. Таким образом, определение «государственного языка» также как и определение понятия «коренной народ», требует уточнения, а иначе возможны частные определения государственного языка, подходящие для титульных языков России, получивших статус государственных, или же необходимо введение данного понятия с позиций, так сказать, новых государственных языков. Что, видимо, чаще и происходит и каждое государство само определяет, что оно подразумевают под этим понятием.

Так, можно сказать, что целью придания бурятскому языку статуса государственного было либо показать перспективу его развития, поскольку закон – это акт долговременный и его основная стратегическая задача – воспитание молодого поколения, в совершенстве владеющих двумя государственными языками, либо это было авансом, если судить по определению, что государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства²⁶.

Возможно также провести следующее разграничение: термином «государственный» определять правовой статус языка, а «официальный» – социальный его статус, хотя официальным традиционно называется язык государственного управления, законодательства, судопроизводства. В. П. Нерознак отмечает, что эти определения чаще воспринимаются как разъяснительно-рекомендательные. Также как и определения, о которых пишет М. В. Дьячков²⁷. Он отмечает, что еще в 1953 г. по заказу ЮНЕСКО были разработаны дефиниции: государственный язык – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства; официальный язык – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства, т.е. определение государственного языка несколько шире, чем официального.

Для ситуаций подобных Бурятии пока более подходит общее определение: «язык государственный – язык, использование которого законодательно предписано в официальных сферах общения»²⁸. Именно предписано, поскольку, несмотря на то, что закон был принят десять лет назад, до сих пор остается актуальной про-

блема функционирования бурятского языка как государственного в официальной сфере. То есть необходимо различать еще и фактический, и юридический статусы государственных языков. И, поскольку на данный момент отсутствует политическое равенство языков, когда они находятся на одном уровне развития, и оба полноценно функционируют, положение приходится подправлять юридически или вводить юридическое равенство.

Одним из основных параметров языковой ситуации, а также одним из самых спорных на сегодня понятий, связанным с анамнезом билингва, является понятие «родной язык», который в обыденном сознании связывают с комплексом признаков: либо это язык, доминирующий в речевом поведении билингва, либо он при определении родного языка руководствуется социально-психологическими установками, которые связаны с национальным самосознанием. То есть понятие «родной язык», многие учёные считают, требует уточнения, поскольку оно зависит от критериев подхода к его определению: социально-политических, историко-культурных, лингвистических, социально-функциональных, этнолингвистических, психолингвистических²⁹ и других. Лингвистические критерии, например, используются при учете уровня владения языками, этнолингвистические – национальности и родного языка родителей, социально-функциональный – функционально первого языка, языка общения в семье, на производстве и т.д.

В словаре русского языка С. И. Ожегова говорится, что родной язык – это язык Родины, на котором говорят с детства. Это подтверждается и современными исследователями. Так, например, З. Х. Исхакова³⁰, определяя факторы влияния на признание того или иного языка родным, установила, что главным фактором у школьников является язык семьи, на котором ребенок начал говорить и только потом можно говорить о языке воспитания в гос.учреждениях, т.е. в детских садах. Важным фактором также является национальность родителей, особенно в смешанных семьях.

В. А. Аврорин отмечал, что родной язык тот, «которым данный человек или коллектив людей наиболее свободно и активно пользуются во всех случаях жизни, с помощью которого они, в частности, – и это особенно показательно – чаще и легче всего выражают свои мысли любого содержания, то есть на котором они обычно

думают»³¹. В. К. Журавлев дает более полное определение родного языка: это язык, «на котором формируются первичные навыки речевого взаимодействия, впервые устанавливаются коррелятивная взаимосвязь между определенными языковыми единицами и элементами внеязыковой действительности. Как правило, это язык матери, бабушки, семьи. На этом языке осуществляется первичная социализация личности, ознакомление с морально-этическими традициями своей социально-этнической среды, своего народа»³². Поэтому В. М. Алпатов³³ считает более обоснованным использование понятия «материнский язык», который, по его мнению, к тому же имеет четкий социальный смысл. Р. Белл³⁴ предлагает в зависимости от последовательности усвоения языков индивидом различать первый и второй язык, а в зависимости от степени их использования синхронно в речи – первичный и вторичный, подразумевая под первичным основной язык или приоритетное, более частое его использование в речевой практике. Таким образом, разграничивается обиходная путаница с определением «родной язык» типа: раньше я говорил только на бурятском языке (в детстве), а теперь в основном говорю по-русски. То есть деление Р. Белла связано с хронологическим аспектом языковой самоидентификации. Н. Б. Вахти³⁵, говоря об утрате языка, также использует термин «первый язык», но подразумевает при этом титульный язык, название которого омонимично названию народа или этимологически связано с ним.

Среди ученых сложилось четкое мнение, что дифференцированные данные статистических сборников по переписям населения, помимо того, что они искажали данные в угоду проводимой советским руководством национальной политики³⁶, не дают полного представления о языковой ситуации. По современным материалам переписей, например, невозможно судить о степени владения родным и вторым (неродным) языком, поскольку «частота признания родным национального языка отражает не столько языковое поведение, сколько ценностные ориентации по этому поводу»³⁷. При переписи, например, обычная формулировка, была «свободно владею (каким-либо вторым) языком», но достаточным считается хорошее владение одним или несколькими видами речевой деятельности на втором языке, социально-актуализированными видами, которые чаще всего необходимы в производственных целях, вы-

нужденно. Вопрос же о родном языке все чаще заставляет людей задумываться, поскольку этническая и языковая самоидентификация личности, фактически, в настоящее время все более становятся понятиями взаимонезависимыми. Национальная или этническая принадлежность, как показывают исследования, чаще индивидуально связываются с культурной принадлежностью, а не с языковой. Соответственно, формулировка вопроса о «родном языке» при опросах должна быть более точной.

Неточность определения понятия «родной язык» связана также с инструментальной и сентиментальной функциями языка³⁸. Инструментальная функция связана с использованием языка как средства общения, а сентиментальная – с этническими чувствами народа.

Чем выше уровень образования и, соответственно, знание языков, истории, культуры своего и соседствующего народа, общая эрудиция, тем сложнее и спорнее становится определение понятия «родной язык», также как и понятия этническое (национальное) самосознание. Как пишет Ю. Нагибин³⁹, до революции люди различались не по нациям, а по вере. Сегодня же в дополнение к этим компонентам (язык, вера, культура) добавляются такие как «гражданская принадлежность» типа «россиянин» и отношение к какому-либо суперэтносу (монголы, славяне и т.д.). Так, что касается проблем современной самоидентификации бурят, а также роли языка в этом процессе, то достаточно подробно данный вопрос обсуждается в статьях Т. Д. Скрынниковой⁴⁰ и И. Э. Елаевой⁴¹.

Обширное социолингвистическое обследование, проведенное автором в Бурятии⁴², показало, что обычно хорошее знание русского языка бурятами не приводит к изменению представления о родном языке, что, как и у большинства других народов, у бурят язык остается стабильной основой национальной идентификации. Причем в большинстве случаев признание бурятского языка родным отражает реальное языковое поведение его носителей. Другое дело, что уровень владения родным языком недостаточно высок и постоянно понижается. Несмотря на это на примере бурят и бурятского языка, можно утверждать, что национальное самосознание более устойчивый элемент, чем национальный язык.

Пока при проведении социолингвистических обследований и опросов чаще используется понятие «родной язык», во-первых,

потому что для населения оно более привычное, во-вторых, оно некоторым образом позволяет судить об их отношении к своему языку и, в-третьих, полученные данные по параметру «родной язык» необходимо использовать для сопоставления с теми же данными по переписям населения.

Становление любого национального языка во многом определяется развитием его литературной формы. **Литературный язык** – наддиалектная форма существования языка, вершина речевой культуры, эталон нормативных явлений, сокровищница культурных традиций народа, достижений мастеров слова, поэтов, писателей. Очевидно, что каждый язык имеет свою историю формирования литературного языка.

Определение понятий «литературный язык», «национальный язык», «диалект» являются достаточно непростыми даже для таких теоретически разработанных языков, как английский, немецкий; точные критерии разграничения понятий отсутствуют, хотя очевидным является противопоставление литературного языка и диалекта. При этом литературный язык, определяемый как наддиалектная форма существования языка, «характеризуется сложным взаимодействием письменных и устных форм... литературный язык отличается всеобъемлющим характером... характеризуется целенаправленным отбором языковых фактов, реализуемых нормой»⁴³. М. М. Гухман основными признаками литературного языка считает: 1) большая или меньшая обработанность и связанная с этим селективность, 2) отсутствие спонтанности речевого произведения, 3) большая или меньшая поливалентность (многофункциональность), порождающая стилевое многообразие и функционально-стилистическое варьирование, 4) тенденция к регламентации, соотношенная с отмеченной выше селективностью, 5) определенный уровень гомогенности, что не исключает возможности территориального и социального варьирования, 6) разные формы обособления от диалекта, иными словами наддиалектность⁴⁴.

То есть, можно сказать, что понятие литературный язык так же, как и большинство отмеченных выше понятий относится к сфере социолингвистики. Во многом это подтверждается и историей установления литературных языков малых народов в СССР. Особенностью их появления и развития был единый командно-административный подход к языковым реформам и, соответствен-

но, к оценке этих реформ. В частности, в советском языкознании бытовало мнение, что литературные языки большинства малых народов сформировались в послеоктябрьский период, имеются также высказывания, что в качестве литературного языка младописьменных народностей функционирует русский литературный язык, который они считают своим вторым языком⁴⁵.

Однако, как отмечают сегодня многие языковеды национальных республик, истинная картина истории развития национальных языков и их форм требует некоторого уточнения. Общеизвестно, что для становления литературного языка очень важно наличие письменности, поскольку развитие экономики, культуры, социальной структуры непосредственно связано с наличием письменной коммуникации, и общества и государства различаются по уровню грамотности и, соответственно, использования письменного языка. Многие же из так называемых младописьменных языков имели письменные источники и памятники, для языка которых характерны признаки литературного языка. Не является исключением и бурятский язык, который помимо того имеет богатейший фольклор, элементы которого обладают определенной степенью наддиалектности и обработанности. Данную точку зрения активно отстаивает Д.-Н. Д. Доржиев⁴⁶. Л. Д. Шагдаров считает, что становление бурятского литературного языка началось в 20-е гг. на основе еще старомонгольской письменности, что подтверждает анализ литературы, изданной в те годы. Именно в художественной литературе заметно вытеснение старомонгольских элементов элементами народно-разговорного языка⁴⁷.

Экстенсивное «развитие» национальных литературных языков в советский период привело к тому, что социальной базой носителей литературных норм большинства из них стали сельские жители отдельных районов, диалекты которых были взяты за основу нового литературного языка. (Кстати, они в большинстве своем и не осознают себя избранниками, не понимают своего значения как носители определенной речевой культуры.) То есть, получилось так, что в большинстве малых языков за столь короткий исторический период, практически, процесс его обособления от диалектной основы не произошел, литературная форма языка как наддиалектная не воспринимается.

Становление литературного языка – процесс длительный и в большинстве языков он не просто не регулировался и не регулируется, он просто игнорировался и замедлялся посредством уничтожения поддерживающих структур: национальных школ, книгопечатания, средств массовой информации на национальных языках и т.д. Хотя, если учесть, что за литературным языком закрепляются лишь какие-то определенные сферы функционирования, он не всегда должен быть полифункционален, но иметь в наличии хотя бы несколько сфер письменного употребления, то с некоторой натяжкой можно считать, что те же титульные народы пока имеют свои литературные языки.

То есть современные проблемы национальных литературных языков связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления, их соотношения с диалектами, нормализационными процессами, но и со сложной социальной обусловленностью их функционирования. И можно согласиться с утверждением Б. П. Нарумова о том, что «понятия «языка» и «диалекта», унаследованные от сравнительно-исторического языкознания и структурной диалектологии, легко подвергаются идеологизации, поскольку они используются не только как классификационные понятия для описания состояния внутренней структуры лингвем, но и для установления определенных иерархий типа «галисийский есть диалект иснанского или португальского языка...»⁴⁸. Кроме того, «в современной языковой ситуации в результате взаимодействия местных диалектов с литературным языком произошло нарушение непрерывности языковых ареалов, разрушение пространственного континуума, но на его место заступают два других континуума: диастратический (социальное варьирование) и диафазический (варьирование ситуации общения)»⁴⁹.

Так, одной из особенностей бурятского языка является неравномерная по диалектам и говорам степень лингволяльности, терпимости к несвоему и, соответственно, объему заимствований в языке, что во многом объясняется историко-социальными фактами развития бурятского народа. И здесь мы сталкиваемся с одной из наиболее сложных проблем бурятоведения, проблемой бурятского литературного языка.

Относительно бурятского языкознания она имеет две основные стороны: теоретическую и практическую, которые тесно взаимо-

связаны с выработкой единых для всего бурятского социума норм. Считается, что бурятский литературный язык относительно высококорегламентированный язык, однако до сих пор носители западного диалекта отказываются воспринимать его в качестве языка образования и, тем более, как языка межличностного общения. В последнее время проблема единства к тому же осложняется, во-первых, сокращением сфер использования литературного языка (в частности, все меньше, как указывалось выше, издается литературы на бурятском языке), а, во-вторых, все более развивающимся билингвизмом носителей языка.

Выбор хоринского диалекта в качестве основы бурятского литературного языка считается удачным, во-первых, потому что численность носителей этого диалекта превалировала над численностью носителей других диалектов, во-вторых, у них уже имелась определенная литературная письменная традиция на основе старомонгольской графики, на которой создана значительная литературная (включая делопроизводство и частную переписку) продукция. Поэтому резкие переходы сначала на латиницу, а затем на кириллицу, несмотря на общий их отрицательный эффект, бурятским языком были перенесены относительно спокойно и между, например, дореволюционными и послереволюционными текстами сохранилась преемственность.

Другое дело, что в дальнейшем по ряду причин не произошло нивелирования диалектных различий, отсутствует софункционирование литературного и общеразговорного языка, и пока бурятский литературный язык в обществе воспринимается не как наддиалектная форма, а более как язык носителей хоринского диалекта, функционирование которого вызвано потребностями бурятского общества. То есть процесс обособления от диалектной основы проходит медленно и не регулируется.

Проблема литературного языка, как и во многих малых языках России, в бурятском, видимо, еще долго будет актуальной. В некоторых языках законодательно признано равноправие всех литературных вариантов (у осетин – иранский и дигорский, у мордвы – эрзя и мокша, марийцев – лугово-марийский и горно-марийский). В бурятском же официально об этом не говорится и, в основном, признается целесообразным сохранение хоринской диалектной основы, хотя в последнее время допускается, во-первых, для за-

падных диалектов составление учебников, учебных пособий и т.д., ведение занятий на своем диалекте, во-вторых, все больше говорится о необходимости использования в официальных документах, литературе, прессе элементов разных диалектов, возможно, в виде парных слов.

Практическая сторона проблемы бурятского литературного языка нашла отражение в ряде предложений относительно расширения социальной базы бурятского литературного языка. В частности, предложение Ц. Б. Цыдендамбаева изменить подход к литературному бурятскому языку, усилить демократические процессы в литературном языке, приблизив его к диалектной речи народных масс и обратив пристальное внимание на усиление тех функций, которые связаны с устным его употреблением⁵⁰ с целью, чтобы он как явление социальное обеспечивал возможность общения в различных сферах деятельности, находится в русле пражской теории литературного языка, которая под понятием нормы понимала совокупность грамматических средств, находящихся в коллективном употреблении и стремящихся к стабилизации⁵¹. Однако, как отмечают многие исследователи, в последние годы во многих странах намечается тенденция поддержки не только языков меньшинств, но и диалектов. То есть делаются попытки поддерживать не только интеграционные языковые процессы, но и любую тенденцию к сохранению языка, в любом виде.

В целом можно сказать, что в советское время по ряду причин (обширный регион проживания бурят, скрытое недовольство, что за основу взят не их собственный диалект, недостатки образовательной системы и др.) нивелирования диалектных различий фактически не произошло и для речи отдельных представителей интеллигенции, носителей различных диалектов характерно осознанно развитое явление диглоссии, причем не только диглоссии бурятский литературный язык – бурятский диалект, но и бурятский язык (в виде диалекта или литературной формы языка) – русский (просторечье или литературная форма). К тому же замедленный темп стандартизации приводит к тому, что в каждом диалекте происходят стихийные видоизменения, причем наиболее подверженными к созданию новых форм слов и заимствований являются западные и южные говоры. Можно предположить, что на западные говоры больше влияет русский язык, а на южные – монгольский.

Но, к сожалению, этот процесс активно не изучается и не контролируется.

Так же, как и понятие «родной язык», «литературный язык» затруднено и многомерно определение понятия **двуязычие** (билингвизм)⁵², зачастую оно зависит от определенной узкоспецифической точки зрения, в рамках которой рассматривается данное понятие вплоть до мнения, что вообще нет необходимости давать его общее определение⁵³. Наиболее нейтральным в лингвистике является определение: «под двуязычием обычно понимается владение двумя языками и регулярное переключение с одного языка на другой в зависимости от ситуации общения»⁵⁴.

Классическими считаются определения В. А. Аврорина: «Двуязычием следует признать одинаково свободное активное владение двумя языками. Иначе говоря, двуязычие начинается тогда, когда степень знания второго языка приближается вплотную к степени знания первого»⁵⁵; Ю. Д. Дешериева, Н. Ф. Протченко, которые под совершенным видом двуязычия понимают «владение в совершенстве общеупотребительными устной и письменной формами существования обоих литературных языков без проявления интерференции на каком-нибудь уровне их структур»⁵⁶. Все авторы подразумевают достаточно высокий уровень владения двумя языками, хотя, как отмечают многие исследователи, степень владения языками при двуязычии может быть разной: от пассивного знания ограниченного лексикона и базовых грамматических конструкций до абсолютного владения обоими языками как единственными средствами общения в условиях всех традиционных коммуникативных сфер. Выделяют, например, еще неполное двуязычие, когда индивид владеет бытовой речью без знания письменных форм языка; пассивное, когда индивид воспринимает информацию в устной или письменной форме, но активно ее воспроизвести не может. Соответственно, различаются ступени двуязычия: от начальной до ступени адекватного двуязычия, когда индивид в равной степени владеет обоими языками, одинаково свободно говорит и думает на обоих языках, сознательно избегая смешения элементов двух языков.

То есть двуязычие можно и нужно рассматривать как развивающееся явление, поскольку, во-первых, меняются объективные условия, в которых существует билингв, которые требуют от него

переключения с одного языка на другой либо, наоборот, фиксации знания определенного языка. Во-вторых, объективно и очевидно естественное стремление к овладению носителями миноритарного языка мажоритарным языком как можно в более совершенной форме. Большинство авторов (Л. В. Щерба, Ю. Д. Дешериев, Дж. Эдвардс) считают, что чистого двуязычия (существования в сознании говорящего двух языков изолированно друг от друга, без сравнений и параллелей), также как и абсолютно одинакового совершенного знания обоих языков, не бывает, или это очень редкое, немассовое явление. Обычно присутствует смешанное двуязычие, которое возникает в процессе овладения вторым языком на базе данных родного языка. То есть, как отмечает Л. В. Щерба, бывает двуязычие индивидуальное и коллективное, чистое и смешанное⁵⁷.

В зависимости от способа, условий приобретения двуязычия различают искусственное и естественное или культурное и контактное двуязычие. Считается, что для России характерен контактный тип двуязычия, который возник в результате длительного совместного проживания аборигенного и русского народов на одной территории. Обычно численное преобладание русской части населения, их более высокий уровень социально-экономический развития способствовал распространению асимметричного (субординативного) двуязычия, когда этническое меньшинство владеет как своим национальным (миноритарным), так и русским (мажоритарным) языком. Можно отметить, что современное национально-русское двуязычие в России отчасти является и культурным, поскольку с помощью русского языка усваивается не только русская, но и инонациональная культура. Так, для большинства национальных окраин, как, например, и для отдаленных однонациональных бурятских сел, характерно, активное усвоение русского языка посредством телевидения и радио, которые, практически, постоянно вещают на русском языке.

Многомерность и многоаспектность двуязычия затрудняет возможность общего его определения, даже в самой лингвистике оно является объектом изучения социолингвистики, психолингвистики и собственно лингвистики. «Если социолингвистический аспект взаимодействия языков раскрывает причины возникновения двуязычия, а психолингвистический фактор – сам механизм языково-

го взаимодействия, то лингвистический аспект связан с рассмотрением результатов языкового контактирования»⁵⁸.

Различные определения двуязычия связаны не только со степенью владения тем или иным языком, но и с социальными ситуациями и другими параметрами коммуникативного акта: «...билингвизм – это сосуществование двух языков в рамках одного и того же речевого коллектива, использующего эти языки в соответствующих коммуникативных сферах, в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта»⁵⁹. З. У. Блягоз считает, что двуязычие – это умение, навык, позволяющий человеку или народу в целом, или его части попеременно пользоваться (устно или письменно) двумя разными языками в зависимости от ситуации и добиваться взаимного понимания в процессе общения⁶⁰. Принцип взаимопонимания и общения в последнее время является исходной позицией при определении двуязычия, степень же владения языками может быть разной.

В связи с ростом значения определения двуязычия для теории и практики языковой политики, совершенствования межнациональных отношений, очень важным становится рассмотрение типов двуязычия⁶¹ относительно их функционирования в том или ином обществе, государстве. В зарубежной лингвистике в данном случае речь идет о трех типах двуязычия: равнофункциональном (языки на территории всей страны имеют одинаковый статус и используются говорящими во всех сферах), нефункциональном (языки имеют одинаковый статус, но функционируют на разных территориях независимо друг от друга), разнофункциональном, ведущим к постепенному сокращению носителей тех языков, которые имеют суженные функции. Отмечается, что наиболее приемлемый и желательный вид двуязычия в многонациональном государстве – равнофункциональный, – не вызывающий социальных напряжений, к сожалению, все более уступает разнофункциональному⁶².

Можно также в данном случае отметить фактор добровольности или вынужденности двуязычия, о котором пишет В. М. Алпатов⁶³, но, который, по нашему мнению, в многонациональных государствах является вынужденно-добровольным. Четкую грань здесь провести сложно, поскольку немаловажным в данном случае

является статус, социальная ценность, престиж сосуществующих языков, причем и официальный, и фактический.

Среди выделяемых обычно типов билингвизма⁶⁴ для бурят наиболее характерными являются активная субординативная форма с соблюдением норм обоих языков с незначительной интерференцией и репродуктивная форма, когда используются преимущественно русский или бурятский язык со вторым языком на уровне репродуктивного билингвизма. В последние годы все более увеличивается число носителей пассивного билингвизма, воспринимающих бурятский язык, но воспроизводящих его с трудом. К числу тех, кто владеет активным координативным (полное соблюдение норм обоих языков) двуязычием, относятся обычно представители так называемой гуманитарной интеллигенции (преподаватели, научные работники, журналисты), обучавшиеся в школе, а иногда и в ВУЗе, бурятскому языку. И если раньше у бурят преимущественно отмечалось активное контактное двуязычие, которое развивалось у городских бурят при непосредственном общении с представителями других национальностей, то в последние десятилетия можно говорить еще и о массовом пассивном культурном двуязычии, которое, как отмечается выше, распространяется в отдельных сельских районах через радио, телевидение и другие средства массовой информации. Наблюдающийся значительный перевес числа носителей русского языка даже среди бурят имеет тенденцию к усилению этого перекаса. Часто причинами предпочтения русского языка бурятскому являются степень владения тем или иным языком и стереотип языкового поведения. В основном же, бурятско-русское двуязычие характеризуется функциональным распределением языков, когда русский язык соотносится с нетрадиционными для бурят сферами деятельности, а родной используется в повседневном бытовом общении.

Таким образом, в настоящее время можно говорить практически о четырех видах двуязычия на базе бурятского и русского языков: 1) бурятско-русское двуязычие у бурят, 2) русско-бурятское двуязычие у бурят, 3) бурятско-русское двуязычие у русских, 4) русско-бурятское двуязычие у русских. Если первый вид двуязычия достаточно изучен, имеются различные, в том числе и статистические, данные по этому виду, то остальные три требуют не только исследования, но и внимательного отношения, поскольку

от них во многом зависят и будущее положение бурятского языка в Бурятии, и моральный климат в республике. Обычно бурятский компонент бурятско-русского двуязычия у бурят представляет собой диалект или говор, но в случае, если носитель языка обучался в школе родному языку, в его речи наблюдается явление диглоссии, перемежаются литературная и диалектная формы бурятского языка, а также элементы русского.

Если судить по данным, полученным в результате проведенного в 1989-1990 гг. обследования⁶⁵, в частности, по уровню владения бурятами бурятским и русским языками, то активными носителями бурятско-русского двуязычия являются более 60% взрослого населения, носителями русско-бурятского двуязычия среди них являются примерно 23% (ответивших, что удовлетворительно и плохо говорят по-бурятски) опрошенного взрослого населения этнографической Бурятии. Расчет по результатам переписи населения 1989 г., данный в работе Хо Сун Чхол⁶⁶, показал, что степень двуязычия у бурят равняется 74,45%.

Бурятско-русское и русско-бурятское двуязычие у русских представлено редко и, в основном, у лиц, живущих в сельской местности, в окружении природных одноязычных носителей бурятского языка. По данным переписи населения 1989 г., 0,3% русских ответили, что знают бурятский язык, однако имеются сведения, что в сельской местности около 40% русскоязычного населения в той или иной степени владеют бурятским языком, а в городе доля носителей русско-бурятского двуязычия составляет 27%⁶⁷.

В случае двуязычия типа большой-малый языки при выборе вариантов в случае понятийно-эквивалентных слов даже при сходстве лексического фона преимущество чаще отдается более престижному языку. Тесное взаимодействие двух языков способствует изменению способа отображения мира в малом языке вплоть до замены исходных понятий, вкраплений однопонятийных слов пока возможно их дифференцированное употребление в различных ситуациях или в отношении различных адресатов, иногда с частичным изменением объема значений. Наблюдения над речевой практикой бурят свидетельствуют, что в их речи встречаются заимствования, вкрапления, смешения кодов и переключения кодов, причем выбор языка у них чаще не мотивирован, смена языков в процессе общения обычно не осознана.

Речевая ситуация в отличие от языковой характеризуется еще большим разнообразием использования языковых вариантов в рамках одной беседы и, соответственно, многообразно определение случаев данной вариативности. Ч. Фергюсоном⁶⁸ для определения одновременного сосуществования в обществе двух языков или двух форм или стилей одного языка было введено понятие **диглоссии**⁶⁹. То есть данное понятие в некотором смысле шире понятия двуязычия, однако оно предполагает оценочную компоненту: сознательный переход с одного языка (формы языка, стиля) на другой по шкале «высокий» – «низкий», «торжественный» – «обыденный» и, видимо, «престижный» – «непрестижный». Таким образом, подразумевается неравное положение (доминирование, подчинение) социальных групп пользующихся тем или иным языком, диалектом, стилем и т.д. Признается, что диглоссия типа родной язык – язык большинства (международный язык) – естественное явление и норма для большинства дву- и многоязычных обществ. Однако, также как и в случае двуязычия, очень важна скорость перехода с одного языка на другой и, если это естественный процесс и он сопровождается умелой языковой политикой, то он проходит безболезненно.

Отмечая разнообразие речевой вариативности в случае двуязычия и многоязычия, следует заметить, что, во-первых, кроме указанных выше возможны и наиболее распространены в России варианты родной диалект – литературный русский язык, национальный литературный язык – разговорный русский язык и т.д. Во-вторых, замечено, что оценка и языков, и их форм может существенно меняться, и сложно говорить, в каком случае, какой язык, или форма, или стиль более престижны и высоко оцениваются. Например, попытки поднять в последние десятилетия престиж национальных языков с помощью придачи им статуса государственных сыграло некоторую роль в размещении их на социальной шкале ценностей, хотя этот процесс пока сталкивается со значительными трудностями разного плана. В Бурятии общение в дацанах, например, более престижно вести на бурятском языке. Достаточно сложными во многих языках, в том числе и бурятском, являются отношения диалект – литературный язык. Вероятно, необходимо вести политику поддержки сохранения и развития всех

диалектов. Ведь едва ли носитель какого-нибудь диалекта согласится, что его диалект непрестижен.

Явления двуязычия и диглоссии непосредственно связаны с уровнем владения индивидом тем или иным языком или с его **языковой компетенцией**. Обычно данный термин используется для обозначения языковых навыков говорящего, способности воспринимать и производить грамматически правильные высказывания. Несколько иную интерпретацию дает М. Н. Губогло⁷⁰. Под языковой компетенцией он понимает потенциальное двуязычие, противопоставляя ему речевую деятельность (реальное двуязычие) и языковую ориентацию (психологическую ориентацию человека к различным языкам). По его мнению, эти понятия квалифицируют различную степень владения одним или несколькими языками. Л. П. Крысин и В. И. Беликов⁷¹ считают, что в отличие от Н. Хомского, который ввел термин языковая компетенция, наиболее полно понятие «владение языком» раскрыл Ю. Д. Апресян и, что оно должно включать наряду с собственно лингвистическим уровнем социальный контекст использования языка. Они выделяют национально-культурный, энциклопедический и ситуативный уровни владения языком.

В последние годы все чаще наряду с понятием диглоссия, заимствование используются понятия **смещение кодов**, **переключение кодов** или использование в речи билингов двух и более языковых вариантов с соответствующим изменением действующей грамматики (сфера действия переключения кодов охватывает более одного слова). Различение маркированного и немаркированного переключения кодов помимо дополнительного сообщения об этнической принадлежности, эмоциональной окраске и т.д., производится также с целью информации говорящего о собственном социальном статусе, то есть здесь также используется оценочный параметр.

Считается, что понятие переключения кодов введено Дж. Гамперцом⁷², хотя о смешанном языке с двумя терминами (или кодами в современной терминологии) еще в 1925 г. писал Л. В. Щерба⁷³. В настоящее время в механизме речевого общения в условиях двуязычия выделяются такие процессы, как заимствование, вкрапления, смещение и переключение кодов. Отдельные исследователи под явлением переключения кодов понимают все лингвистические факты, возникающие в речи билинга⁷⁴.

Механизм речевого общения в неоднородной языковой среде, представляющий множество вариантов лингвистического приспособления носителей языка в целях взаимопонимания является малоизученной и достаточно перспективной темой для любого языка, находящегося в условиях контактирования с другим языком. Фактически, в большинстве работ бурятских лингвистов рассматривается один вариант приспособления – заимствование, о смещении языков упоминается Т. А. Бертагаевым⁷⁵, хотя очевидно, что современная двуязычная речь бурят изобилует, практически, всеми видами двуязычной речевой вариативности, поэтому перед бурятоведами задача ее изучения стоит особенно остро.

Распространению явления смещения и переключения кодов способствуют хорошее знание и активное использование русского языка городскими бурятами, точнее билингвизм, а иногда и полное их русское одноязычие. Оно наиболее характерно как для городских билингвов – лиц с высшим образованием, так и для тех, кто слабо владеет литературной формой языка, часто для носителей западного диалекта. Смешанную речь можно услышать в г. Улан-Удэ в случае общения носителей разных диалектов, в разговоре стариков с молодежью. В городе на бурятском языке, точнее родном диалекте, в основном, говорят между собой родственники, земляки, мигранты первого поколения. Носители западного диалекта стесняются в общественных местах говорить на своем диалекте. Среднее и младшее поколения бурят, особенно в деревенской местности, под влиянием школьного обучения стремятся к четкой дифференциации речевых средств, к целесообразному их использованию в соответствии с речевой ситуацией. Относительно «чистая» бурятская речь характерна для закаминцев, окинцев, представителей Агинского бурятского национального округа, носителей хоринского диалекта, представителей отдаленных районов.

Как и в любом языке, особенно в случае двуязычия и многоязычия, между полной моногlossностью и сознательным кодовым переключением с одного языка на другой существует множество переходных случаев, которые часто говорят о недостаточно высоком уровне владения языком, и способствуют расшатыванию языковых норм, понижению культуры речи.

В бурятском языке, как и в других языках, встречаются случаи ситуативного переключения с русского языка на бурятский, и, на-

оборот, обусловленные кодовыми правилами (в дацане, культовых местах), а также случаи метафорического переключения, при передаче, например, ласкового доброжелательного отношения говорящего («Мухаашка»). Дифференциация и квалификация такой речи так же, как и смешения кодов, довольно затруднительны, поскольку параллельно с лингвистическим анализом необходимо учитывать экстралингвистические факторы: место, тему и обстановку речевого акта, среду или сферу общения, социолингвистические характеристики говорящих, их языковую компетенцию. В данных случаях считается, что социальная потребность и условия подавляют языковую норму.

Так называемое сознательное переключение кодов с целью объяснить или сделать рассказ более понятным для слушателей встречается довольно редко. Например, в выступлении по телевидению д.ф.и. У.-Ж. Ш. Дондукова (апрель 2001 г.): *Ородоор хэлэхэдээ* (говоря по-русски): «Своя интерпретация, своя аранжировка песни».

Гораздо больше случаев, когда отсутствует бурятский эквивалент какому-либо выражению или слову, а русский вариант как бы находится «на языке», причем чаще это устойчивое выражение, клише. Например, в бурятской записи, для которой характерна ровная литературная бурятская разговорная речь, осуществленной в Кижингинском интернате, учительница перед началом игры говорит: «Ну, три-четыре...» или «И подтянись. Вот так. Молодец! Еще раз». Здесь употребление русских фразеологизмов обусловлено эмоционально-экспрессивным сигналом, с целью обратить внимание на последующее высказывание или действие.

Своеобразны случаи переключения кодов, когда, например, разговор заводится о родителях: *Иаша мать, наһатай болоод* (в возрасте), живет в Читинской области; или когда, наоборот, в противовес описанному выше случаю, на родном языке имеется более подходящее устойчивое выражение: *По пять рублей собирала. Не хватило. Почему я маленьких взяла? Жаахан хубуун жсаа мунгэн* (Маленькие дети – маленькие деньги).

Как и для многих восточных народов, для бурят одним из решающих значений при выборе языка общения является состав участников беседы. Если собеседник старший по возрасту начинает разговор по-бурятски, то и более молодой коммуникант отвеча-

ет или пытается ответить на родном языке. Не менее важный момент – обстановка речевого общения. Как традиция уважения к русскому и другим народам довольно устойчивой является привычка в присутствии лиц другой национальности (даже не обращаясь к ним) либо полностью переходить на русский язык, либо перемежать речь бурятскими и русскими словами, выражениями.

Фактически, можно сказать, что бурятская разговорная речь характеризуется активным проникновением всех видов русской вариативной речи, проникновением во все социальные слои бурятского населения. При этом наблюдается пересечение социальных, психологических и лингвистических структур носителя языка и групп носителей. Очевидно, что такой тип речи чаще – результат недостаточной культуры родной речи, отсутствия нормализующего влияния бурятского языкознания, школы, общества. Перспектива его дальнейшего существования во многом зависит от социальных условий развития языка.

По нашему мнению, в современных случаях национально-русского двуязычия необходимо различать, например, целевое кодовое переключение (цель – быть понятым) и переключение, обусловленное недостаточным знанием языка, в случае, когда оба участника являются двуязычными. Особое внимание необходимо обратить на психолингвистический аспект изучения переключения кодов – мотив заимствования или переключения кодов, чем обусловлен тот или иной процесс, всегда ли он связан только с облегчением хода мысли, общения, упрощения содержания. Изучение данного аспекта двуязычия помогло бы выйти на уровень этнопсихолингвистических, лингвоментальных особенностей того или иного народа.

Относительно малых языков проблема их существования и развития тесно связана с проблемой их **витальности** (ревитализации, сохранения, поддержки) языка. Если судить по литературе, то это проблема давно и активно разрабатывается в зарубежной социолингвистике. В СССР и России по общеизвестным причинам пристальное внимание этой проблеме стали уделять лишь в последние годы и в настоящее время, к сожалению, угроза витальности национальных языков, в том числе и титульных, признается всеми специалистами.

Очевидно, что язык может исчезнуть: а) с увеличением числа билингвов, когда носители малого языка постепенно сокращают его употребление, постепенно обходятся без него, не видя в нем необходимости, б) с внутренними изменениями языка под влиянием либо языка-донора либо доминирующего языка, в) с физическим сокращением числа носителей языка. Процесс исчезновения языка называется по-разному: вымирание, утрата, ассимиляция, затухание, языковая смерть. Иначе говоря, у каждой нации имеется свой ассимилятивный порог, или «каждый этнос имеет свой предел взаимодействия, который определяется уровнем его общесоциального развития, структурой этнического самосознания, а также особенностями психического склада. Вместе с тем взаимодействие различных культур конструктивно только в том случае, если внутренние, генетические свойства данного этноса естественно воспринимают внешнее воздействие, если оно не принудительно»⁷⁶.

Н. Б. Вахтин, активно разрабатывающий эту проблему на материале языков народов Севера, использует термин «языковой сдвиг» (language shift), под которым он понимает «социальные причины, механизмы и следствия утраты языковой общностью титульного языка»⁷⁷. Практически, центральной является проблема витальности в серии «Письменные языки мира»⁷⁸, в которой она измеряется количеством функций языка и интенсивностью его применения в сферах общения, а также такими показателями, как количество говорящих на языке, соотношение с общей численностью этнической группы, использование языка младшим поколением, количество билингвов, наличие программ поддержки функционирования языка. К сожалению, в самом издании не указан способ выведения индекса витальности языка, хотя представлены исходные характеристики функционирования языков в различных сферах, что, видимо, и должно использоваться для статистических расчетов. Подобные расчеты в виде коммуникативной и демографической мощности калмыцкого языка приводятся в работе А. Н. Биткеевой⁷⁹. Кроме того, вероятно, интересно было бы найти формулу для выявления уровня, если можно так назвать, сентиментальной мощности языка.

Разработчики уравновешенной модели развития двуязычия Р. Лэндри и Р. Аллард⁸⁰ считают, что билингвизм чаще определяется

не тем, кто ты есть, а где ты живешь, и в сочетании «семья+школа» против «социального окружения» перевешивает «социальное окружение», создавая таким образом ситуацию пониженной языковой витальности. Если же школа выступает против сочетания «семья+социальное окружение», то данная ситуация будет благоприятной для языка и называется ситуацией повышенной витальности. Как и большинство других авторов, они отмечают, что очень важным фактором сохранения языка является отношение носителей к своему языку, к его потере или поддержке. По мнению А. Я. Блинкена⁸¹, язык умирает через 3–4 поколения, если он не применяется в высших сферах социальной иерархии, управлении, науке.

Как показывает обзор работ, факторы, влияющие на витальность языка те же, что и влияющие на его существование и развитие. Таким образом, еще одним из основных современных социолингвистических понятий является понятие **фактора** или условия совершения тех или иных процессов или событий, их движущей силы. Данное понятие используется в социолингвистических исследованиях все чаще, оно помогает более полно и всесторонне раскрыть экстралингвистическую сущность многих явлений и процессов, происходящих в языках.

Рассмотренные выше понятия далеко не исчерпывают весь набор терминов и понятий, которыми оперируют в данной отрасли языкознания. Большинство из них являются устоявшимися, общеизвестными, основополагающими, но можно также констатировать, что, поскольку социолингвистика находится в стадии становления, происходит уточнение уже известных определений, появляются новые понятия, такие как графическое двуязычие, языковая русификация, паритетное (балансирующее) двуязычие, культурно-языковая диверсификация, языковая аттракция и т.д. Наиболее характерной особенностью их современной трактовки является повышение ценностно-оценочной компоненты в их определении. Уточнение происходит также в связи с расширением лингвистического фона их рассмотрения и увеличением числа исследуемых в данном направлении языков. Можно также отметить, что в результате анализа ряда работ можно сделать вывод, что большинство авторов при социолингвистическом описании языков предпочитают использовать русские термины: двуязычие, но не

билингвизм, языковое взаимодействие, а не языковой контакт, владение языком – не языковая компетенция.

¹ Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос.гос.гуманит.ун-т, 2001. 439 с.; Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб: С.-Петерб.ун-т, 1995. 92 с.; Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студ.гуманит.вузов и учащихся лицеев. 2 изд-е., испр. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.

² Считается, что внутренние языковые законы – один из видов социальных законов, которые обладают некоторыми специфическими чертами по сравнению с законами развития других социальных явлений. Отсюда и сложная диалектика соотношения экстралингвистических и внутрilingвистических факторов, развития и функционирования языка как социального явления особого рода.

³ В частности. «теория функционального развития языков делит разные виды человеческого общения на сферу спонтанного общения, то есть непланируемого, нерегулируемого (семейного, межличностного общения), и сферу организованного общения, поддающегося планированию и регулированию (книгопечатания, радио, телевидение, делопроизводство, разные отрасли науки и другие)» (Михальченко В.Ю., Солнцев В.М. Языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С.59).

⁴ Из последних работ, в которых дан наиболее подробный обзор и анализ зарубежной литературы по малым языкам, нельзя не упомянуть работу Н.Б.Вахтина Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

⁵ Никольский Л.Б. Синхронная социоллингвистика. (Теория и проблемы). М., Наука, 1976. С.79-80.

⁶ Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С.133.

⁷ Белоусов В.Н. Существование языков в многонациональном обществе // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 174-190.

⁸ Михальченко В.Ю. О принципах создания «Словаря социоллингвистических терминов» // Методы социоллингвистических исследований. М., 1995. С.191-204.

⁹ Аюпова Л.Л. Языковая ситуация в Республике Башкортостан. Социоллингвистический аспект: Докт.дис. Уфа, 1998.

¹⁰ Шагдаров Л.Д. О возрастании роли русского языка в развитии национально-русского двуязычия в Бурятии // Исследования по бурятской филологии. Улан-Удэ, 1978. С. 6.

¹¹ Там же, С.10.

¹² Бадмаев А.Р. Современная языковая ситуация в Бурятии // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С.33.

¹³ Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический аспект. М., 2000. С.197.

¹⁴ Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. СПб: С.-Петербург.ун-т, 1995. 92 с.; Языковые проблемы Российской Федерации и законы о языках. Мат-лы Всерос. науч. конф. (М., 1-3 ноября 1994). М., 1994. 247 с.

¹⁵ Дьячков М.В. Социальные аспекты овладения неродным национальным языком // Социологические исследования. 1992. №5. С.123.

¹⁶ Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып.УП. М., Прогресс, 1975. С.441-472.

¹⁷ Копыленко М.М., Ахметжанова З.К. Закон о языках и развитие двуязычия и многоязычия в Казахской ССР. Алма-Ата, 1990. С.4.

¹⁸ Караджа М. Конституционные аспекты языковой проблематики в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С.319.

¹⁹ Цит.: Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. УП. М., Прогресс, 1975. С.10.

²⁰ Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып.УП. М., Прогресс, 1975. С.465.

²¹ Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., МГУ, 1992. С.68.

²² Губогло М.Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С.169.

²³ Очевидно, что более обоснованной является классификация языков по состоянию их внутрисконструктурного и функционального развития, количеству носителей и т.д. Например, термин, «развитой язык» (видимо, в противовес неразвитым языкам), используемый В.М.Солнцевым (Языковой вопрос в многонациональных странах и языковая ситуация в СССР // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 13), является не совсем удачным, не благозвучным, хотя содержательно (развитый язык – со сложившейся литературной нормой, развитой тер-

минологией и длительной письменной традицией) он вполне функционален.

²⁴ Srivastava R.N. Initiating Literacy in Second Language // Linguistic Minorities and Literacy. Language Policy Issues in Developing Countries. Ed. By Florian Coulmas. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P.29-37.

²⁵ Достаточно подробно дефиниция «государственный язык» разбирается Ю.В.Трушковой в ее статьях: Проблемы описания современной социолингвистической терминологии // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. М., 1994. С. 113-120; Термины для обозначения национальных (государственных) официальных языков в Российской Федерации // Социальная лингвистика в Российской Федерации: Мат-лы к XIУ всемирной конф. социологов. Монреаль. М., 1998. С.30-32.

²⁶ Государственные языки в Российской Федерации. Энциклопедический словарь-справочник. Гл.ред. В.П.Нерознак. М., 1995.

²⁷ Дьячков М.В. Миноритарные языки в образовании (типология языковой политики). М., 1995. С.3.

²⁸ Краткий этнологический словарь. М., 1994. С.98.

²⁹ В последнее время делаются попытки уточнить данное понятие с помощью психолингвистического (когнитивного) анализа, см., например: Позднякова Т.Ю. Национальная и языковая идентификация в языковом сознании билингва // Русский язык как государственный. Материалы межд.конференции (Челябинск, 5-6 июля 1997). М., 1997. С.70-74.

³⁰ Исхакова З.А. Функционирование государственных языков в Республике Татарстан среди учащихся-татар // Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Казань, 1994. С.68-81.

³¹ Аврорин В.А. Двужычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С.52.

³² Журавлев В.К. Экология языка и культуры // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991. С. 436.

³³ Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолнгвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т языкознания РАН, 2000. С.11-12.

³⁴ Белл Р. Социолнгвистика. Цели, методы и проблемы. М., 1980. 318 с.

³⁵ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.14.

³⁶ О переписях народов Севера см. там же, С. 31-89.

³⁷ Коган М.Э. Язык в структуре национального самосознания // Этническое и языковое самосознание. Мат-лы конфер. Москва, 13-15 декабря 1995 г. М., 1995. С.72.

- ³⁸ Алпагов В.М. Рец. на книгу J.Edwards. Multilingualism. London; New York, 1994. 237 p.; Вопросы языкознания. 1997. №1. С.131-136.
- ³⁹ Нагибин Ю. Тьма в конце туннеля. М., 1994. С.34.
- ⁴⁰ Скрынникова Т.Д. Традиционная патестарно-политическая культура и современная идентификация бурят // Сибирь: этносы и культура. Традиции и новации в этнической культуре бурят. Вып.5. М.-Улан-Удэ, 1999. С.4-29.
- ⁴¹ Елаева И.Э. Этничность бурят в постсоветский период // Сибирь: этносы и культуры. Традиции и новации в этнической культуре бурят. Вып.5. М.-Улан-Удэ, 1999. С.48-70.
- ⁴² Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999. 142 с.
- ⁴³ Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С.15-16. Хотя, как считает Э.Г.Туманян (Понятие «языковая норма» с позиций социальной лингвистики // Проблемы языковой жизни Российской Федерации и зарубежных стран. Мат-лы к XIII Всеми конгр. социологов (Германия, Билефельд, 18-23 июля 1994). М., 1994. С.120-123), диалекты также имеют норму, но она изменяется спонтанно, в то время как литературный язык – носитель искусственной нормы. То есть в любом языке присутствует множество норм.
- ⁴⁴ Гухман М.М. Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981. С.3-18.
- ⁴⁵ Суник О.П. О языковом развитии некоторых малочисленных народов Сибири // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965. С.19-20.
- ⁴⁶ Доржиев Д.-Н.Д. Старобурятский язык. АДД. Улан-Удэ, 1994.
- ⁴⁷ Шагдаров Л.Д. Формирование и развитие национального языка у бурят // Исследования по истории монгольских языков. Улан-Удэ, 1993. С.11-37.
- ⁴⁸ Нарумов Б.П. Понятия «языковой континуум» и «диалект» в истории романского языкознания // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С.309.
- ⁴⁹ Там же, С.312.
- ⁵⁰ Цыдендамбаев Ц.Б. Итоги и насущные проблемы языкового строительства в Бурятии // Филологические записки. Улан-Удэ, 1973. Тр. Ин-та общ. наук. Вып.19. С. 61-87.
- ⁵¹ Цит.: Чемоданов Н.С. Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в лингвистике. Вып. УП. М., Прогресс, 1975. С.5-33.

⁵² Понятие «билингвизм» используется в смежных науках, причем понимается там намного шире, чем как двуязычие. Так, в социологии билингвизм – это способ социальных отношений этногруппы и общества, это контакт в межкультурной среде на всех уровнях общественной системы, в которых культуры нельзя представить без языковых референтов, см., например: Литвиненко Е.Ю. Современный билингвизм: проблемы институционализации: Канд.дис. Ростов-на-Дону, 1997; Майоров А.П. Социальный билингвизм и языковое пространство. Уфа, 1998. 160 с.

⁵³ Fishman J.A. Language Loyalty in the United States. The Hague, 1965, p.287. Цит.: «Развитие национально-русского двуязычия. М., Наука, 1976. С.12.

⁵⁴ Розенцвейг В. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып.6. М.: Прогресс, 1972. С.9-10.

⁵⁵ Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С.51.

⁵⁶ Дешериев Ю.Д., Н.Ф.Протченко Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1975. С.34-35.

⁵⁷ Щерба Л.В. О понятии смешения языков // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.60-74; К вопросу о двуязычии // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.313-318.

⁵⁸ Крюкова И.В. Явления грамматической интерференции в условиях ирландско-английского контактирования // Этнические контакты и языковые изменения (Этнолингвистические исследования). С.-Пб.: Наука, 1995. С.173.

⁵⁹ Швейцер А.Д. Современная социоллингвистика. (Теория, проблемы, методы). М., Наука, 1976. С. 115.

⁶⁰ Блягз З.У. Адыгейско-русское двуязычие. Майкоп, 1982. С.11.

⁶¹ Классификация типов двуязычия приводится разными авторами: Т.А.Бертагаев Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., «Наука», 1972. С.82-88; Е.М.Верещагин. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 160 с. А.А.Бурькин К социоллингвистической характеристике некоторых типов двуязычия // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тез.докладов межд.конференции. М., 23-25 октября 2001 г. М.: УРСС, 2001. С.297-300; М.-С.М.Мусаев К истории и типам языковых контактов и двуязычия в условиях полиэтнического Дагестана // Там же. С.329-331.

- ⁶² Всесоюзное совещание руководителей специализированных советов по языкознанию // Бюллетень ВАК. 1990. №5. С. 25.
- ⁶³ Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917-2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+, Ин-т языкознания РАН, 2000. С.14 с.
- ⁶⁴ Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С.80-82.
- ⁶⁵ Дырхеева Г.А., Будаев Б.Ж., Бажеева Т.П. Бурятский язык: современное состояние (социолингвистический аспект). Улан-Удэ, 1999. 142 с.
- ⁶⁶ Хо Сун Чхол Языковая ситуация в России и других новых независимых государствах бывшего СССР // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., Эдиториал УРСС, 2000. С.386.
- ⁶⁷ Проблема двуязычия в свете общественного мнения // Правда Бурятии. 1998. 27 мая.
- ⁶⁸ Ferguson Ch. Diglossia. «Word», 1959, v.15, N4.
- ⁶⁹ Кстати, понятие «двуязычие» иногда (см. В.М.Алпатов. Указ.соч. С.14) используется и для обозначения одновременного владения литературной формой языка и диалекта.
- ⁷⁰ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы (опыт, уроки и задачи этносоциолингвистического изучения) // Расы и народы. Вып. 9. М.: Наука, 1979. С.9-31.
- ⁷¹ Беликов В.И., Крысии Л.П. Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Рос.гос.гуманит.ун-т, 2001. С.146.
- ⁷² Гамперц Дж.Переключение кодов хинди-пенджаби в Дели // Новое в лингвистике. Вып.У1. М., 1972. С.190-203.
- ⁷³ Щерба Л.В. О понятии смещения языков // Л.В.Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. С.60-74.
- ⁷⁴ Парфенова О.С. Хроника второго Международного симпозиума по билингвизму (Великобритания, Ньюкасл, 14-17 апреля 1999) // Вопросы филологии. 1999. №2. С.109-110.
- ⁷⁵ Бертагаев Т.А. К вопросу о взаимовлиянии языков (о монголизмах и двуязычии) // Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М.: Наука, 1969. С. 121-125.
- ⁷⁶ Иванов В.Н. О некоторых характерных чертах взаимодействия культур (региональный аспект) // Историко-этносоциологические исследования. Региональные проблемы. Новосибирск, 1998. С. 6.
- ⁷⁷ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С.14.
- ⁷⁸ Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2000. 656 с.

⁷⁹ Биткеева А.Н. Развитие социальных функций современного калмыцкого языка. АКД. М., 2002.

⁸⁰ Landry R., Allard R. Ethnolinguistic Vitality and the Bilingual Development of Minority and Majority Group. Students // Maintenance and Loss of Minority Languages. Ed. By W.Fase, K.Jaspaert, S.Kroon. Amsterdam/Philadelphia. 1992. V.1. Studies in Bilingualism. P. 223-251.

⁸¹ Блинкена А.Я. Языковая ситуация и статус языков в Прибалтике // Вопросы социолингвистики: Мат-лы советских социолингвистов к XII всемирному конгрессу социологов (Мадрид, 9-13 июля 1990 г.). М., 1990. С.39-41.

И.Г.Балханов

ДВУЯЗЫЧИЕ КАК ФАКТОР МАРГИНАЛИЗАЦИИ

В представленной статье автор анализирует маргинальный статус тех, кто фактом миграции был вынужден перейти из традиционного общества в модернизированное, современное, более престижное.

В городских условиях новые горожане-буряты овладевали новым языком. Кто-то из них стремился воспроизвести социальность, заложенную в новом языке. Поскольку язык в конечном итоге есть форма причастности к новой культуре, то в реальной действительности «состыковка» между языком и социальностью происходит не сразу и удается не всем. То есть, можно усвоить язык, но не воспроизводить социальность, заложенную в нем. «Обговаривая» мир на другом языке, люди часто реализовывают безальтернативный жизненный выбор. В этом случае легитимируется маргинальный тип социальности.

Вероятно, что маргинальность объективирует определенные схемы практической деятельности индивидов. Для того чтобы представить эти схемы, необходимо, на наш взгляд, проанализировать своеобразные и неповторимые типы социальных характеров, складывающихся в рамках маргинального типа городской этничности в результате массового распространения двуязычия.

Понятие маргинальность используется в разных областях научного знания: экономике, психологии, философии, медицине и др. Социологи используют понятие маргинального человека, в основ-

ном, для исследования внутренних конфликтов. Данный термин был введен американским социологом, главой научной школы по социальной экологии Робертом Эзрой Парком. Маргиналы в его понимании – это люди, находящиеся на границе между двумя или более социальными мирами, но не являющиеся полноправными участниками ни одного из них. Р. Парк отмечал такие признаки маргинальной личности, как заниженная самооценка, постоянная боязнь быть отвергнутым, болезненная застенчивость в присутствии других людей и уверенность в том, что окружающие несправедливо с ним обращаются¹.

Однако другие американские социологи Алан Керхоф и Томас Маккормик отмечали, что не всем людям, обладающим маргинальным статусом, присущи такие черты. На их взгляд, невротические симптомы развиваются в основном у тех, кто стремится попасть в высшие слои общества. Данные авторы исследовали детей индейцев и показали, что у тех индейцев, кто стремился идентифицироваться с главным потоком американской жизни, но опасался быть отвергнутым из-за своей «не белой» внешности, невротические симптомы, свойственные маргинальным людям, были наиболее очевидными².

Проблемами маргинальности занимались представители Чикагской школы У. Томас и Ф. Знанецкий. Они отмечали, что в изменившихся социальных обстоятельствах формируется три типа социальных характеров. В своем классическом труде «Польский крестьянин в Европе и Америке», они представили фактический материал, собранный посредством так называемой случайной выборки (название дано впоследствии), на основании которого родилась конкретная типология социальных характеров в среде польских иммигрантов, покинувших в начале XX в. аграрную Польшу и оказавшихся в бурно развивающихся технико-экономически Соединенных Штатах Америки³.

Р. Парк утверждал, что маргинальные люди обычно бывают более творческими, чем другие. Это следствие того, что маргинальный индивид менее привязан к частному способу определения ситуации и привык учитывать различные возможные решения⁴. Примерно то же самое утверждал немецкий социолог Г. Зиммель, отмечая большую свободу и индивидуальность человека, участвующего в жизни различных групп⁵. Т. Шибутани также отмечает,

что: «В любой культуре наибольшие достижения осуществляются обычно во время быстрых социальных изменений, и многие из великих вкладов были сделаны маргинальными людьми»⁶.

В связи со сказанным хотелось бы отметить, что в отечественной научной литературе очень часто проводятся исключительно прямые параллели между маргинальностью и, допустим, бездомностью, девиантным и делинквентным поведением, в результате чего данное понятие устойчиво ассоциируется в негативном контексте. Безусловно, что это так и есть с точки зрения, скажем, экономистов, медиков, психологов. Однако, социологический и социоантропологический взгляды, используемые автором, предполагают подход, в котором актуализируется диалектический процесс групповой адаптации. В этом случае столь привычный анализ маргинальности в оценочных терминах носит периферийный характер, уступая место символическому контексту. Поэтому в центр исследовательского интереса мы выносим процесс организации нового опыта традиционных агентов в условиях вживания в новую культуру.

Урбанизация образа жизни требовала от индивидов более индивидуализированных реакций сознания и поведения. Этот факт лежит, на наш взгляд, в основе типологической дифференциации языкового поведения. Основываясь на качественных методах исследования, отражающих эмоциональную и событийную стороны адаптации индивидов, мы вычленили три типа языкового и жизнестилевого поведения в условиях перехода этноса из традиционного состояния в современное. Это три разновидности социальных характеров, которым мы дали следующие названия: 1) активный (производное – «активист»); 2) обывательский (производное – «обыватель»); 3) традиционалистский (производное – «традиционалист»).

Активный тип социального характера наиболее эффективен с точки зрения социальной адаптации к новым условиям. Данные группы в изменяющихся социальных обстоятельствах максимально старались реализовывать открывшиеся возможности. «Активисты» отличались от других, во-первых, более лучшими способностями к приобретению опыта. Данный показатель чрезвычайно важный, так как относится к удовлетворенности и гордости достигнутым, более сильному самовосприятию, уверенности в своем

будущем. Во-вторых, инициативностью в новой социальной среде, которая выражалась в налаживании социальных и дружеских связей. В-третьих, обилием институционализированных форм активности, а также специализацией сфер активности.

«Активисты» старались строить свою жизнь на тенденции к постоянной модификации и разнообразию, следуя четко поставленным целям. Их стихия – это приспособление через активность. В обществе они соединяли старые и новые верования, старались гармонизировать их, а не противопоставлять друг другу. Данный тип социального характера представляет меньшинство в любом обществе, он образует так называемое ядро Модерна, благодаря которому происходят социальные изменения в обществе.

У представителей активного типа урбанизация образа жизни не вызвала глубокого психологического шока. Социальную базу «активистов» составили двуязычные индивиды, выходцы из поликультурной среды. В город они стремились главным образом для получения специальности. Фактор двуязычия для данного типа способствовал быстрой интеграции в новый универсум, организации жизненных перспектив, реализации творческого потенциала, социальной мобильности. Не случайно, что среди них много людей с высоким социальным статусом.

Языковая ассимиляция неизбежно сопровождает тех, кто продвигается наверх. Лидерами ассимиляции становились, как правило, представители активного типа. В ряд причин, обусловивших ассимиляционные процессы, следует поставить возникновение идеи детства, организации семейного досуга с учетом развития детей, вход в систему образования, вход в социальную структуру, господство целерациональности, увеличение институтов социализации, анонимность социальных связей и т.д.

При вхождении в основные потоки урбанизированного общества у «активистов» возникают новые зависимости. Легитимирующие идеологии, характерные для модернизированного общества, формируют доверие к абстрактным системам и абстрактным возможностям. А новые групповые нормы избавляют людей от принуждения соблюдения традиций.

По-видимому, все происходящее в истории имеет свою цену. Это в полной мере относится к проблеме языкового ассимиляци-

онного процесса, который, в первую очередь, характерен для «активистов» и их детей.

Следующий тип социального характера, который сформировался в условиях модернизирующегося общества, мы определили как обывательский. Его основными отличительными чертами являются спонтанность поведенческих реакций и неопределенность модели поведения. Некоторые из них становятся яркими критиками своей этнической группы. Их привычкой становится постоянное «улучшение» самих себя, которое видится им в неумеренном подражании традициям мажоритарного этноса. Их поведение носит чаще всего демонстративный характер. Они могут упорно продолжать определенные действия, не приносящие никакой для них выгоды, но которые, на их взгляд, могут быть одобрены со стороны представителей доминирующего этноса.

На наш взгляд, инкорпорированное (встроенное в тело) крестьянское прошлое данного типа является объективным препятствием к приспособлению к новым условиям. Габитус этих людей стремится адаптировать Модерн к привычному укладу, который они утратили. Для данного типа овладение русским языком свелось к усвоению и воспроизведению уже готовых языковых идеологических форм. Согласно мнению авторитетного французского лингвиста Ф. де Соссюра, язык может представлять пример вынужденного договора, согласие на который у общества не спросили⁷.

Идеологический дискурс обучал людей тому, как именно говорить для того, чтобы говорить правильно. Если под дискурсом понимать «язык в использовании», то он представлен буквально во всех схемах практической деятельности индивидов, которые вошли в реальность Модерна не по личной воле, а вследствие того, что у них не было другой альтернативы, то есть поневоле. Обывательский социальный тип является ярким примером того, как через овладение идеологическим дискурсом люди учились обговаривать мир на новом, но пока еще чужом языке. Поэтому не удивительно, что идеологический дискурс был представлен во всем, что они говорили, делали, думали, воображали. В результате он стал рассматриваться как естественный способ мышления и деятельности.

Согласно мнению французского лингвиста Ж. Лакана, одной из основных функций языка является символическое оформление

внешнего и внутреннего мира индивида, придание ему ощущения единства, целостности и взаимосвязанности. И ощущение единства, по его мнению, создается с помощью языка в процессе диалога индивида с другими индивидами. Поэтому структура личности определяется структурой ее языка. Язык также определяет и структуру бессознательного⁸.

С учетом данного авторитетного мнения, мы отмечаем два важных момента анализа. Во-первых, идеологический дискурс стал важнейшим фактором межэтнической интеграции для огромной массы обывательского социального типа. В противном случае, ощущение единства достичь за такие короткие исторические сроки было бы невозможно. И, во-вторых, двуязычие выступило важнейшим фактором формирования габитуса, как ментальной модели постижения мира.

В контексте перспектив бурятско-русского двуязычия проблема габитуализации имеет первостепенное значение. Это связано с тем, что габитус, сформированный в конкретно-исторических условиях советской модернизации, объективирует практические схемы языкового поведения индивидов вне прямой зависимости от сегодняшних социально-экономических, политических и культурных факторов социальной реальности.

Особенностью человеческого сознания является тот факт, что все, с чем оно сталкивается, становится его габитусом. Всякая человеческая деятельность (в том числе и языковая) подвергается габитуализации, т.е. опривычиванию. «Важным психологическим последствием габитуализации, – отмечают П. Бергер и Т. Лукман, – оказывается уменьшение различных выборов»⁹. Поэтому, зная условия, в которых происходила габитуализация, можно прогнозировать будущие действия индивидов в тех или иных ситуациях.

Британский исследователь Кристина Шюес отмечает, что габитус формируется посредством опыта агента в обществе и, в свою очередь, формирует его опыт, а, следовательно, опыт этого общества. Агент может обладать свободой, может действовать и иметь опыт в окружающей среде, может обращать внимание на вещи или не замечать их и т.п. Но, однако, эта свобода кажущаяся, на самом деле она ограничена габитусом. И индивид не может посредством чисто волевого усилия воспринять что-то по-другому, чем это обусловлено его габитусом. То есть габитус определяет то направле-

ние, в котором развивается опыт индивидов. И для того, чтобы изменить отношения индивидов к другим и к миру, они должны знать свой габитус и уметь преобразовывать его¹⁰.

Анализ эмпирического материала свидетельствует о взаимообусловленности фактора двуязычия и институционализации габитуса в различных типах социальности. Скажем, когда двуязычие входит в жизнь людей как вполне определенная внешняя безальтернативная фактичность и оказывает принудительное влияние, то язык формирует в сознании «обывателей» вполне определенные устойчивые смысловые зоны и запас знаний, который является основой для тех или иных реакций на изменяющиеся вызовы внешнего мира.

«Активисты» благодаря знанию двух языков, имели возможность к более выборочному усвоению опыта. Более высокий уровень образования и род профессиональной деятельности обеспечивали усвоение дифференцированных и разнообразных семантических полей, смыслов и значений в условиях модернизации. Очевидно, что габитус активных агентов «предлагал» им более гибкие и конструктивные программы адаптации к новым условиям.

Габитус «обывателей» ограничивал возможности конструирования абстрагированных от повседневного опыта символов. Знания, объективируемые в новом языке, преобразовывались в объективно существующие элементы повседневной жизни, нередко, без должного дискурсивного анализа, чисто механически. Поэтому неудивительно, что идеологическим метанарративом были маркированы все сферы деятельности «свежей» интеллектуальной элиты.

Приведем воспоминание респондента, который в 70-е гг. работал в одном из учебных учреждений г. Улан-Удэ: *«Когда я впервые попал на заседание отдела, то внимательно вслушивался в то, о чем там говорилось. Помню, что меня очень поразила речь некоторых сослуживцев. Дело в том, что там, где не было необходимости, они старательно использовали слова философско-теоретической окраски, допустим, «концепции», «предпосылки», «диагностика», «структурный анализ» и т.п. А там, где эти термины были действительно необходимы, выступавшие переходили на смешанную бурятско-русскую речь, из которой трудно было что-то понять.*

Или же допустим, как только докладчик пытался объяснить что-либо отвлеченное от заранее написанного текста, то тут же переходил на объяснение, что называется «на пальцах», употребляя бурятские слова вперемешку с русскими. Лучшие всех всегда выступали преподаватели нашего факультета, которые совмещали научную деятельность с членством в партбюро. Причем, всегда чувствовалось по концелярски-догматическому стилю их речи, что процессом говорения они овладевали не в результате научно-педагогической деятельности, а в результате работы в партийных структурах. Надо отдать должное, говорили они хорошо. В смысле без запинок. Сейчас мне удивительно, но в то время запутанность и витиеватость заготовленных заранее словосочетаний и схем, которые они использовали, ассоциировались у нас с признаками учености и хорошего тона»¹¹.

В этом примере определяющие принципы типизации являются не только советскими, но и несут элемент инокультурности. Городская бурятская этничность формировалась в месте пересекающихся разнокультурных национальных традиций. Наш респондент отметил, что в моменты речевых затруднений люди переходили на смешанную бурятско-русскую речь. На наш взгляд, это пример реципкорности, т.е. игры. Люди употребляли бурятские слова не только потому, что испытывали чисто речевые затруднения в использовании русского языка (хотя это, безусловно, имело место), но и для того, чтобы создать ощущение убедительности своих доводов.

Говоря о реципкорности, мы берем в расчет тактики и стратегии индивидов, овладевающих чужим пространством. Интерференции русского языка с элементами бурятского – это способы фрагментарного освоения нового пространства. Не более того. Целостное освоение, как показывает наше исследование, возможно только на базе деидеологизированного двуязычия, которое дает колоссальные преимущества для подобного рода проникновения в новый универсум. Понятно, что языковые границы русского языка достаточно широки для того, чтобы в кратчайшие сроки можно было ощутить их как свои. По этой причине маргинальный статус был неизбежным связующим этапом языковой социализации традиционных агентов.

И, наконец, третий тип социального характера, выделенный нами в изучении городской бурятской этничности, объединяет людей, ориентированных в сознании и поведении главным образом на стабильность. Речь идет о традиционалистском социальном характере. Психика «традиционалиста», как правило, с трудом воспринимает требования изменяющейся ситуации. Это в наименьшей степени эффективный тип социального характера в плане социальной мобильности. По всей вероятности, вынужденная неподготовленная миграция из моноэтнической среды в полиэтническую дезориентирует личность, ставит перед проблемой социального выживания. Такая миграция рассматривается нами как фактор огромного социального риска. Отсутствие двуязычной практики не способствует трансформации рисков в социокультурные инновации.

В новых условиях индивидам необходимо было осуществить выбор норм житейского поведения, которые в городе различны у разных социальных групп и слоев населения. У сельского переселенца в город может создаться впечатление, что общепринятые нормы в городе вообще отсутствуют. В процессе ресоциализации выбор референтной группы означает для индивида необходимость следования всему комплексу норм и ценностей, ею предписываемых. И, если представители активного типа, и в какой-то мере обывательского, приспособлялись в городе через вхождение в более престижные слои населения через активность в стремлении приобретения нового опыта, то «традиционалист», не владея основным средством межкультурной коммуникации, реализовывал альтернативную сюжетную линию адаптации, приходя к группам, основанным на землячестве.

«Традиционалист» социализировался в городских условиях без изменения идентичности, подчиняясь диктату земляческих групп. Причем, социокультурные городские пространства Модерна, где культивировались традиционные ценности, неуклонно расширялись в результате массовой миграции из села. Возможности реализации выбора тех или иных социальных слоев в условиях города порождали разнообразие социальных характеров, изучаемых нами.

Эмпирические проявления изучаемой типологии наиболее симптоматичны в языковом поведении в современных реалиях рыночных отношений. Скажем, партнерство с китайскими предпринима-

телями (бурятами по национальности) из Внутренней Монголии в таком виде бизнеса как торговля цветными металлами, шкурами крупного рогатого скота, продуктами питания, изделиями из кожи и т.п. без знания бурятского языка очень затруднительно. Русский язык в этом виде бизнеса выступает как второстепенный. Или, допустим, такой распространенный в Улан-Удэ вид бизнеса, как пошив и реализация шапок из меха норки, лисы, тарбагана и т.д. На 80% данный бизнес был и остается под контролем агентов традиционного социального типа. Вот, что рассказывает об этом наш респондент: *«Пошивом и торговлей шапок я и мои родственники занимаемся с 1991 г. Начинали с пошива шапок из меха тарбагана. Примерно с 1993 г. перешли на мех норки. В этот период мужская часть жителей города Улан-Удэ стали менять в массовом порядке более дешевые тарбаганьи шапки на так называемые «обманки» из норки. Женщины также не отставали, выбирая подходящие фасоны, имевшие благозвучные названия «Русская красавица», «Лаванда» и т.п.*

Пошив шапок очень специфичный вид деятельности. В одиночку шить шапки и быть конкурентоспособным очень трудно. Необходимо было доставать мех, изготавливать болванки для модных фасонов, продавать готовые шапки на рынке. Поэтому очень скоро на данном сегменте рынка возникли своего рода кооперативы, объединявшие людей по признаку родства и землячества. Допустим, закаменское землячество, начинавшееся с одной семьи (мужа и жены) объединяет сегодня несколько десятков человек. То же самое относится и к Иволгинскому землячеству, которое является самым многочисленным на этом рынке и т.д.» Отметим, что текст респондента подвергся редактированию. Несмотря на то, что женщина уже более 10 лет живет в городе, и все это время занимается торговлей, она плохо владеет русским языком.

Наиболее показательным является бизнес, связанный с реализацией мяса на крестьянских рынках города. Характерно то, что на рынках продавцами мяса являются не те, кто вырастил скот, а перекупщики. Перекупщики заранее заключают договор с администрацией рынка на аренду торгового места. Каждое утро они скупают мясо у непосредственных производителей по оптовой цене, которая примерно на 30% ниже рыночной. Слой перекупщиков состоит на 70% из этнических бурят, переехавших в город в пери-

од реформ, то есть 6–7 лет назад. Среди респондентов – торговцев мясом, – проинтервьюированных нами методом случайной выборки (4 человека), в полном смысле двуязычных не оказалось. Хотя каждый из них мог без труда изъясняться по-русски с покупателем. Однако на наши вопросы, не связанные с торговлей мясом, им было легче отвечать на родном языке. Среди перекушчиков мы обнаружили всего одного коренного городского жителя. Женщина имеет высшее гуманитарное образование, уроженка села Кижинга, в возрасте трех лет вместе с родителями пересекла в город. Сейчас ей около 40 лет и свою сегодняшнюю работу считает временной, хотя сама же призналась, что вряд ли сможет вернуться в так называемую «бюджетку», т.к. привыкла к «живым» ежедневным деньгам.

Нам было интересно ее мнение в отношении коллег, как данные, полученные в ходе «включенного наблюдения»: *«Вначале, когда я начала этим заниматься, – рассказывает респондент, – мне казалось, что я не смогу с ними конкурировать. В частности, то, чем мы занимаемся для них знакомо с детства. Крестьяне – это люди, которые знают о качестве мяса буквально все. Потом, они умеют конкурировать. у них сильные характеры. Затем, в этом бизнесе, как ни в каком другом, они чувствуют себя уверенно, потому что ситуации, связанные с продажей мяса им знакомы с детства. Они, практически, никогда не ошибаются в выборе качественного мяса, от которого собственно и зависит прибыль. Это одна сторона дела.*

С другой стороны, есть моменты, не менее важные в нашем бизнесе, которые мне, человеку с высшим образованием и крепкой улан-удэнке, дают возможность доминировать среди коллег. Речь идет о том, что из за отсутствия элементарных знаний, а также плохого знания русского языка, особенностей стиля поведения им бывает трудно выстраивать отношения с контролирующими органами или, допустим, с администрацией рынка. Им все время кажется, что они занимаются чем-то нелегальным, всегда готовы переплатить, превысить меру должного в отношениях с людьми, которые должны по долгу службы им помогать, а не препятствовать. Чаще всего они оказываются в роли вечно крсящих, чего – то добывающихся через каких-то посредников. То есть способ ведения своих дел способствует различного рода

злоупотреблениям в отношении к ним со стороны рядовых чиновников. Хотя то, чего они добиваются с таким трудом, должно делаться элементарно. Сейчас я среди них в этом отношении своего рода лидер, консультант, эксперт. Я сама практически не владею бурятским языком, так как выросла в городе, и пришла в этот бизнес сравнительно недавно. Отношение ко мне некоторое время было враждебным. Я для них была чужая. Из-за незнания бурятского языка я часто попадала в неприятные ситуации. Допустим, утром при закупке мяса его владельцы начинают договариваться со мной по-бурятски. Я отвечаю им по-русски и прошу их также вести разговор на русском. Тогда они подходят к моим конкурентам и без подобных проблем сдают им свое мясо. А я остаюсь ни с чем.

Сейчас ситуация для меня выглядит несколько иначе. Закупкой мяса непосредственно я не занимаюсь. Мне в этом помогают мои коллеги-конкуренты. Я же, в свою очередь, решаю их проблемы в других областях. И второй момент, связанный непосредственно с процессом реализации мяса. Мои коллеги проявляют в этом порой невероятную негибкость, несмотря на то, что конкуренция в мясных рядах очень жесткая. Лично у меня у первой среди всех появилась своя клиентура. Дело в том, что первый основной вопрос, который задает покупатель, касается цены. Мои коллеги, если к ним обращается бурят, отвечают строго по-бурятски, при этом прекрасно понимая, что многие из городских не владеют родным языком. На первый взгляд – это мелочь, но в торговле мелочей не бывает. Затем, из-за неумения говорить на хорошем русском, они могут рекламировать свой товар только по-бурятски, что так же сужает слой потенциальных покупателей. Меня вначале удивляла их негибкость, даже какая-то вредность именно в том, что потенциальному покупателю бурятской национальности они считают своим долгом отвечать исключительно по-бурятски, несмотря на то, что тот обращается к ним первым по-русски, т.е. давая понять, что русский язык для него более приемлем.

Но сейчас ситуация все-таки меняется. Конкуренция свое берет. Люди начинают меняться. И, знаете, что я заметила: меняются те, кто старается копировать мой стиль работы. Хотя это звучит, может быть, нескромно, но люди ко мне тянутся,

советуются, еще раз повторяю, стараясь копировать мой стиль во всем. Однако есть среди коллег и такие, кто осуждает меня. Причем, я шной раз сама не могу разобраться, в чем дело. Вначале мне казалось, что из-за того, что я более удачлива в этом бизнесе, хотя выросла в городе. Но сейчас мне кажется, что дело тут еще в том, что больше всего им не нравится во мне моя ассимилированность».

Мы благодарны нашему респонденту за ценные наблюдения, которыми она поделилась с нами. Она произвела на нас впечатлительное уверенного в себе человека, образованного, мыслящего. Словом, в контексте нашего исследования, это, безусловно, представитель активного социального агентства.

По всей вероятности жизнь традиционалиста связана с традиционными ситуациями, все остальные либо исключаются, либо редуцируются до традиционных. Он принимает социальные традиции в их наиболее постоянных элементах. Их характер проявляется в методах идентификации ситуации.

В теории прагматизма Д. Дьюи, оставившего глубокий след в американской социологии, значимая концептуальная нагрузка также ложится на категорию «ситуация». Вот, что он пишет: «Потребности ситуации являются определяющими. Они будят мысль и пробуждают нужду в знании, и только в рамках ситуации происходит идентификация потребностей с самостью»¹².

Вектор активности индивидов, их языковое поведение зависят от тех ситуационных потребностей, которые доминируют в их жизни. Респондент заметила, что через симпатии к ней люди начинали копировать ее стиль работы. Американский социолог Питер Блау отмечал, что жизненный путь тех представителей национальных меньшинств в Америке, биографии которых демонстрировали интеграцию с основными потоками американской жизни, начинался с дизъюнктивных (отрицательных) чувств по отношению к людям, которых они идентифицировали как представителей своей этнической группы и одновременно с возникновением конъюнктивных (положительных) чувств по отношению к симпатичному представителю другого мира¹³.

В нашем примере респондент выступила в роли значимой другой для целой группы традиционных агентов, чьи конъюнктивные чувства по отношению к ней, ее стилю жизни стали побудитель-

ными факторами к восприятию новых социальных ролей. Французский социолог Г. Тард, автор теории подражания, основоположник социальной психологии, отмечал, что общество – это продукт взаимодействия индивидуальных сознаний, которые совершаются через передачу людьми друг другу с помощью языка убеждений, намерений, верований. Взаимоотношения двух индивидов, один из которых подражает другому – вот универсальная модель социализации индивида в обществе. Индивиды, подражая, закрепляют и тиражируют те инновации, которые кажутся им наиболее приемлемыми, и если они исходят от людей, обладающих авторитетом в обществе. Язык в этом случае формирует общие понятия – универсалии. Поэтому американский социолог Д. Мид считал, что процесс овладения языком – это самое существенное в человеке.

В своем рассказе респондент использует термин «негибкие», характеризуя определенную часть своих коллег. При этом она отмечает, что данная черта идет вразрез интересам бизнеса. В самом общем смысле, по нашим наблюдениям, «традиционалист» старается всегда подчеркивать свою этническую определенность. Поддержание экспрессивного порядка (сохранение собственных ценностей и смыслов) превалирует у него над прагматическими интересами. И, конечно же, они осуждают тех, кто ассимилируется. Их эталонные группы составляют те, кто добился высокого статуса в глазах земляков, не изменив своей этнической группе.

Респондент, характеризуя поведение своих коллег, отметила их «негибкость». На наш взгляд, эта черта симптоматична и в целом, и в деталях. В этом отношении считаем уместным привести исторический факт научной дискуссии, состоявшийся между лидером американских бихевиористов Д. Уотсоном и основателем научной теории прагматизма Д. Дьюи, имевшей место в 30-е гг. XX в. И тот, и другой стремились осмыслить закономерности поведения во взаимодействии со средой. Уотсон при этом трактовал поведение по формуле «стимул–реакция». Дьюи же настаивал на определяющей роли интеллекта в действиях индивида, а сам интеллект рассматривал как производное от опыта¹⁴.

В нашем примере поведение противоречит принципу «стимул–реакция». Действия «традиционалистов» неадекватны экономическому стимулу, выражавшемуся в возможности иметь большую прибыль. Анализ эмпирического материала свидетельствует, что

двуязычие дает толчок к распространению в обществе дискурсивных форм мышления. В связи с этим мы считаем, что поведенческие акты приобретают рациональный характер в результате определяющей роли фактора двуязычия, способствующего преодолению этноцентризма как привычки мыслить жестко с позиций групповых патриархальных норм и ценностей исключительно своей собственной национальной группы. В контексте сказанного, считаем, уместным следующее высказывание: «Рациональный дискурс, пишет профессор В. В. Мантатов, – способствует установлению взаимопонимания и солидарности, открытости и сотрудничества людей. Но самое главное – дискурс является важнейшим условием социальной гармонии»¹⁵.

Следует признать, что фактор двуязычия разрушает монополию традиции на поведенческие акты. По крайней мере, он создает конкурирующие ситуации, в которых право на выбор может быть у любого двуязычного агента, имеющего претензии на рациональные интересы.

Воздействие двуязычия на жизненный мир индивидов объективирует такой социопсихологический феномен как индивидуализация личности. Немецкий исследователь У. Бек отмечал, что процесс индивидуализации мыслится как продукт рефлексивности, который деградирует традиционные формы тех, кто включился в индустриальное общество¹⁶. Индивидуализация предусматривает аспект «освобождения» от исторически заданных социальных форм и связей, аспект «разволшебствления» как утрату традиционных знаний, веры, норм и аспект реинтеграции – новый вид социальной интеграции¹⁷.

Таким образом, фактор двуязычия можно рассматривать в качестве основы для возникновения новых традиций в городском буржуйском подобществе. С момента возникновения оно начинает собственный процесс социализации, где в качестве маркера выступает новый язык. С точки зрения социальной антропологии, феномен двуязычия интегрировал очень важную часть социального опыта новых горожан и упорядочил различные этапы их биографии. Овладевая новым языком, индивиды усваивали, а тем самым легитимировали, новые повседневные роли, приоритеты и действующие правила, помещая их уже в другую точку отсчета, приемлемую с позиций нового сообщества. Традиционным аген-

там предлагался новый сценарий того, как хотеть, думать, и, естественно, говорить.

Предпринятый анализ языковых аспектов модернизации свидетельствует о том, что фактор двуязычия непосредственно влияет на формирование инновационной личности, самоподдерживающейся изменения, характерные для современного общества. В результате распространения двуязычия возникают непреднамеренные социальные изобретения, которые рождаются в процессе модернизации в относительно небольших социальных группах. Постепенно они охватывают все большее число людей, вовлеченных в орбиту новых языковых практик. В конечном итоге, когда этот процесс становится господствующим, происходит изменение этноса в целом.

¹ Robert E. Park. *Race and Culture*; E. C. Hughes et al., ed. Glencoe, 1950. P. 345 – 392.

² Alan C. Kerckhoff and Thomas C. McCormick, *Marginal Status and Marginal Personality* // «*Social Forces*». XXXIV (1955). P. 48-55; Arnold W. Green, *A Re-examination of the Marginal Man Concept*, *ibid.* XXVI (1945). P. 167 – 171.

³ Thomas W. L. and H. Znaniecki. *The Polish Peasant in Europe and America*. Chicago, 1918 – 1920. Vol. I. P. 31.

⁴ Robert E. Park. *Race and Culture*; E. C. Hughes et al., ed. Glencoe, 1950. P. 345 – 392.

⁵ Georg Simmel, *Conflict and the Web of Group Affiliations*. Glencol, 1955. P.P. 150 – 154.

⁶ Шибутани Т. *Социальная психология*. Пер. с англ. Ростов н/Д.: «Феникс», 1998. С. 216.

⁷ De Saussure F. *Course in General Linguistics*. London, 1983. № 104.

⁸ Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // *Общественные науки и современность*. 1996. №5. С. 134.

⁹ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности*. М.: Медиум, 1995. С. 158.

¹⁰ Шюес К. Анаимные силы гадитуса // *Норос*. 1999. № 10. – С. 8.

¹¹ Из архива автора.

¹² Dewey J. *Essays in Experimental Logic*. Chicago, 1903. P. 70.

¹³ Blay Peter M. *Social Mobility and Interpersonal Relations* // «*American Sociological Review*». XXI. 1956. P. 290-295.

¹⁴ Барзгова Е.С. *Американская социология. Традиции и современность*

(курс лекций). Екатеринбург, Бишкек: «Деловая книга», «Одиссей», 1997. С. 53.

¹⁵ Мантатов В.В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. Улан-Удэ, 1998. С.8.

¹⁶ Бек У. На пути к другому Модерну. Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.233.

¹⁷ Там же. С.186.

С. Д. Батомункуев

О СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И ДВУЯЗЫЧИИ БУРЯТ

Тематизация модернизационного процесса для этнических меньшинств, все еще находящихся на стыке двух эпох – традиции и современности, – носит главным образом негативный смысл: культурные утраты заслонили от критического взгляда положительные стороны переживаемой модернизации, обесценили ее цели, ценности и достижения. Их позиция скорее диктуется сослагательным предположением возможности более мягкой, более гуманной и терпимой формы модернизации. Более того, в этой критической оценке присутствует и неизбежный мотив межэтнического и межцивилизационного конфликта между модернизаторами и модернизируемыми, а нередко и обвинение в сознательной политике денационализации национальных меньшинств. Словом, в концептуализации этой формы насильственной модернизации и насилье приобрело гораздо более значимый смысл, чем смысл самой модернизации. В этом типе концептуализации феномена модернизации последний представляет собой еще одно поле столкновения и противостояния культур и народов. Очевидно, что представленная концептуализация данного процесса не исчерпывает его содержания и не адекватна его сложности.

Модернизация для бурят, как и для прочих этнических меньшинств России, представляла собой внешний процесс, т.е. его источник находился за пределами их традиционного общества. Этот процесс был инициирован царским правительством в начале XX в. Прежде всего, реформа коснулась административной системы: несмотря на активное сопротивление бурят, вместо степных дум были введены уездные и волостные управы. После чего буряты фак-

тически утрачивали возможность автономного образа жизни и попадали в зависимость от массы русских крестьян, чьи интересы при принятии важных решений уже не зависели от мнения бурятской части населения волости. Кроме того, в результате земельной реформы резко сократились возможности ведения скотоводческого хозяйства в пользу земледельческого. В годы Советской власти негативная трансформация традиционной жизни степняков многократно ужесточилась и радикализировалась. Однако эта негативность трансформации для традиционного уклада не означала негативности для живущих им людей. Достаточно обратиться к документальным свидетельствам отчаянного убожества, бедственности и бесперспективности жизни бурятских простолюдинов в условиях разложения традиционного общества в конце XIX – начале XX вв., чтобы понять энтузиазм, а нередко и максимализм суждений и поступков, с которым активная часть общества встретила революционные события и включилась в этот процесс фундаментального преобразования.

Для бурят модернизация означала не просто смену старого новым – этот процесс неизбежно касался культурного различия (восток – запад, буряты – русские), и обновление в таких условиях, конечно же, сталкивалось с вопросом о мере, соотношении культурных компонентов. Решался этот вопрос в условиях смены политической системы, в условиях политического террора государства над своими гражданами. Другими словами, реализация данной модернизации помимо проблем социетального характера осложнялась политической борьбой. В советской действительности это означало, что различие взглядов, позиций, подходов к тем или иным проблемам, различие, естественное для такого сложного процесса, интерпретировалось как элемент политической борьбы – «иное мнение» квалифицировалось как политическое инакомыслие. В целом, можно сказать, что таким образом внутренняя социокультурная противоречивость модернизации игнорировалась в пользу технической и экономической однозначности. Впрочем, это вполне отвечало природе «догоняющей» модернизации, т.е. модернизации, во многом подчиненной задачам милитаризации, военной и экономической конкуренции со странами, определяющими мировую конъюнктуру, а также решающей эти задачи в жестком временном режиме.

Организация управления, образования, культурно-просветительной работы среди массы сельских жителей БМАССР неизбежно касалась вопроса о языке, точнее, о конструировании литературного языка – унифицированного языка делопроизводства, преподавания, профессионального искусства. Феномен национального, в данном случае, значим не только в языковом проявлении, но и в самом процессе обсуждения этого важного вопроса. Мало кто из плеяды бурятской интеллигенции того времени остался в стороне и не высказал своего отношения. Выбор диалектной основы национального языка и алфавита для письма вызвал бурное обсуждение. Но если среди бурятской интеллигенции решающее значение имела перспектива автономного культурного развития народа, то соображения центра преследовали главным образом политические и геополитические цели – существование и развитие бурятской общности должно было отвечать задачам укрепления «социалистической государственности». В результате бурятский язык в течение 30-х гг. дважды претерпел изменения: хоринский диалект окончательно заменил селенгинский, а кириллица заменила латиницу. Сторонники же старомонгольской письменности подверглись репрессиям.

Сегодня современные исследователи, обсуждая последствия той языковой реформы, рассматривают ее как причину нынешнего кризисного состояния бурятского языка. При этом на оценку значения реформы как негативной часто оказывает влияние оценка политической ситуации того времени и авторитарности способа принятия решения по данному вопросу. Несмотря на трагичность событий и человеческих судеб, связанных с этой реформой, значение ее последствий, на наш взгляд, все же преувеличивается. Несравнимо более значима для судеб языка была социокультурная трансформация бурятского общества. Во-первых, практическая значимость русского языка для спасительной для бурят модернизации обуславливалась тем, что она предполагала наличие в обществе достаточных ресурсов (технических, методических, кадровых и пр.) или, другими словами, предполагала наличие модернизационной «машины». Значимость решения витальных задач, задач выживания расходилась с задачами сохранения, обеспечения культурной автономии бурят. Давление первых и обуславливала непоследовательность, половинчатость решения вторых. Каким бы

значимым не был культурный потенциал, заключенный в старомонгольском письменном наследии бурят, его социальная функциональность и продуктивность жестко ограничивались социальным порядком традиционного общества. Ведь это наследие было достоянием лишь узкого круга образованной элиты, и практически не транслировалось на остальную часть общества. Какими бы талантливыми в своей области деятельности и знания не были первые бурятские интеллигенты, их энтузиазма и возможностей было недостаточно даже для элементарного просвещения массы простых людей, не говоря уже о более сложных ресурсоемких проектах их жизнеобеспечения. Поэтому в данном случае все решало внедрение государства в традиционную жизнь степняков, мобилизация им массы специалистов (а это, разумеется, русскоязычная масса) и других необходимых ресурсов для скорейшего решения острых жизненных вопросов.

Интеграция в российские образовательные и культурные системы отвечала интересам, как отдельных людей, так и бурятского общества в целом, что неизбежно было сопряжено с непредсказуемыми для бурятского языка последствиями. В дальнейшем мы и наблюдаем перипетии его функционирования в связи с различием в уровнях развитости русского и бурятского языков. Более того, русский язык, благодаря его социокультурной роли в бурятском обществе с его диалектной пестротой, фактически стал выполнять функцию национального языка, языка общения разнодиалектных бурят. Во многом поэтому попытки обсуждать, пересматривать тот или иной бурятский диалект в качестве национального, выглядят искусственными и практически бесперспективными. Такова была историческая цена выживания бурят, историческая цена модернизации общества, нуждавшегося в активном углублении интеграции в российское государство.

Во-вторых, для стремительного распространения русского языка среди бурятского населения в тот период начальной модернизации большое значение имела индивидуальная предрасположенность: модернизация для части бурят в данном случае проявляла себя как возможность социальной мобильности, и русский язык для этого представлял собой необходимый ресурс.

Для длительного или постоянного пребывания бурят в городе имелось достаточно жесткое ограничение культурного характера.

В силу этого обстоятельства процесс массовой урбанизации на начальном этапе предполагал наличие определенных ниш и каналов. Такие ниши и каналы представляли собой: по возрастному параметру – молодежь, по деятельностному – образование, управление и культура. Этот внутриэтнический сегмент имел решающее значение для процесса социокультурной модернизации бурят в целом, поскольку в силу характера деятельности и возраста он был наиболее мобильным, коммуникативным и влиятельным. По существу, это было то самое ядро, которое создавало вокруг себя поле притяжения для тех, кто был наиболее чувствительным к духу обновления, духу модерности и в то же время все еще находился на территории традиционности (общности, хозяйства, культуры).

Резкий скачок уровня социальной и пространственной мобильности населения, связанный с началом модернизации, сопряжен с появлением новых явлений социокультурного свойства. Так, например, образцы и нормы поведения и мышления, отличающиеся от господствующих в данном обществе форм, под их влиянием либо маргинализируются, либо ассимилируются. Ассимиляционные формы всегда представляют собой более или менее удачный синтез тех и других. Немецкий философ Н.Элиас, описывая процесс цивилизации в аспекте взаимоотношений социальных слоев, выявляет основания и особенности распространения образцов поведения от небольших замкнутых кругов к более широким. «На первой фазе ассимиляции, – пишет Элиас, – многие индивиды поднимающегося слоя еще во многом зависимы от людей высшего слоя – не только социально, но также в своем поведении, в своих идеях и идеалах. Часто, если не всегда, они не обладают некоей стабильной формой, какова присуща людям высшего слоя, и это побуждает их заимствовать у высшего слоя способ регулирования аффектов, кодекс поведения и систему запретов в попытках подчинить им свои собственные аффекты»¹. Подобный процесс ассимиляции культурно оригинальных форм мы наблюдаем и в нашем случае.

В этом отношении интересна деятельность и история Бурятского драматического театра, где был сосредоточен опыт актерской и режиссерской работы. Этот опыт только что образованного национального театра по существу моделирует процесс культурно-антропологической и психологической трансформации человека

традиционной культуры в условиях города. Кроме того, этот опыт показывает, что основным механизмом этой трансформации является подражание, заимствование. Но, если в обычной жизни с ее практическими задачами подражание часто является достаточным основанием для их реализации, то в сфере искусства оно является признаком профессиональной незрелости.

Надо сказать, что театр, а точнее, его самодеятельный прообраз был очень популярной формой развлечения бурят, и, практически, в каждом более-менее крупном бурятском поселении (улусе) был свой любительский театр. Поэтому, учитывая значение этого института, которое ему придавалось среди массы простых бурят, появление профессионального театра как инструмента культурной трансформации населения – факт, безусловно, достойный внимания. Работа актеров и режиссеров – культурантропологическая по преимуществу – предполагала активное само моделирование человека по определенному инокультурному образцу, вживание людей в инокультурную ситуацию. По своей интенсивности, по степени своего влияния на аудиторию, по своей роли в процессе социокультурной трансформации бурятского общества эту работу трудно сопоставить с чем-то иным.

Кроме того, становление национального театра, проблемы его повседневной работы дают исследователю социокультурной модернизации возможность в укрупненном масштабе и в кристаллизованном виде увидеть явления, хотя и широко распространенные во всем пространстве социальных практик, но тем не менее скрытые и неочевидные в своих естественных синкретичных формах проявления.

Начало профессиональной театральной деятельности в Бурятии связывается с образованием в 1928 г. Бурят-монгольской национальной театральной студии, позднее преобразованной (1931г.) в Техникум искусств. Перипетии обретения актерского профессионализма первыми студийцами нашли свое отражение в книге бурятского театроведа В. П. Муруевой. Банальная ситуация обучения актеров с характерными ученическими проблемами в свете социокультурного прочтения приобретает уникальное содержание; она фокусирует социокультурную модернизацию на уровень онтологии конкретного человека. Подготовка актеров предполагала в учениках «прежде всего владение своим телом, голосом, и их со-

четание с внутренней свободой сценического поведения»². На практике же выразительность пластики и речи, музыкальность и ритмичность, которыми актеры были наделены природой или приобретались ими в актерской школе, «не сочетались с органичностью жизни на сцене, с искусством переживания и перевоплощения, с правдой «жизни человеческого духа»³. В результате, «стихийное, неосознанное стремление к реализму, к жизненной правде часто сводилось к простому жизнеподобию на сцене»⁴. (Эта проблема будет актуальной для коллектива театра вплоть до 60-х гг.). Очевидно, для театроведа вполне естественно было интерпретировать эту ситуацию как недостаток мастерства, профессионализма актеров. Или, как в другом случае, актерскую неудачу она объясняет объективными причинами: «Здесь была определенная трудность, ибо новые люди в самой жизни только формировались, шел процесс их становления и утверждения. Естественно, что их сценическое воплощение было предельно обобщенным или внешне натуралистическим, лишенным индивидуальных человеческих черт. Это были не живые характеры, а однозначные схемы»⁵.

То, что осталось за пределами театроведческого дискурса – конфликтный характер межкультурного взаимодействия, выразившийся в культурно-антропологической раздвоенности тела и духа – имеет отношение уже не столько к актерской профессии, сколько к человеку, его культурной укорененности. «Жизнь человеческого духа», как продукт рефлексивной работы, является органичным элементом развитой городской культуры, а в редуцированной форме – элементом менталитета рядового горожанина. Человек, генетически укорененный в структурах традиционного мира, и при этом обученный техникам тела и профессионально им владеющий, сталкивается здесь с непроницаемостью духа, с непроницаемостью культуры. И то, что для стороннего взгляда выглядит как работа актера над своим профессиональным мастерством, по сути, является драматической попыткой прыгнуть выше своей головы – традиционной головы, поскольку то, что на профессиональном театральном жаргоне называется «психофизическим аппаратом» – основа сценической органики – на самом деле предполагает онтологическое единство актеров и драматургического материала. И это онтологическое единство, а вместе с ним и сцени-

ческая органика формируются в опыте реальной жизни, а не в учебных аудиториях.

Н. Элиас на своем материале и в своем исследовательском поле формулирует то, что удивительно точно соответствует социокультурным особенностям процесса модернизации бурят. Это связано с ассимиляционной трансформацией, выпавшей на долю первого поколения людей, которому, по его мнению, как правило, полностью ассимилироваться в течение своей жизни не удастся. «Полуобразованность, необоснованная претенциозность, неуверенность в своем поведении, отсутствие вкуса, проявления «китча» не только в случае мебели или платья, но и в человеческих душах. Все это связано с попыткой имитации моделей другой, более высокой по рангу социальной группы. Такая имитация не удается – чуждость модели дает о себе знать. ... попытки достичь уверенности и гармонии по схемам высшего слоя для большинства представителей поднимающихся низов заканчиваются фальшью и бесформенностью поведения»⁶.

Когда В. П. Муруева пишет о том, что будущие актеры «учились искусству трансформации, легкости, гибкости, умению ориентироваться на сцене в любой ситуации»⁷, невольно ловишь себя на мысли, что в этой формулировке частно-профессиональных задач проговариваются ключевые характеристики современного человека и задачи адаптации традиционного человека к условиям высококомобильного современного общества. Соответственно, проблемы и неудачи бурятского актерского творчества моделируют проблемы и неудачи в социокультурной адаптации бурят к новой для них реальности городской жизни. Ну, а такое аналитическое свидетельство, как «не ощущая своего героя как живого, достоверного человека, бурятские актеры в ролях положительных персонажей порой впадали в изображенчество, ложную патетику и выспреинность»⁸, показывает то, как неорганично и неуверенно чувствует и ведет себя человек в чужом для себя обществе, и особенно в идеологически напряженном обществе, где власть вменяет гражданам в обязанность демонстративную лояльность к себе.

Во второй половине 50-х гг. критики начинают говорить о качественном изменении работы бурятского театра или, во всяком случае, о тенденции его художественного роста. Делалось это в характерных терминах: «В стилистике актерского исполнения на-

чинают появляться новые качества – углубление психологизма, стремление к сдержанному выражению чувств»⁹, «артист Халматов уходит от бытовавшей до сих пор на бурятской сцене излишне прямолинейной трактовки современного героя. ... открывает в своем герое психолога»¹⁰, «принципиальная новизна этого образа для бурятской сцены была в том, что казалось бы, традиционный характерный персонаж приобрел психологическую емкость... Генинов своим исполнением не обличал, а ставил цель – раскрыть внутреннюю эволюцию образа»¹¹, «внешняя простота, отсутствие всяких эффектов сочетались у актрисы с глубиной переживаний, с внутренним драматизмом. Эта стилизованная манера делала искусство актрисы по-настоящему современным»¹².

Разумеется, за этим качественным ростом театра стоит более чем двадцатилетняя интенсивная работа его актеров над своим мастерством. Но, точно так же этот рост фундаментализировался и на их опыте проживания в городе, в поездках в Москву, Ленинград и др. города СССР. Даже налаженный городской быт имел значение для непрерывного пребывания их в поле культурного напряжения: освобожденный от бытовых проблем «психофизический аппарат» актеров постепенно погружался в толщу городского, относительно благополучного бытия, обретал «онтологическое единство» с новыми для себя реалиями. «Подобно тому, как меняются поведение и психическая организация индивида, изменяется и присущий ему способ наблюдения за другими людьми. Образ другого человека приобретает более богатые оттенки, его оценка становится более свободной от сиюминутных эмоций – происходит «психологизация». Там же, где строение общества позволяет индивиду действовать под влиянием мимолетных импульсов, не возникает и вопроса о сознании другого человека: там нет нужды учитывать его аффекты, отыскивать скрытые мотивы его поведения»¹³.

И все же, несмотря на это качественное продвижение театрального творчества, весьма симптоматично звучит критическое замечание по поводу исполнения роли Чацкого ведущим актером театра Халматовым: «Этому Чацкому не хватало широты и глубины мысли... еще недостаточно интеллектуален»¹⁴. Постигание чужой культуры – процесс постепенный. Прежде всего, поддается этому подобное, узнаваемое, имеющее аналог. Можно быть убедительным в изображении влюбленности, печали, гнева или растерянно-

сти – все эти человеческие состояния именно такого рода. Интеллект же благодаря своему функциональному назначению как ничто другое содержит в себе социальные и культурные особенности, а значит, как ничто другое требует социокультурной соразмерности.

Не хватало «широты и глубины мысли» в целом национальной драматургии. Этот творческий жанр еще более явно обнаруживал проблему совместимости традиционности и модерности, соответствие эмоционального и интеллектуального строя традиционного и современного обществ.

Начало процесса социокультурной модернизации бурят на территории Бурятской республики однозначно связано с началом строительства крупных промышленных объектов в г. Улан-Удэ (ПВЗ, Стеклозавод, Мясохлагокомбинат, Мелькомбинат и др.), куда были привлечены, в том числе, и несколько тысяч бурят. Вчерашние сельчане становились рабочими, приобретали разные специальности, связанные с индустриальным трудом. О том, что этот процесс сталкивался с препятствиями культурного характера свидетельствует документ 1928 г. «Докладная записка ЦИК БАМССР», где отмечается, что «несмотря на то, что принимаются все меры к вовлечению бурят на предприятия, бурят на заводах нет. Буряты же, которых удавалось привлечь на работу в промпредприятия, вскоре же уходили оттуда. ... работники буряты не задерживаются на одной работе»¹⁵. Объяснялось это тем, что «буряты, выросшие в степях, не могут переносить тяжелых условий, в которых приходится работать на этих предприятиях»¹⁶.

Этот факт свидетельствует о том, что между технической и экономической модернизацией, с одной стороны, и социокультурной, с другой стороны, существует временной зазор. Для начального этапа социокультурной модернизации бурят характерно то, что жизнь традиционного общества в глазах его членов утрачивала былую самодостаточность, а город как альтернатива приобретал черты вполне реальной перспективы. По мере того, как в селах развивались сети медицинского, образовательного, культурного, бытового, информационного и т.д. обслуживания и становились нормой их жизни, для жителей становилось все более очевидным потребительское превосходство города. В глубинах их сознания понятие жизни становилось измеримым и соизмеримым, актуаль-

ным становились такие ее параметры, как уровень и качество. А это собственно и составляет начало и основу рационального отношения человека к своей жизни. Жизнь перестает быть заложницей всеохватной и цепкой традиции, исключавшей возможность выбора и проявления индивидуальности.

Для ситуации переходности, сосуществования традиции и модерна характерна социокультурная гетерогенность. При этом если до начала массового освоения города буряты находились в своем естественном состоянии гомогенности, то с включением города в их ареал обитания она оставалась уделом только сельских жителей. Те же, кто переезжал в город, изначально должны были соответствовать минимальным требованиям иной социокультурной ситуации, т.е. быть более универсальными. Далеко не все отвечали этому условию, и подавляющему большинству еще только предстояло выработать в себе необходимые качества. В этих обстоятельствах в их распоряжении был естественный механизм адаптации, когда недостатки индивидуальной универсальности, а также связанные с этим возможные риски компенсировались эффективностью групповой стратегии и привлекаемых ресурсов.

Начальный этап массового освоения города сельскими бурятами, достигшими зрелого возраста, не знал альтернативы коллективистским, родовым моделям поведения. Каждый частный опыт освоения новых обстоятельств становился функциональной частью коллективного опыта, каждый частный успех становился коллективным достоянием, образуя сеть поддерживающих друг друга отношений. Эта ситуация с относительным равенством позиций, возможностей и обязательств членов группы была тесно связана с традиционной социальностью, с ее этосом взаимопомощи, родовыми авторитетами, ощущением незыблемости родственных уз и сохранялась в течение одного-двух поколений. Поведение членов группы во многом регламентировалось родовыми авторитетами (старейшими членами рода); индивидуальные интересы, если и не во всем были подчинены интересам групповым, то, по крайней мере, не шли с ними вразрез. Эту ситуацию четко отражает языковое поведение членов рода: общение (а в структуралистских терминах – функционирование) в родственных сетях происходило исключительно на родном языке. И хотя среди взрослых членов рода были владеющие двумя языками, первичная

функциональность родного языка определялась тем, что более старшее поколение было, как правило, моноязычным (представителям этого поколения незачем была такая языковая гибкость). Кроме того, для начального этапа освоения города характерно то, что оставшиеся в деревне родители и близкие родственники своей традиционной хозяйственной деятельностью все еще составляли экономическую основу жизни тех, кто включился в процесс урбанизации. Узы взаимопомощи и эмоциональная близость, актуализированные на первых этапах освоения нового образа жизни, культуры, языка, нового социального и этнического окружения, т.е. на этапах наиболее высокой степени тревожности и риска, отличает максимальная интенсивность.

В дальнейшем с неизбежной интеграцией в иные, внеродовые (профессиональные, территориальные и пр.) сети социальных отношений и с обретением экономической самостоятельности для новых горожан необходимость придерживаться коллективной или адаптивной стратегии (модели) постепенно изживает себя; жизненные программы индивидуумов все меньше полагаются на родовые ресурсы и все больше корректируются в сторону индивидуальных интересов, способностей и усилий. В этой жизненной прагматике, в этом сдвиге моделей самоутверждения значение и характер функционирования родного языка не могли оставаться прежними. С включением людей во внеродовые сети, где доминировал русский язык, с изживанием ощущения своей чужеродности в этом новом социокультурном пространстве первичность владения доминирующим языком становилась естественным явлением, в то время как родной язык, насыщаясь экзистенциальным значением, сопровождал течение домашней (частной) жизни.

Несмотря на то, что для одних привлечение родовых ресурсов в стратегию и планы индивидуального жизнеустройства по-прежнему сохраняет актуальность, оставляя до поры до времени возможность одностороннего пользования, для других это становится неоправданно обременительным – груз обязательств перед группой не всегда удается сочетать органично и бесконфликтно с нарастающей индивидуализацией. Этот момент проблематизации традиционных связей выпадает главным образом на поколение, чья ранняя социализация произошла в условиях города, в условиях расширенного горизонта социальных связей. Интегрированные в

эти условия с раннего детства они без особых проблем сочетали в себе бикультурность и двуязычие. Соответственно, для решения задач дальнейшего жизнеутверждения в родовых ресурсах они нуждались уже в гораздо меньшей степени; по мере освоения жизненного пространства в современном обществе, по мере роста их способностей, релевантных ему, актуальность в привлечении такого рода ресурсов неизбежно уменьшается.

Разумеется, отношения с родственниками и соплеменниками поддерживались, но их значимость в образовавшейся конфигурации социальных отношений приобретала характер относительности. Другими словами, на смену тотальности и относительной равномерности родовых связей пришли более или менее жесткая избирательность и сегментарность, на смену «механической солидарности» пришла «органическая солидарность» малой формы. Эта смена социальных моделей обуславливается тем, что с упрощением или рутинизацией решения задач выживания в условиях социального государства они становятся все более частными, не требующими коллективных усилий. Тотальность же приобрела новый модус существования: утрачивая витальную значимость, она сохранила и даже увеличила свою ценность в ритуальной ипостаси, отвечая на экзистенциальные запросы современных людей. Как правило, она (тотальность) сопровождается фольклорным творчеством, клубным общением (землячеством), пересечением жизненных судеб. И это нисколько не меняет ее ритуальной сути в новых условиях, а скорее подтверждает ее непреходящую самоценность и экзистенциальную притягательность.

Таким образом, в своей статье мы пытались высветить отдельные аспекты многогранного процесса социокультурной модернизации бурят в условиях полиэтничного города Улан-Удэ. В частности, для нас был важен тезис о том, насколько жизненно необходима была модернизация, настолько неслучайны были социокультурные мутации бурятского общества и культуры, а также сложившийся баланс элементов традиционной и индустриальной культур. При этом надо отметить, что этот баланс сегодня достаточно продуктивен в практике культурного возрождения – практике постмодернистской по своей сути.

¹ Элиас. Н. О процессе цивилизации. Социогенетические психогенетические исследования. Том 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. С. 309.

² Муруева В.П. Традиции и новаторство в бурятском актерском искусстве. - Улан-Удэ: Бурят. кн. Изд-во, 1983. С.34.

³ Там же, С.35.

⁴ Там же, С.35

⁵ Там же, С.39.

⁶ Элиас, Н. Там же, С.309.

⁷ Муруева В.П. Там же, С.37.

⁸ Там же, С.40.

⁹ Там же, С.51.

¹⁰ Там же, С.52.

¹¹ Там же.

¹² Там же, С.59.

¹³ Элиас Н. Там же, С.276.

¹⁴ Муруева В.П. Там же., С.57.

¹⁵ Культурное строительство в Бурятской АССР (1917-1981). Документы и материалы. Улан-Удэ: Бурят. кн. Изд-во, 1983. С.114.

¹⁶ Там же.

Л. В. Шулунова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Проблемы изучения имен собственных относятся к числу актуальных гуманитарных исследований. Исследование же социальных характеристик ономастических единиц следует отнести к одним из важных в ономастике. Исходя из формальной стороны онимов, заметим, что в процессе исторического развития в той или иной степени меняются все факторы, участвующие в акте ионации: и объект, и общество с его условиями и установками, и язык. В связи с этим в качестве языковой единицы оним отражает этническую и социальную историю общества. В то же время следует признать, что языковой образ имен собственных формируется и развивается в известном смысле независимо от апеллятивов (имен нарицательных) конкретного языка¹.

Гносеологическая основа имени собственного, как известно, связана с общественной необходимостью выделять единичное или, другими словами, с главной функцией онимов – функцией идентификации. При этом социальность имен собственных проявляется в том, что сам процесс номинации сопровождается поиском определенных средств для обозначения каждого типа именуемых объектов. В этом смысле словообразующие и лексические средства используются в ономастике с ориентацией не на их роль и место в языке вообще, а на их внутренние отношения в данной именной системе. В частности, некоторые факторы, внешние с точки зрения общей лексикологии, для ономастики оказываются внутренними. Исследователи-ономасты считают, что ономастические системы представляют собой структурно организованные целостности, элементы которых связаны с именуемыми объектами иначе, чем в системе апеллятивной лексики².

Известно, что языковые формы апеллятивных именовании различных классов именуемых вещей образуются на основе выделения внешних дифференцирующих признаков, в то время как у собственных имен идентификация связана с дифференциацией внутри уже определенного класса вещей, т.е. языковые формы онимических образований помогают распознать объект в ряду однородных. Данное обстоятельство объясняет ситуацию, когда паряду с именами, свободно функционирующими и варьирующими в речи представителей любого социума, возникают и официально узаконенные именованья, связанные не только с языковой идентификацией, но и с экстралингвистическими функциями социально-правового плана.

Социологический аспект ономастических исследований предполагает изучение имени в связи с теми общественными оценками, которые они получают в разное время у отдельных общественных групп. Анализ социологических характеристик проприальной лексики позволяет понять существование, так называемой, моды на имена, которая связана с некоторым сознательным/несознательным предпочтением некоторых имен в отдельных социумах. Вместе с тем, при всей важности связи имени собственного с общественной жизнью определенного коллектива не следует переоценивать общественный фактор в ономастике.

Признание социальности имен собственных, думается, не должно влиять на снижение роли лингвистических основ самой ономастики, поскольку предмет изучения ономастики составляет имя собственное как языковая единица. Относительно же повышенной социальности онимов, которая проявляется в политической насыщенности и идеологической направленности отдельных имен, следует заметить, что здесь, безусловно, сказывается социальная культура общества. И наряду с наличием отдельных социально-насыщенных имен, которые широко известны, в любом обществе бытует множество имен малоизвестных.

Большое значение в определении социальных характеристик имен собственных имеет анализ исторического фона, который сопровождает как сам процесс возникновения имени, так и процесс его функционирования. Безусловно, необходимо соотносить историческую последовательность событий и появление тех или иных имен. Кроме того, в определении социальных характеристик имени собственного важно учитывать и культурологический аспект исследования онимических образований, поскольку имя функционирует в определенную эпоху как порождение определенной культуры. Данный аспект исследования имен собственных полезен тем, что позволяет дать ответ на вопрос – кому, когда и почему было дано то или иное имя.

Социолингвистический анализ ономастической лексики предполагает изучение и национально-культурного фона, на котором возникают имена и развиваются ономастические системы. Обращение к изучению культурной истории народа предпринимается в данном случае для выявления человеческого фактора в процессе имятворчества и в целом для определения влияния фактов культуры на особенности формирования именных систем. Известно, что культурной историей общества обусловлены особые требования к формам и типам имен, сменяемость имен и именных моделей. Имя собственное, будучи языковой единицей, рассматривается как часть языка, тесно связанная с культурой человека и жизнью общества.

Социальность собственных имен обнаруживается в связи с социальностью самого языка вообще, поскольку язык общественное явление и не существует вне человеческого общества. Однако имя собственное занимает особое положение в языке в силу особого

характера его связи с именуемым объектом и с культурной жизнью общества. Социальность имени собственного проявляется во всех разрядах онимической лексики (антропонимии, топонимии, зоонимии, космонимии).

Известно, к примеру, что формирование топонимической системы того или иного региона зависит от целого ряда социальных факторов. Территориальный признак топонимов позволяет им быть представителями и хранителями значительной культурной информации, в связи с тем, что каждое конкретное географическое название соотносится с известным местом и конкретной эпохой. Это свойство топонимов обусловлено тем, что название возникает в определенной социальной среде в соответствии с ее потребностями, а значит и отражает в какой-то мере духовную культуру его (название) создавших. Социолингвистический анализ топонимической лексики на материале топонимии Бурятии предпринимался нами ранее³, поэтому рассмотрим проявление социальности онимов на примере антропонимических лексем.

Социальность имен собственных проявляется, к примеру, в традиционной закреплённости определенных личных имен (антропонимов) за представителями конкретных общественных групп. При этом допускается переход имен от одной группы к другой (ср. имена личные мужские *Иван, Василий, Федор* и женские *Анна, Авдотья, Прасковья*, которые в России XIX века относились, как правило, к крестьянским).

Проявление социальности имени личного возможно наблюдать и в общественной оценке отдельных имен. К примеру, известным исследователем проблемы соотношения имени собственного и общества В. А. Никоновым было замечено, что антропонимикон сельского и городского населения России, имевший существенные различия в прошлом, продолжает сохранять некоторые качественные отличия и в наше время. В частности, автор указывает, что ликвидация социальных различий между городом и деревней сказывается и на именнике: былой пропасти уже не наблюдается, но, тем не менее, именник деревни всё еще отличается от именника городского.

По мнению В. А. Никонова, деревня повторяет городские процессы изменений в именнике. Именник сельских жителей рождений 1961 г. близок к городскому 1940-х гг., причем интервал со-

кращается: чем ближе сельская местность к крупным центрам, транспортным узлам, промышленным предприятиям и новостройкам, тем меньше отличие ее имени от городского. В качестве иллюстрации ученый приводит следующие данные: среди имен, которыми названы мальчики, родившиеся в 1961 г. по городам первое место занимал *Сергей* (от 15 до 21%), второе *Александр*, а в сельских местностях – *Александр* чаще *Сергея*; среди девочек в сельских местностях чаще всех *Татьяна* (10–14%), а в городах *Татьяна* занимает четвертое место, уступая *Елене*, *Ирине*, *Ольге*. В деревнях еще часты имена *Валентина*, *Галина*, *Виктор*, убывающие в городах⁴.

Явление, так называемых, любимых и нелюбимых имен, наблюдаемое у отдельных общественных групп, также свидетельствует о социальности имен собственных. Причем, заметим, что современный именинник относительно спокоен в своей реакции на общественные явления. Достаточно вспомнить рождение в России идеологизированных имен в первые десятилетия советской власти: *Ким* («коммунистический интернационал молодежи»), *Владлен* («Владимир Ленин»); *Октябрина*, *Ревмира* («революция мира»), *Нинель* и т. п. Под влиянием учения марксизма-ленинизма в бурятском селе появились в ту пору и такие имена, как *Маркс*, *Мэлс*, *Манифеста*, *Энгельсина*.

Отражение периода индустриализации страны в российском антропонимиконе отмечено именами *Индустрина*, *Электрофина* и др. У бурят, к примеру, в 30-е гг. XX в. появились личные имена *Самолет*, *Трактор*. А активное приобщение бурят к русской и мировой культуре породило столь необычные, и не только для бурятской языковой среды, личные имена, как *Гоголь*, *Фрагмент* и т.п., которые, думается, нельзя отнести к удачным.

Стремление дать ребенку имя необычное, особенное обуславливает обращение к иноязычным именам, но не всегда вхождение в антропонимикон иноязычных имен можно признать удачным и с одобрением. К примеру, бытование в русском антропонимиконе XX в. таких имен, как *Эльфрида* или *Эрмина*, *Альфред* или *Ричард*, само по себе ни плохо, ни хорошо, но насколько естественно и целесообразно? Хотя, конечно, данный факт любопытен, как свидетельство освоения иной культуры. В этом смысле интересно про-

комментировать мотивацию относительно распространенного в среде бурят женского личного имени *Анжела*.

Личность известного общественного деятеля Анжелы Дэвис, ее международная популярность стали причиной наречения в 1960-е гг. немалого количества новорожденных бурятских девочек именем *Анжела*. А уже в 70-е гг. под воздействием серии французских художественных фильмов с главной героиней по имени Анжелика («Анжелика и король», «Анжелика – маркиза ангелов» и т.д.) наблюдается иная волна наречения бурятских девочек именем *Анжела/Анжелика*. Очевидно, в силу антропонимических традиций форма личного имени *Анжелика* воспринималась как уменьшительная от *Анжела* и потому в свидетельстве о рождении использовалась якобы полная официальная форма имени. Заметим, что антропоним *Анжела* продолжает использоваться в качестве имени вновь рожденных, но при этом связь с первичной мотивацией или ослаблена, или вовсе отсутствует.

Виды антропонимов, как известно, многочисленны (личное имя, отчество, фамилия, прозвище, кличка, псевдоним и т.д.). У каждого этноса сочетание разновидностей антропонимов различно в силу социальных традиций, обусловленных исторической судьбой народа. Вместе с тем, независимо от национальных особенностей антропонимикон того или иного народа всегда социален. Социальность имени личного predetermined исторически. Причем антропонимикон реагирует на социальные сдвиги, так сказать, с некоторым запаздыванием, но, практически, каждое более или менее значительное событие находит отражение в именнике народа.

Функционирование современной антропонимии бурят не составляет исключения в ряду национальных антропонимических систем, аналогичен и процесс формирования бурятского антропонимикона. В антропонимиконе бурят нашли отражение такие общественные события, как смена религии, изменения в экономике и культуре, контактирование бурятских племен с другими народами Сибири и Азии, взаимодействие с русскими переселенцами.

Конечно же, антропоним будучи лингвистической единицей подчиняется языковым законам развития и функционирует как и всякая лексема. Однако следует признать, что при этом антропонимы представляют лексический пласт, насыщенный экстралингвистической информацией. К примеру, наличие у бурят в про-

шлом неблагозвучных, а порою и уничижительных имен, объясняется этническими традициями оберега новорожденных от злых духов (охранные имена). Личные имена с негативной семантикой наблюдаются в именниках и других народов, и их бытование имеет ту же причину⁵.

Экстралингвистическая информация относительно особенностей мировоззрения общества в тот или иной исторический период содержится в именах, появление которых обусловлено, к примеру, религиозными традициями. В этом смысле показательна антропонимическая система бурят, заимствованная часть которой отразила влияние буддизма и христианства (имена-тибетизмы и имена-русизмы). Следует заметить, что на современном этапе антропонимической истории эти заимствования воспринимаются бурятами большей частью как исконные имена, например: *Даши* от тиб. 'благоденствие, счастье', *Доржи* от тиб. 'драгоценный камень', *Нима* от тиб. 'солнце, день', *Норбо* от тиб. 'драгоценный камень', *Хонда* от тиб. 'идущая по небу', *Цыдын* от тиб. 'свершения жизни' и т.д.

На основе исследования родословных таблиц бурят и архивных источников исследователем А. Г. Митрошкиной определены социальные этапы проникновения русизмов в именник западных бурят⁶. Первый этап, связанный с крещением бурят, начинается со второй половины XVII в. и совпадает по времени с завершением присоединения Западной Бурятии к русскому государству. Вторым этапом распространения русских имен соотносится с необходимостью товарообмена и развитием дружественных отношений между бурятами и русскими. Данный период, по мнению А. Г. Митрошкиной, начался не позднее последней четверти XVIII в.

Процесс распространения русских имен в бурятской среде сопровождался рядом особенностей как лингвистического, так и экстралингвистического характера. В родословных таблицах бурят возможно обнаружить не только количественные характеристики заимствований, но и динамику адаптации иноязычных основ личных имен. Фиксация заимствованных имен и их адаптация в бурятском языке отражает уровень освоения не только самих имен, но и в целом русского языка бурятами. Процесс развития бурятско-русского билингвизма возможно проследить по данным оно-

мастики. В этом отношении онимическая лексика содержит информацию и определенного социального плана.

Безусловно, изучение социальности личных имен не означает поиск социальной принадлежности имени. Социальность личного имени понятие многогранное и сложное. Приведенные факты позволяют говорить о том, что имя личное всегда социально и социально исторически, в силу причин экстралингвистических. Социальная окраска личных имен изменчива, поскольку имени свойственно реагировать на процессы, происходящие в обществе.

Определение социальности личного имени предполагает, на наш взгляд, изучение, прежде всего, особенностей формирования и функционирования антропонимиконов. При этом необходимо предусмотреть такие аспекты исследования, как выявление своеобразного ассортимента имен, установление мотивации при нарекении, определение выбора имени в национально-смешанных семьях, изучение причин появления новых имен и процессов распространения имен уже известных и ряд других моментов, помогающих определить социальную роль имени личного.

¹ Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М., 2000. С.28.

² Теория и методика ономастических исследований. М., 1986. С.152.

³ Шулунова Л. В. Бурятские топонимы в социолингвистическом аспекте // Лексико-грамматические исследования бурятского языка. Улан-Удэ, 1989.

⁴ Никонов В. А. Личное имя – социальный знак // Глазами этнографов. М., 1982. С.46-47.

⁵ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974; Биткеева Г. С. Социальные аспекты некоторых имен у калмыков // Ономастика Калмыкии, Элиста, 1983.

⁶ Митрошкина А.Г. Русские имена в бурятской среде // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С.313-314.

РЕЧЬ МОЛОДЕЖИ: АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ДИАЛЕКТА

В последние десятилетия в лингвистической науке объектом исследования стала живая разговорная речь в различных её проявлениях. К их числу относятся и жаргоны, вызывающие особый интерес, который в значительной мере обусловлен тем, что с начала 90-х гг. XX в. наблюдается экспансия жаргона, активное проникновение жаргонной лексики в литературный язык и просторечие.

Долгое время в отечественной лингвистике тема жаргона, его изучения, считалась запретной, недостойной внимания, как нечто низкое, вульгарное, и потому обходилась стороной. Но все же утверждать, что молодежный жаргон не изучался вовсе, нельзя. Речь молодежи исследовалась М. М. Копыленко (1976), Е. Г. Борисовой-Лукашанец (1980, 1982) К. Н. Дубровиной (1980) и другими. Можно отметить следующую особенность этих работ: некоторые лингвисты, словно стыдясь, что взялись за исследование такого «недостойного», «низкого» предмета, начинают и заканчивают призывами к борьбе с ним, а свое исследование оправдывают необходимостью глубоко изучить зло, чтобы знать, как лучше с ним бороться. Подобный пуризм по отношению к жаргону – явление обычное. Всюду, где существует жаргон, есть люди, которые его не приемлют, не понимая, что это нормальное, естественное явление в языке. Но, чтобы признаки жаргонофобии проявились у лингвистов, активно изучающих жаргон, это явление уже совершенно исключительное. Такой подход представляется ненаучным: лингвист не может и не должен бороться с языком, задача лингвиста – исследовать его многообразие. Мнение о жаргоне, как о чём-то низком, грязном, не изжито среди некоторых языковедов и по сей день.

Молодежный жаргон может изучаться в разных аспектах. Опубликовано немало исследований сленга в рамках системно-структурного подхода, когда жаргон рассматривается только на лексическом, фразеологическом и словообразовательном уровнях. То есть объектом исследования является, по сути дела, не сам жаргон в целом с его причинно-следственными связями, а только его

единицы и способы образования последних. Молодёжный жаргон изучается и в рамках городского просторечия как объект лингвистики речи.

Как социальный диалект молодёжный сленг изучается в социолингвистическом аспекте. Причем здесь возможны два подхода в изучении языкового явления: во-первых, это исследование жаргона в диахронном аспекте, то есть сленг рассматривается в его эволюции, смене его состояний во времени; во-вторых, это изучение жаргона в синхронном аспекте, когда исследуется состояние речи молодёжи на определённом этапе развития. Как известно, социолингвистика, как научная дисциплина, развивается на стыке языкознания, социологии, социальной психологии и этнографии. Междисциплинарный статус социолингвистики представляет собой синтез лингвистических и социологических процедур, вследствие чего одним из наиболее распространенных методов сбора социолингвистических данных является анкетирование, которое и было проведено нами в г. Чите и некоторых селах Читинской области в целях изучения речи молодежи. Это исследование позволило нам составить более или менее объективное представление о местной разновидности молодёжного жаргона. К анкетированию были привлечены информанты – студенты Забайкальского государственного педагогического университета, учащиеся Читинского техникума отраслевых технологий и бизнеса, учащиеся 6–11 классов среднеобразовательных школ города Читы (школа № 13, школа № 50) и некоторых сёл области (с. Красная Ималка Ононского района, с. Хойто-Ага Агинского района), военнослужащие срочной службы, молодые люди без определённого рода занятий.

Анкетирование позволило решить несколько задач. Во-первых, с его помощью был установлен возраст младших носителей молодёжного жаргона (имеются в виду те, кто начинает осознанно и систематически употреблять в речи жаргонизмы). Это учащиеся 7–8-х классов, то есть подростки 13–14 лет. Ученики же 6-го класса не справлялись с поставленной перед ними задачей, хотя и проявляли определенный интерес к теме жаргона и с охотой соглашались на анкетирование. У семиклассников степень владения жаргоном была немного выше, но и они в отдельных случаях испытывали некоторые затруднения. Ученики же восьмого класса в знании жаргона почти не уступали старшеклассникам. Полученные

данные о возрасте младших носителей молодежного жаргона, в целом, соответствуют точке зрения Е. Г. Борисовой¹ и М. М. Копыленко². Выявить «верхнюю» возрастную границу функционирования молодежного жаргона затруднительно из-за жаргонизированности общенародной речи и невозможности провести более или менее четкую границу между жаргоном и просторечием.

Во-вторых, данное социолингвистическое исследование позволило показать дифференциацию молодежного сленга, ибо помимо обширного пласта общемолодежной жаргонной лексики в речи представителей разных социальных групп молодежи имеются многочисленные лексические и фразеологические единицы корпоративных жаргонов: школьного, студенческого, армейского и др.

Кроме того, анкетирование выявило различия в знании отдельных жаргонизмов у учащихся разных школ города Читы, не говоря уже об учащихся сельских школ. Так, например, значение слова «сейшн» (1. Дискотека; 2. Вечеринка) сумел определить только один из тридцати одного опрошенного в школе № 13, тогда как в школе № 50 значение жаргонизма правильно определило большинство информантов. Речь учащихся сельских школ имеет свою специфику. Жаргонная лексика, которой владеют сельские школьники, отличается большим количеством устаревших слов. Степень знания современной жаргонной лексики³, приведенной в одной из анкет, намного ниже, чем у городских школьников.

В заполненных анкетах отражена и некоторая дифференциация молодежного жаргона по половому признаку. Так, у информантов различаются обозначения лиц противоположного пола и пола, к которому принадлежат сами опрашиваемые. Например, кроме слов «бикса», «телка», «чувиха» и др., приводимых информантами обоих полов для определения понятия «девушка», сами девушки приводят жаргонизм «морковка», который юноши употребляют в речи крайне редко. И, напротив, в речи юношей довольно часто используется очень грубое жаргонное слово «тирог», представленное и в анкетах. Мало известен юношам сленгизм «тонак», означающий у девушек тональный крем: не сумело определить слово в анкете подавляющее большинство юношей⁴.

Проведенное анкетирование позволило выявить и некоторые региональные особенности лексики и фразеологии молодежного жаргона, особенности их формирования. В ходе анализа собранно-

го материала, полученного в г. Чита, данные сопоставлялись с данными других источников, например, таких как «Большой словарь русского жаргона» (БСРЖ), в котором представлена жаргонная лексика и фразеология из самых разнообразных источников: «Одни из таких слов и выражений были выписаны нашими предшественниками еще в начале XX века, другие извлечены из многочисленных словарей, словарников, записей, картотек и филологических разысканий наших с вами современников, третьи выхвачены нами или нашими коллегами, учениками, друзьями из горнила живой русской речи разных регионов или из актуальной литературы, средств массовой информации и произведений поп-культуры...»⁵. Активно использовался для сопоставления и «Словарь русского сленга» (СРС).

Сопоставив собранный материал по молодежному жаргону данного региона с рядом словарей, можно сделать вывод, что большая часть некодифицированных слов и идиом, зафиксированных в анкетах, совпадает с жаргонизмами, представленными в словарях. Но помимо совпадения есть и расхождения со словарями, причем здесь наблюдаются несколько вариантов несовпадения:

Слово, имея значения, отраженные в словарях, развило новое. Например: *Таска* – «шутка» в БСРЖ имеет только два значения: 1. Нарк. Состояние наркотической эйфории; 2. Мол. О любых очень сильных приятных ощущениях (однокоренное *тащиться* – испытывать удовольствие, наслаждение).

Поднять – «украсть» в БСРЖ: 1. Мол. Приобрести что-либо; 2. Торг. Бизнес, заработать определенную сумму; получить прибыль; 3. Фарц. Получить что-либо у иностранцев в обмен на свой товар.

Слово является омонимом лексеме, зафиксированной в БСРЖ, так как имеет другую производящую основу. Например: *пацик* (от *пацан*) – «юноша, подросток». В БСРЖ *пацик* – «пацифист».

Жаргонизмы, зафиксированные в анкетах, не имеют никаких соответствий в словарях. Например: *чекер* – «юноша» (имеет отрицательную коннотацию, в этом отношении синонимично общепотребительным словам *тип*, *субъект*); *фишку сорвало* (*фишка съехала*) – «сошел с ума»; *ранетка свистит* – «о человеке, ведущем себя подобно сумасшедшему»;

кэмэл – человек, нанимаемый предпринимателем для транспортировки товаров через границу;

Слово является однокоренным и совпадает по значению, но имеет отличия в грамматическом и фонетическом облике. Например: *бабло* – «деньги»; в БСРЖ: *бабл, баблы* – «деньги».

Региональный характер бытования молодежного жаргона, его развития, подтверждается и разграничением лексики в зависимости от выявленных источников формирования. В отличие от центральных областей страны местный вариант молодежного сленга избирает в качестве источников образования некодифицированной лексики общеупотребительную лексику национального языка и лексику уголовного аргю. Исследования в центральной части страны указывают в качестве наиболее продуктивного источника иноязычные заимствования: «В настоящее время, как способ формирования лексики молодежного жаргона, на первое место по продуктивности выходят иноязычные заимствования», – считает Э. М. Береговская⁶. Таким образом, в лексиконе читинской молодежи жаргонизмы английского происхождения имеют незначительный удельный вес, то есть данный способ формирования жаргонной лексики в местных условиях не столь продуктивен, как в центральных регионах страны. И, напротив, более распространен лексико-семантический способ образования жаргонизмов на базе, как общеупотребительной лексики, так и на базе воровского жаргона (арго). Как упоминалось выше, основными способами семантического словообразования в молодежном жаргоне оказываются свойственные для национального языка в целом переносы значений метафорического и метонимического типов. Из последних для сленга более характерен метафорический способ, когда перенос значения осуществляется на основе сходства каких-либо признаков: формы, цвета, функции и т.п. Например, *упаковка* – одежда, *тормоз* – медлительный, инертный человек, тугодум; *пузырь, флян* – бутылка со спиртным; *предки* – родители.

Однако необходимо отметить, что своеобразие молодежного сленга невозможно представить в полной мере, анализируя его только с позиций системно-структурного подхода, когда внимание ориентировано на предмет, вещь, то есть в центре внимания находится лишь слово как таковое, без должного учета причинно-следственных связей. Не дает полного представления о языковом

явлении и социолингвистика. Поэтому, на наш взгляд, правомерна постановка вопроса об антропологической парадигме изучения молодежного жаргона, при которой внимание переключается с объектов познания на субъект, с языка на носителя, поскольку, по словам И. А. Бодуэна де Куртене, «язык существует только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество»⁷. Поэтому было бы целесообразно предусмотреть исследование молодежного жаргона (а также других социальных диалектов) в русле сформировавшегося в 90-е гг. XX в. направления в языкознании – когнитивной лингвистики, которая, как известно, исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта.

Рассмотрение речи молодежи под новым углом зрения позволит описать многомерные концепты в национальном сознании молодых носителей русского языка. Так, например, концепты «семья», «труд, занятие», «семья» являются универсальным в любой национальной картине мира.

Итак, составляющие концепта «ум»:

Лексическое значение: ум – 1. Способность человека мыслить, основа

сознательной разумной жизни; 2. Такая способность, развитая в высокой степени, высокое развитие интеллекта.

По материалам анкетирования концепт «ум» вербалнуется номинативными средствами, отчасти в устойчивых единицах.

Важно отметить наличие такой важной для молодежи характеристики анализируемого концепта как динамика ума (или его отсутствие). Имеющиеся материалы показывают, что большая часть номинативных единиц характеризует отсутствие этой динамики, а также низкую степень развития интеллекта (*олень, лох, тупорылый, тупарь, бивень, зубр, тугой, баран, овца, броня (бронь), веник – глупый, недалекий человек; лох, тормоз, ручник (арм.) (от ручной тормоз)* – медленно соображающий человек). Кроме того, при анкетировании некоторые информанты приводили дополнительно лексику, выражающую отношение (резко отрицательное) к человеку глупому или медленно соображающему (черт, овца и т.д.). Слов, характеризующих высокую степень развития интеллекта,

динамику ума, намного меньше (*гений, шарящий, встретить, сообразать, сечь, просекать, сняться с ручника*).

Следует отметить способы образования приведенных жаргонизмов: преобладает метафоризации, в меньшей степени представлена аффиксация (*тупарь <тупой, ручник <ручной тормоз*).

В качестве источника формирования лексики, характеризующей концепта «ум» чаще выступают наименования животных (*овца, баран, олень, бизон, зубр*), причем следует отметить ряд слов (*бизон, зубр, бивень*), редко употребляемых в рамках литературной формы проявления языка. В жаргоне их языковая ценность повышается и они помогают сформировать и передать ассоциативно-эмоциональный опыт говорящего.

Кроме того, встречаются слова, связанные с приобретенным социальным опытом (*тормоз, ручник*). Необходимо отметить специфику слова *ручник*: если употребление *тормоз* носит интержаргонный характер, то слово *ручник* употребляется преимущественно в солдатской среде и происходит от словосочетания *ручной тормоз*. Наличие данной лексемы говорит о несколько большем социальном опыте военнослужащих.

Подводя итог вышесказанному по поводу концепта «ум», следует отметить следующее: преобладание оценочной лексики с отрицательной коннотацией характеризует в целом менталитет русского человека, его критичный ум, только дополняется все это юношеским максимализмом.

Концепт «труд, занятие» также относится к числу универсальных концептов. Его лексическое значение:

- целесообразная деятельность человека, направленная на создание с помощью орудий производства материальных и духовных ценностей, необходимых для жизни людей;
- работа, занятие;
- усилие, направленное к достижению чего-нибудь.

По материалам анкетирования концепт «работа, занятие» вербализуется номинативными средствами и отчасти в устойчивых единицах: *кэмэл, вкалывать, пахать, пахать как папа Карло, гаситься, шкериться, калымить, кабанствовать, зашариться, кэмэлить, калым*. Следует отметить, что слова *гаситься, шкериться* имеют хождение в общемолодежном жаргоне в значении «прятаться», но в значении «отлынивать от работы» они распространены

ны, в основном, в армейском жаргоне. Кроме того, специфически армейскими жаргонизмами являются лексемы *кабанствовать*, *зашариться*, *кабан*.

Довольно высокий процент армейских жаргонизмов, связанных с концептом «труд, занятие», объясняется спецификой службы, когда в армии широко используется солдатский труд. Неудивительно и то, что все указанные солдатские жаргонизмы выражают отрицательное отношение к труду, труду бесплатному. Положение солдат в армии, часто использующихся как дешевая рабочая сила, достаточно ярко отражают и солдатские поговорки:

Солдат – это бесплатная рабсила.

*Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор.*

*Два солдата из стройбата
Заменяют экскаватор;
Один солдат из ПВО
Заменяет хошь кого.*

Остальная лексика, выявленная нами в ходе анкетирования, относится к общемолодежному жаргону. Заслуживает более подробного рассмотрения слово *кэмэл* (и производное от него *кэмэлить*). Будучи заимствованным из английского языка, оно стало обозначать людей, нанимаемых предпринимателем для транспортировки товаров через границу. По всей вероятности, метафоризация произошла в связи с ассоциацией описываемой категории людей с верблюдом (*кэмэл* – с англ. «верблюд»), всегда используемого для перевозки грузов. (Ср. устойчивое словосочетание «*нагруженный как верблюд*»). Слово имеет, во всей видимости, региональную специфику, так как в жаргонных словарях оно не зарегистрировано. Возможно, возникновение и бытование жаргонизма связано с географическими и экономическими условиями (соседство с Китаем, наличие торговой зоны в г. Маньчжурии).

Следует отметить способы образования приведенных жаргонизмов: метафоризация, вторичная метафоризация, аффиксация.

Источники формирования лексики, характеризующей концепт «труд, занятие»: в семантическое поле слов входят заимствования

из аргос (*шкериться*), из английского языка (*кэмэл*), литературный источник (детская литературная сказка А. Н. Толстого «Бура-тино»).

Осмысление переносной семантики слов, характеризующих концепт «труд» наводит на мысль о том, что в русской культуре понятие труда ассоциируется с тяжелым, не приносящим радости, но неотвратимым занятием. Носителям национального языка свойственно резко отрицательное отношение к бесплатному труду.

Концепт «семья» является универсальным в любой национальной картине мира. Лексическое значение: группа живущих вместе родственников (муж, жена, родители с детьми). Семантическое поле концепта образуют следующие лексемы, отраженные в анкетах: *предки, шнурки, черепа, старики, родаки, пэрэнты, кони, родичи, мазер-фазер* – родители; *пахан, папик, фазер* – отец; *сеструха* – сестра; *братан, братело* – брат.

Вся представленная выше лексика, характеризующая родственные отношения, отличается со стилистической точки зрения ярко выраженной фамильярностью. Но важно отметить то, что в солдатском жаргоне она отсутствует, то есть речь идет о явлении лакунарности. Данная лакуна обусловлена социальным и чувственным опытом военнослужащих. В ситуации армейской жизни данный концепт оказывается на такой шкале ценностей, которая не позволяет концепту вербализоваться в единицах с отрицательной коннотацией.

Способы образования приведенных жаргонизмов: метафоризация, в равной степени представлена и аффиксация. Источник формирования лексики, характеризующей концепт «семья»: переосмысленная общеупотребительная лексика, заимствования (например: *пэрэнты*). Концепт «семья» в представлениях молодежи в целом не занимает ведущего места в семантическом поле концептов (исключение составляет среда служащей молодежи).

Таким образом, лингвокультурологическое осмысление речи молодежи в его региональном варианте позволяет сделать вывод о том, что молодежный жаргон является своеобразной картиной мира молодого поколения с его максимализмом, с его представлением о жизненных ценностях, норме поведения.

Анализ молодежного жаргона на концептуальном уровне дает возможность увидеть на примере некоторых лакун степень значи-

мости тех или иных реалий в мировидении разных групп молодежи. Таким образом, подобное описание молодежного сленга характеризует образ мыслей, особенности психологии молодого носителя национального языка, в том числе и тех, кто оказался в специфических условиях жизни (служба в армии).

¹ Борисова Е.Г. О некоторых закономерностях молодежного жаргона // РЯШ. 1981, №3.

² Копыленко М.М. О семантической природе жаргонов // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.

³ Современность лексики в анкете достаточно условна – сказывается удаленность г. Читы от Центральные регионов России.

⁴ В некоторых жаргонных словарях, в частности, в «Словаре русского сленга», используется помета «женск.», которая означает, что слово бытует, в основном, среди лиц женского пола, отражая своеобразие женского взгляда на современную жизнь (Например, помета у идиомы «попасть в прицел» – «стать объектом пристального внимания, преследования со стороны мужчины»).

⁵ Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб, 2000. С.3

⁶ Береговская Э.М. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. №3.

⁷ Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды. М., 1963. Т.2.

Г.-Х. Ц. Гунжитова

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РУССКИХ ВВОДНЫХ СЛОВ В РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ БУРЯТ

Вводные слова являются наименее изученной категорией в бурятском языкознании. Практически, можно сказать, что в Академической грамматике бурятского языка только констатируется наличие данных элементов. В русистике же внимание исследователей к вводным словам и конструкциям было уделено уже в грамматиках 19 века. В частности, в настоящее время отмечается, что вводные элементы (слова, конструкции, предложения) в русском языке могут «содержать указание на степень достоверности сообщения, на характер протекания действия, могут выражать эмоциональную оценку высказывания, указывать на его источник, содержать замечания по поводу

словоупотребления, стиля и тона речи, устанавливать связь между данным сообщением и предыдущим и последующим, выражать разного рода призывы, обращения к собеседнику»¹

Целью данной работы является изучение проблемы использования заимствованных слов в разговорной речи бурят на примере вводных слов. При этом автора интересовало, какими – лингвистическими или экстралингвистическими факторами – объяснимы процессы проникновения в речь носителей языка иноязычных элементов, которые в их родном языке имеют соответствующие способы выражения. Чем вызвано, в частности, использование в разговорной речи бурят русских вводных элементов? Является ли причиной этого незнание соответствующих языковых средств родного языка? Или это обусловлено другими факторами?

При изучении данного вопроса было проведено скрытое наблюдение в небольшой группе информантов, представлявших разные возрастные и социальные группы. Всех информантов отличает высокий уровень владения бурятским языком.

Как показало наблюдение, использование русских вводных слов в разговорной речи бурят – явление достаточно распространенное. В разговорном бурятском языке с разной частотой используются заимствованные вводные слова: *может (быть), кажется, конечно, наверно, в общем, в основном, однако, например, по-моему, короче, во-первых, во-вторых* и т.д.

Среди них наиболее употребительными являются: *может (быть), конечно, наверно, кажется, по-моему, например*. Менее употребительны такие конструкции, как: *в общем, в основном, короче, однако, во-первых, во-вторых* и т.д.

Следует отметить, что использование русских вводных элементов в речи характерно для бурят как молодого, так и старшего возраста. При этом в речи пожилых людей чаще используются вводные слова *может, конечно, как раз, в общем*. Вводные слова, *короче, например, в основном, во-первых, по-моему* характерны для речи более молодых людей.

Для сравнение речевого поведения информантов в естественной ситуации общения и в ситуации сознательного речепорождения был проведен дополнительный эксперимент: предварительно были зафиксированы высказывания информантов с использовани-

ем русских вводных конструкций, затем они были переведены на русский язык и представлены тем же информантам для перевода на бурятский язык. О настоящей цели данного задания участники эксперимента не подозревали, также как они не были информированы о том, что эти предложения были записаны с их слов.

Как показал эксперимент, во всех случаях при передаче значений, выраженных в разговорном варианте заимствованными вводными словами, информанты употребляли соответствующие языковые средства родного языка. То есть, можно сказать, что в основном в бурятском языке имеются эквиваленты данных русских вариантов, которые в спонтанной речи билингов не всегда реализуются.

Рассмотрим некоторые примеры:

Разговорный вариант	Предложено перевести	Переведено
Может, үглөөдэр ерэхэ	Может быть, придет завтра	үглөөдэр ерэхэ хаш даа. үглөөдэр ерэхэ бэшэ аал даа. үглөөдэр ерэжэ болохо.
Кажется тэдэшни ябаа.	Кажется они уехали.	Тэдэшни ябаа хаш даа. Тэдэ ябаа бэшэ аал даа. Тэдэш ябаа гү даа.
Конечно, ошыш.	Конечно, поезжай.	Ошо, ошо. Ошыш лэ. Ошонгүгү яаха юмши.
В основном, бидэ гэргээ байнабди.	В основном, мы бываем дома.	Бидэ ехэнхидээ гэртээ байдагбди. Бидэ гэртээл байнабдил даа.
Би, наверно, ерэжэ шадахагүйб.	Я, наверно, не смогу прийти.	Би ерэжэ шадахагүй гүб даа. Би ерэжэ шадахагүй бэшэ аалби даа. Би ерэжэ шадахагүй хаб даа.
Может, шамтай уулзахаа ханаа.	Может быть, он хотел с тобой встретиться.	Шамтай уулзахаа ханаа биз. Шамтай уулзахаа ханаа хаш даа.
По-моему, энэш Баярай юумэн.	По-моему, это вещи Баира.	Минии ханахада, энэш Баярай юумэн. Энэш Баярай юумэн гэжэ хананаб. Энэш Баярай юумэн хаш даа.
Однако, энэш худал.	Однако, это неправда.	Энэшни худал бэшэ гү. Нэш худал хаш даа.

Конечно, болохо.	Конечно, можно.	Болохо юм ааб даа. Болохол бэд даа. Болонгуй яаха юм.
Значит, тэрэш ерээ болео.	Значит, он уже не придет.	Тэрэш ерэхээ болео ха юм даа. Тэрэш ерэхээ болибо гээшэ.
Короче, бэдэрхэ болонбди.	Короче, будем искать.	Бэдэрхэ болон гээшэбди. Зай, бэдэрэл даа.
В общем, үшөө хаража үзэхэбди.	В общем, мы еще посмотрим.	үшөө харуужамдил даа. Зай, үшөө хаража үзэхэбди.

Как видно из таблицы, характерным для разговорной речи бурят-билингвов является использование русских вводных элементов преимущественно в начале предложения. Эта позиция считается наиболее сильной для вводного слова, которые в данной позиции выполняют модально-детерминирующую функцию и соотносятся с содержанием всего высказывания. Это позволяет говорящему уже в начале высказывания выразить его модальную окраску и передать свое коммуникативное намерение.

Кроме того, приведенные примеры показывают, что модальные значения, выраженные заимствованными вводными словами, в бурятском языке передаются, в основном, посредством сложных составных глагольных конструкций и чаще в сочетаниях с частицами, находящимися в конце предложения. Частицы, находясь в конечной позиции, соответственно, лишь в конце передают модальные оттенки высказывания. Таким образом, можно предположить, что использование русских вводных слов в разговорной речи бурят вызвано потребностью последних уже в начале высказывания актуализировать его содержание, обратить внимание собеседника на его модальный оттенок.

Также следует отметить структурную несложность используемых русских вводных слов. В основном, они состоят из одного-двух компонентов. По-видимому, использование в речи именно простых вводных элементов обусловлено тем, что они меньше нарушают плавность речи говорящего, гармонично вливаясь в общую мелодику высказывания. Для бурятского же языка при передаче различных модальных значений характер-

но использование сложных предикативных конструкций, различных сочетаний частиц. И, как показывает таблица, предложения с заимствованными вводными словами менее громоздки, чем предложения с использованием соответствующих им языковых средств бурятского языка.

Не удивительно, что это «опрощение» структуры предложения путем использования иноязычных языковых средств, проявилось в разговорной речи. Как мы знаем, именно для разговорной речи характерно стремление к несложности, простоте высказываний. И такие явления, как морфологическая и синтаксическая редукция, проявляются именно в разговорной речи. По-видимому, все это и обуславливает то, что в разговорной речи буряты отдают предпочтение иноязычным, но зато простым языковым средствам, нежели соответствующим более громоздким элементам родного языка.

Вместе с тем, одним из проявлений русского языкового влияния явилось появление в современном бурятском языке калькированных вводных конструкций типа *минии ханахада*, *нэгдэхээр*, *хоердохеор*, *һонин гэхэдэ*, *тэрэнэй хэлэнээр* и т.д., которые выполняют в предложении те же функции, что и соответствующие им русские эквиваленты. Например, данные конструкции могут занимать начальную позицию в предложении и выполнять модально-детерминирующую функцию. Эти слова активно используются в речи дикторов телевидения и радио, в публичных выступлениях, в речи студентов и преподавателей на занятиях бурятского языка или литературы, т.е. в тех случаях, когда мы говорим о сознательно организованной устной речи, об устном литературном языке. В разговорной же речи данные слова еще не «прижились». В последующем, когда эти конструкции адаптируются и в разговорной речи, само собой отпадет необходимость использования русских вводных элементов.

Такое положение вещей, по всей видимости, говорит о том, что вводные конструкции для бурятского языка – явление новое. А использование русских вводных слов в разговорной речи и появление калькированных вводных конструкций в бурятском языке – это один из процессов изменения синтаксической системы бурятского языка под влиянием русской синтаксической традиции.

Возможно также, что в данном случае мы наблюдаем у бурят процесс русификации на уровне сознания, который находит отражение и в вышеуказанных языковых изменениях.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- использование заимствованных вводных конструкций в разговорной речи бурят вызвано потребностью в более четком языковом выражении коммуникативного аспекта высказывания, его модальной актуализации;
- русские вводные конструкции менее громоздки по сравнению с соответствующими языковыми средствами бурятского языка, чем объясняется их употребление в разговорной речи, которая отличается стремлением к несложности и простоте;
- в литературном бурятском языке используются вводные элементы, являющиеся, в основном, кальками соответствующих русских конструкций, однако в разговорную речь они еще не внедрились;
- наблюдаемые процессы, по всей видимости, свидетельствуют не только об изменении синтаксической системы бурятского языка под влиянием русского языка, но и о происходящем процессе русификации бурят на уровне сознания, мышления.

¹ Грамматика русского языка. М., 1954. Т.2, ч.2. С.163.

ДИНАМИКА ФУНКЦИЙ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ В СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ

Изучение вопроса о функционировании (бытовании) языков в современных бурятских семьях представляется необходимым, т.к. оно подключает важную и разнообразную социальную информацию к решению проблем языкового планирования и образования, проанализировав которую возможно корректировать планируемые мероприятия и дифференцировать программы и методики обучения языкам.

Результаты, полученные в ходе опроса 1998–1999 гг., показывают, что в социуме происходят большие изменения в номенклатуре функций бурятского и русского языков, в частности, в коммуникативной функции.

По определению А. Д. Швейцера, в рамках одного и того же речевого коллектива языки используются в соответствующих коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта¹. Билингвизм изначально предполагает этноязыковой контакт. Специфика подхода заключается в том, что рассматривается двуязычная коммуникация в рамках семьи как речевого коллектива. Таким образом, это явление освещается не в межнациональном, а в однонациональном аспекте.

Изменения в сфере общения бурятских семей обусловлены взаимодействием объективных внешних и субъективных внутренних факторов. В результате проведенного анализа социальной информации подтверждается точка зрения ведущих исследователей на многообразие и взаимодействие разных социальных факторов в условиях конкретной речевой деятельности людей². Действительно, ни один из факторов не может быть признан абсолютным. В начале исследования ожидалось, что в более отдаленных от центра (г. Улан-Удэ) поселениях уровень востребованности бурятского языка его носителями будет иметь более высокие показатели. Однако по результатам обследования оказалось, что территориальный фактор не всегда напрямую влияет на пропорции языков в

общении родственников. Достаточно удаленные села Сосново-озерское, Курумкан, Петропавловка, Кырен представлены активнo-двуязычным бурятским населением. Мы предполагали, что в пригородных населенных пунктах функции контактирующих языков будут распределяться строго по образцу города (столицы РБ). Результаты указывают, что в некоторых из них наблюдается превосходство двуязычного общения над русскоязычным, в т.ч. в ситуациях с участием детей. Это может объясняться постоянной миграцией семей из сельских районов.

Известно, что оптимальным принципом отбора населенных пунктов является способ расселения представителей того или иного этноса. Вместе с тем из отобранных относительно однородных по национальному составу поселений одноязычно-бурятским оказалось одно село – Ехэ-Цакир Закаменского района. Следовательно, в коммуникативном процессе актуализируются сразу несколько факторов (место рождения, длительность проживания, посещение детского сада, родной язык до школы, изучение языков в школе, уровень образования, сфера деятельности и т.д.).

Разнообразие в результатах может объясняться включением в выборочную совокупность семей с различной языковой установкой, по В. И. Бойко, языковой обстановкой³. По нашему мнению, языковая установка (ЯУ) в семьях может быть стабильной и лабильной. Стабильная языковая установка характеризуется востребованностью только одного, в данном контексте исконного языка, независимо от социальной ситуации и состава коммуникантов (по возрасту, образованию, социальному положению и т.д.). В нашей выборке семьи с такой ЯУ представлены в большей степени в селах Ехэ-Цакир, Кижинга, Петропавловка, г. Закаменск. В семьях с такой установкой даже в условиях многолетнего проживания в городе все члены семьи общаются между собой только на бурятском языке. Лабильная языковая установка характеризуется спорадическим, ситуативным использованием членами семей языковых средств двух языков, что зафиксировано в большинстве населенных пунктов опроса. Задача состоит в уточнении коммуникативных ситуаций, осуществляемых, во-первых, посредством преимущественно одного языка, во-вторых, посредством двух языков, бурятского и русского.

Бурятский язык в семейном общении

В анализируемой выборочной совокупности мы можем считать семьи бурятскоязычными только при условии сохранения общения на нем в рамках всего семейного речевого коллектива (родители с детьми и прародителями, старшие и младшие дети между собой). Распределение функций бурятского, русского и двух языков, как средства общения родственников, можно видеть на таблице 1.

Табл. 1. Общение членов бурятских семей разных поколений.

Язык общения респондентов между собой	Ситуация общения с участием прародителей					
	Прародители с родителями			Прародители с детьми		
	На бурятском	На русском	На двух языках	На бурятском	На русском	На двух языках
Бурятский	89,3	7,7	39,8	73,4	1,4	19,5
Русский	0	44,3	0,5	1,2	62,9	6,4
Оба языка	10,7	48,0	59,6	25,4	35,7	74,2

Как можно видеть на таблице 1, бурятский язык манифестирован во всех звеньях общения в семьях, где старшее и среднее поколения относятся к активным бурятскоязычным коммуникантам. Но его объем в общении снижается от одного поколения к другому, от старшего к младшему. Соответственно возрастает востребованность двуязычной и русскоязычной коммуникации. Даже в семьях с очевидным превосходством исконного языка русский язык имеет свою небольшую нишу – 7,7%. На таблице можно видеть, что выбор языка общения средним поколением членов семей (респондентов) предопределяет средство коммуникации для остальных родственников. Родители (матери, отцы) являются главными социальными исполнителями, т.е. ведущими. Старики и дети по своим социальным ролям являются ведомыми и следуют языковым установкам и предпочтениям среднего поколения⁴.

С психологической точки зрения представляется возможным отнести старшее поколение членов семей к интравертам, общение которых, во-первых, является локально-внутрисемейным или локально-родственным, число коммуникантов их круга ограничено, во-вторых, тематика разговоров, их информационная

нагрузка также не являются разнообразными. Бурятский язык полностью самодостаточен для них в качестве средства общения. Среднее поколение уже резко отличается от старшего широким радиусом внешнего социального общения, прежде всего профессионального. Респонденты и их дети относятся к экстравертам, нацеленным на внешнюю деятельность, обеспечиваемую преимущественно двуязычной и русскоязычной коммуникацией.

Совершенно очевидно, что дети могут развиваться как монолингвы только в условиях домашнего воспитания и монолингвизма взрослых членов семей и родственников. Этот период можно отнести, главным образом, к раннему детству (до 3-х лет) или к дошкольному возрасту (до 7 лет). Влияние выбора средства общения родителей на детей можно видеть на табл. 2.

В табл. 2 заметна преимущество в использовании средств бурятского, русского и двух языков детьми. Как внутри семьи, так и вне ее они сохраняют способ организации общения, воспринятый от родителей. Снижение использования детьми бурятского языка может происходить в следующих ситуациях:

- в семьях, в которых он менее востребован уже старшими членами семей (прародителями, родителями);
- в семьях, в которых родители детей во внешнем общении (на производстве и т.п.) постоянно разговаривают на двух и на русском языках;
- в семьях, в которых дети посещают детский сад, школу и проводят досуг среди русских детей или русскоязычных сверстников-бурят.

Ограничение использования детьми бурятского языка в общении нельзя относить только на неблагоприятную внешнюю языковую среду. По нашему мнению, внутрисемейный языковой узус (уровень востребованности исконного языка в рамках семей) имеет решающее значение для детей. Бурятский язык может удерживаться в узусе семей, во-первых, вследствие устойчивой преимущества (традиции) организации общения родственников именно на этом языке, во-вторых, в результате сознательного воздействия на детей старших членов семей с целью привития им навыков использования средств данного языка в коммуникативных целях. Результаты опроса показывают, что респонденты-

учителя чаще разговаривают со своими детьми на бурятском языке, что свидетельствует об их ответственном, осознанном подходе к языковому образованию детей. У представителей других профессий (врачей, экономистов, инженеров) бурятский язык в семьях востребован ограниченно.

Следует отметить, что представляется сложным выявить объем функций конкретного языка как средства семейного общения, без учета других, присущих ему функций (образовательной, информационной (СМИ), профессиональной коммуникации и др.). Простая фиксация языка общения не может отражать полностью содержания процесса. Когда мы исследуем реализацию коммуникативных функций языка, мы, безусловно, принимаем во внимание эти обстоятельства.

Бурятский язык в полной мере востребован в семьях, где на нем общаются несколько поколений членов семьи, получили на нем начальное или среднее образование прародители и, самое главное, родители детей, где предпочтительны теле- и радиопередачи на этом языке, есть книги и выписываются газеты, т.е., это семьи со стабильной языковой установкой на бурятскоязычное общение. Однако, в силу воздействия неблагоприятных внешних факторов, функциональная нагрузка бурятского языка постоянно сокращается. При этом его функции перераспределяются, во-первых, трансформируясь в субстрат (основу) двуязычного узуса, во-вторых, сменяются русскоязычным узусом.

Двуязычная семейная коммуникация

В обсуждении вопросов региональной языковой ситуации встречается несколько пунктов, по которым может возникать дискуссия. По нашему мнению, не совсем правомерны попытки называть востребованностью какого-либо национального языка его использование в чистом, абсолютном виде. Нам представляется, что выполнение, например, бурятским языком функции основы двуязычной коммуникации является безусловным подтверждением его функциональной состоятельности.

Социолингвистические исследования прошлых лет освещали развитие явления двуязычия в Бурятии в разные исторические периоды⁵. Современные исследователи указывают на то, что двуязычие пронизывает весь социум, являясь доминирующим в

общении членов бурятских семей, независимо от возраста, образования, профессии и т.д. В нашей выборке двуязычные семьи составляют 84,4%. По всем ситуациям семейного общения двуязычие представлено в большинстве сельских населенных пунктов, например, в селе Шэнэ-Буса Заиграевского района представлены только двуязычные семьи.

При общей высокой функциональности следует указать на полученные различные варианты реализации двуязычия в бурятских семьях (Рис.1). Двуязычная коммуникация между старшим и средним поколением осуществляется на основе только бурятского языка, переход к двуязычию инициируется средним поколением (респондентами). При этом старшие отвечают им чаще на бурятском языке, т.е., сохраняют традицию общения. Здесь мы имеем в виду сельских жителей, в городских условиях старшее поколение уже является активно двуязычным. В общении с младшими членами семьи происходит перегруппировка компонентов билингвальной коммуникации. Русский язык присутствует в речи и родителей, и детей, при этом родители инициируют общение с детьми на бурятском и на двух языках, ответы они получают на двух и на русском языках. В общении с прауродителями дети проявляют большую толерантность. По нашему мнению, общение между стариками и детьми в семьях носит доверительный характер, отличается большим вниманием и нежностью. В раннем детстве в большинстве бурятских семей дети охотно и активно общаются с бабушками и дедушками по-бурятски. До трех лет этот язык у многих сельских детей, не посещающих детский сад, является единственным. Затем, под воздействием происходящей социализации в дошкольных учреждениях или во внешнем общении, дети усваивают русский язык и становятся билингвами. Но в них сохраняется интенция к общению с прауродителями на бурятском языке. Вследствие давления двуязычного социума дети включаются в окружающий их узус и отходят дальше от своего первого языка. Прауродители продолжают обращаться к ним по-бурятски, дети же отвечают им на двух и чаще на русском языке. В общении детей между собой (старших и младших, братьев и сестер) также устанавливается паритет двуязычной и русскоязычной коммуникации.

При анализе данных опроса выявлено несколько групп двуязычных семей по соотношению языков:

- семьи с общением внутри них преимущественно на бурятском языке, во внешнем общении – на двух и реже на русском языке;

- семьи с общением внутри них ограничено на бурятском, преимущественно на двух языках, во внешнем общении – на двух и, чаще на русском языке;

- семьи с общением внутри них ограничено на бурятском и на двух языках, чаще на русском языке, во внешнем общении – преимущественно на русском языке.

Все эти семьи являются функционально двуязычными, но отличаются выбором языковых средств для оптимального общения в своих речевых коллективах.

При проведении социолингвистического исследования необходимо абстрагироваться от общего широкого содержания понятия «владение языком» и опираться на конкретные уровни владения устными и письменными формами языков («понимаю», «говорю», «читаю», «пишу»). Большинство билингвов использует в общении устные формы конкретного территориального диалекта национального языка и те же формы русского территориального говора или городского просторечия. Литературными нормами обоих языков владеет ограниченное число высокообразованных абсолютных билингвов⁶. Качество двуязычных способностей членов семей является неоднородным: от полного, адекватного до неполного, бытового, стихийно-ситуативного. При определении качества двуязычной коммуникации имеет решающее значение вопрос о переключении кода (языка) общения коммуникантами в семьях. Наши наблюдения дают основание предполагать, что оно происходит следующим образом:

1) переключение кода по принципу «один собеседник – один язык общения», т.е., в границах всего коммуникативного акта (беседы) используется либо только бурятский, либо только русский язык:

- Саяна, ши хаана ошохошниб? «Саяна, ты куда идешь?»
- Би гү? Пургуулидаа ошохоб. «Я? В школу.»
- Хэды болотор тэйдэ байхабши? «До которого часа ты там будешь?»

– Зургаа болотор, мүнөөдэр олон хэшээл болохо. «До шести. Сегодня много уроков».

– Аа, ойлгооб. «А, понятно».

2) переключение кода по принципу «один собеседник – два языка общения последовательно, поочередно». Такой способ общения поддерживается в границах отдельных высказываний, фраз, реплик, представляющих группу предложений:

– Бато, гүргэлыш даа! В школу опоздаешь! «Бато, поторопись!»

– Үгы, үшөө хахад час бии. Я на автобусе поеду. «Нет, еще полчаса есть».

3) переключение кода по принципу «один собеседник – два языка общения параллельно, одновременно». Переключение происходит в границах одной фразы, реплики, представляющей одно предложение. У. Вайнрайх указывал на восприимчивость детей к такому способу организации общения родителей⁷. Это мнение ярко подтверждается нашими наблюдениями детской речи:

– Ахай заниматься боложо байна. «Брат делает уроки». (Марина, 7 лет)

– Нохой комната соо пол дээрээ хэбтэжэ байна. «Собака лежит на полу в комнате» (Батор, 6 лет).

Русский язык в семейном общении

Мониторинговые исследования функций русского языка свидетельствуют об очень высоком уровне его востребованности в республиках, входящих в состав Российской Федерации⁸. Можно предположить, что резкий подъем использования русского языка в качестве средства общения обусловлен масштабами и ассортиментом его функций во всех сферах существования социума. Особенно это проявляется в образовательной и информационной сферах. Приоритеты, полученные русским языком в системе образования в 50-е – 60-е гг., по нашему мнению, заложили фундамент под современные диспропорции в языковом взаимодействии контактирующих в субъектах России национальных языков с языком межнационального общения. В нашей выборке 74,4% респондентов назвали бурятский язык родным языком, из них только 47,4% изучали этот язык в школе как учебный предмет, лишь у 2,2% бурятский язык был языком обучения. Среднюю школу с преподаванием титульного языка окончили всего 30,2% опрошенных (Табл. 3).

Представляется достаточно наглядным администрирование, санкционированное ограничение функций бурятского языка в учреждениях образования. Очевидно, что только семейное использование исконного языка не может компенсировать коммуникативные потребности детей и молодежи. Именно проблемы с преподаванием языков в школах вызвали «цепную реакцию», перешли и усугубились в системе специального образования и профессионального обучения. Ситуация серьезная, но не безнадежная. Усилиями работников системы образования и ученых-филологов при поддержке глав администраций районов положение постепенно выправляется.

При проведении наблюдений в дошкольных учреждениях установлено, что некоторые дети, приходя утром в группу, переключаются с бурятского языка на русский и возобновляют общение с родителями вечером, когда уходят домой. Складывается впечатление, что русский язык в сознании членов бурятских семей, взрослых и детей, ассоциируется с языком внешним, официальным, служебным, у старших – в коллективах организаций, цехов, бригад, у детей – в коллективах школ, классов, секций, кружков, групп детских садов.

Другая функция, присущая русскому языку – информационная, бесспорно, выводит этот язык в лидеры и обеспечивает ему объективное первенство среди национальных языков в России. Внешняя языковая среда содержит такой важный признак, как «восприятие СМИ и массовых зрелищ». По данному признаку отмечено превосходство двуязычного восприятия информации, за исключением прессы, где доминирует русский язык (59,9%). Принимая во внимание высокие результаты по уровням владения письменной формой русского языка, этот показатель является предсказуемым (см. табл. 4). Высший процент восприятия информации на двух языках отмечен при просмотре телепередач горожанами (63,8%) и при прослушивании радиопередач сельскими жителями (67,6%). При этом за русскоязычными передачами сохраняется значительная ниша – более 30,0%. (см. табл. 5).

Бурятский язык, как средство восприятия СМИ, намного отстает от русского языка. Особенно низкая востребованность информации на данном языке у городских респондентов (0,3%). В сельской местности она также не достигает 10,0%. Это обусловлено

его недостаточной конкурентоспособностью по сравнению с мощным информационным транслятором, каким является русский язык. По нашему мнению, бурятский язык распространяется в пространстве mass media как бы «по вертикали», в диахроническом направлении он восходит к традициям, истории, т.е. к этногенезу. В то же время русский язык востребован в полном объеме и заполняет всю большую нишу профессиональной коммуникации респондентов, образовательный уровень которых постоянно возрастает.

Следует отдельно отметить восприятие передач телевидения, как наиболее популярного, массового по охвату и наиболее сильного по воздействию средства массовой информации. Представляется парадоксальной ситуация, когда телевидение на исконном языке не достигает сельских районов с компактным проживанием бурятского населения. Во-первых, это ограничивает доступ к актуальной региональной тематике, во-вторых, вещание на бурятском языке имеет большое интегрирующее воздействие на носителей диалектов, приобщая их к литературной норме языка. Следует принять во внимание то, что наиболее активную часть телеаудитории составляют дети, которые воспринимают языковую форму подачи информации как образец и подражают ему в меру своих речевых возможностей.

В качестве семейного общения русский язык от поколения к поколению наращивает свою функциональную нагрузку повсеместно, и в городах, и в сельской местности, достигая максимума в общении городских детей между собой (72,0%). В целом следует отметить, что в семьях русскоязычного общения с родителями и прадедами иницируется именно детьми (см. рис. 1). Возрастные особенности заключаются в том, что старшие дети чаще разговаривают по-русски вне семьи и именно они влияют на младших, поощряют к русскоязычной коммуникации.

Русский язык имеет ярко выраженную положительную динамику функций. В населенных пунктах с крепкими позициями бурятского языка в семьях (Кижинга, Закаменск) переход на русский язык общения происходит плавно, в поселениях с активнодвуязычным населением – резко (Сосновоозерское, Курумкан), то же самое может происходить в пригородных селах (Оронгой, Иволгинск, Исток, Тулунжа).

Таким образом, в современных однонациональных бурятских семьях манифестированы оба государственных языка, но в разном объеме. Вследствие взаимодействия комплекса социальных факторов титульный язык имеет отрицательную, двуязычие и русский язык – положительную динамику коммуникативной функции.

- ¹ Швейцер А.Д. Современная социалингвистика. М.: Наука, 1976. С. 115.
- ² Дешериев Ю.Д. О природе социального фактора // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М.: Наука, 1988. С. 7.
- ³ Бойко В.И. К соотношению субъективного и объективного в социолого – лингвистическом исследовании // Сбор и разработка материалов социолого – лингвистических исследований в Сибири. Новосибирск, 1969. С. 81.
- ⁴ Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально – лингвистические исследования. М.: Наука, 1976. С.42.
- ⁵ Бажеева Т.П. Социалингвистические исследования двуязычия в Бурятии // Мир Центральной Азии, Т. 1У. Ч.1. Языки. Фольклор. Литература. Улан-Удэ, 2002. С. 14 – 17.
- ⁶ Аврорин В.А. Двуязычие и школа // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. С. 51.
- ⁷ Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев : Вища школа, 1979. С.146.
- ⁸ Белоусов В.Н., Григорян Э.А. Русский язык в межнациональном общении в Российской Федерации и странах СНГ. М., 1996. С. 3.

Табл. 2. Общение среднего и младшего поколений бурятских семей.

Язык общения родителей между собой	Ситуации общения с участием детей											
	Родители с детьми			Дети между собой			Дети вне семьи					
	На бурятском	На русском	На двух языках	На бурятском	На русском	На двух языках	На бурятском	На русском	На двух языках	На бурятском	На русском	На двух языках
Бурятский	65,1	0,90	34,9	46,6	0,	3,8	39,1	0	0	2,8		
Русский	0	90,9	9,1	12,9	96,5	47,5	16,0	99,1	99,1	55,0		
Оба языка	1,4	9,5	89,1	40,5	3,5	48,6	45,0	0,9	0,9	42,2		

Таблица 3. Языковые характеристики респондентов, %

Регион	Язык	Родной язык	Второй язык	Язык обучения до школы	Изучение бурятского языка в школе	Язык обучения в школе	Язык дальнейшего образования
Бурятия	Бурятский	74,4	9,4	48,8	47,4	2,2	0,3
	Русский	24,2	90,1	24,3		70,5	76,9
	Оба языка	1,4		26,9		27,2	7,3
Город	Бурятский	57,7	26,2	36,5	30,3*	0,5	0,3
	Русский	40,2	73,8	39,4		86,6	97,0
	Оба языка	2,1		24,1		12,9	2,8
Село	Бурятский	85,0	11,2	56,7	58,3	3,3	0,4
	Русский	14,0	88,7	14,7		60,3	86,3
	Оба языка	1,0		28,7		36,3	13,1

Регион	Период изучения бурятского языка				Знание бурятского языка		
	начальная школа	неполная средняя школа	средняя школа	школа и учебное заведение	в диалектной форме	в литературной форме	в обеих формах
Бурятия	9,1	7,6	30,2	0,9	69,6	13,0	2,3
Город	24,8	19,7	53,0	2,6	73,9	19,9	6,3
Село	17,0	14,8	66,5	1,7	85,8	13,2	1,1

* В г. Улан-Удэ показатель изучения бурятского языка в школе основывается преимущественно на ответах горожан-мигрантов из сельской местности.

Таблица 4. Уровни владения бурятским и русским языками, %

Регион	Язык	Понимаю				Говорю	
		хорошо/хорошо	удовл./хорошо	не владею/хорошо	хорошо/хорошо	удовл./хорошо	не владею/хорошо
Бурятия	Бурятский/русский	70,7	22,8	5,3	58,7	25,0	14,1
Город	Бурятский/русский	56,7	33,1	10,0	40,9	32,3	26,2
Село	Бурятский/русский	79,7	16,3	2,3	70,0	20,3	6,3

Регион	Читаю		Пишу		не владею хорошо
	хорошо/хорошо	удовл./хорошо	хорошо/хорошо	удовл./хорошо	
Бурятия	40,5	19,5	39,1	14,7	49,4
Город	28,1	17,6	54,1	11,0	65,4
Село	48,3	20,7	29,7	17,0	39,3

Таблица 5. Использование бурятского и русского языков вне семьи, %

Регион	Язык	Общение вне семьи					Восприятие СМИ и массовых зрелищ			
		с родственниками	с земляками	с сотрудниками	с соседями	телевидение	радио	пресса	театр, филармония	
Бурятия	Бурятский	21,3	20,1	1,6	9,7	0,6	5,4	4,5	7,6	
	Русский	16,3	19,2	37,4	34,1	36,3	30,2	59,9	22,7	
	Оба языка	60,7	59,6	53,8	55,1	58,6	59,8	33,9	51,5	
Город	Бурятский	11,9	15,6	0,5	1,3	0,0	0,3	0,0	4,1	
	Русский	30,2	32,8	60,1	60,4	36,2	44,4	75,9	33,5	
	Оба языка	57,9	51,6	39,4	38,3	63,8	55,3	24,1	62,4	
Село	Бурятский	28,0	23,3	2,6	15,2	1,1	9,3	7,5	13,8	
	Русский	7,8	10,8	26,7	17,9	39,2	23,1	51,4	22,9	
	Оба языка	64,2	65,9	70,7	66,9	59,7	67,6	41,2	63,3	

Рис. 1. Варианты реализации двуязычия в бурятских семьях

ДВУАЗЫЧИЕ В ДОШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

В условиях активного возрождения языка и культуры этносов, развития национального самосознания актуализируется проблема диалога представителей различных культур, взаимного уважения их друг к другу, их толерантности. Проблемы детской речи, детского билингвизма привлекали и продолжают привлекать внимание многих исследователей— лингвистов, психологов, психолингвистов, социологов, педагогов.

Формирование и развитие билингвизма в детском возрасте, когда процесс усвоения языков протекает естественно, может впоследствии оказать гармонизирующее влияние в области общественных отношений. Именно билингвы с детства, владеющие двумя языками, знакомые с двумя языковыми и культурными реалиями, могут быть идеальными переводчиками, способными достижения науки и культуры одного сообщества сделать достоянием другого сообщества.

Преимущества раннего начала обучения бурятскому языку, развития двуязычия доказаны теоретически и подтверждены экспериментально.

В психолого-педагогических исследованиях С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, А. М. Шахнарович, Ф. А. Сохина, Е. Ю. Протасовой, Е. И. Негневицкой и других¹ подчеркивается, что имению дошкольный возраст является наиболее благоприятным, сензитивным периодом в усвоении языковых явлений, в обучении языкам, в развитии двуязычия и что при полноценном общении на двух языках одновременное освоение двух языковых систем не оказывает отрицательного влияния на психическое и речевое развитие ребенка. Напротив, изучение двух языков делает его более внимательным, чутким к особенностям языка, способствует точной передаче мыслей.

Факты раннего двуязычия подтверждают научные положения о единстве языка, речи и мышления, свидетельствуют о языковой способности устанавливать связи между значениями слов разных языков, обобщать, чтобы затем дифференцированно использовать их в русской или в бурятской речи: слова второго языка осмысли-

ваются с помощью имеющихся у ребенка эквивалентов впервые усвоенного языка, в связи с чем при обучении второму языку наиболее распространенным и используемым в дошкольной практике остается переводный метод, не отрицая роли и прямого метода. Постигая мир через различные языковые системы, знакомясь со способами языкового моделирования, дошкольники начинают сопоставлять, сравнивать, соизмерять различные языковые явления. Это обстоятельство важно также в плане осознания того факта, что один язык не может быть лучше или хуже другого, просто они разные, а это – выход на общекультурные ценности, на воспитание терпимости, уважения к носителю любой другой культуры.

Целесообразность развития двуязычия детей в дошкольном возрасте обусловлена тем, что этот период развития ребенка характеризуется интенсивным формированием познавательных процессов, более быстрым и легким, чем на последующих возрастных ступенях, психологическими особенностями детей (эмоциональной готовностью к овладению языком, большими имитационными способностями, природной любознательностью, высокой сензитивностью, легкостью и прочностью запоминания языковой информации, легкостью формирования положительной мотивации речевой деятельности). Именно в этом возрасте еще мало штампов речевого поведения и относительно легче кодировать» свои мысли по-новому.

Подчеркивая преимущества дошкольного возраста, не следует полагать, что процесс овладения бурятским языком является легким и результативным при любых обстоятельствах. Он может иметь положительные результаты лишь при условии, если обучение будет направлено на развитие личности ребенка, если будет использована тщательно продуманная методика, позволяющая управлять процессом усвоения языка и максимально использовать возможности ребенка.

Все, что усвоил ребенок в период дошкольного детства, он запомнит на всю жизнь, сведения общекультурного, страноведческого плана, особенно те, которые он приобретает непосредственно в собственной деятельности, вплетутся в целостную систему знаний о мире и окрасятся его личным опытом, останутся в его мировоззрении.

Привыкая жить в двуязычной среде, они готовятся к жизни в многонациональном мире. Именно поэтому ранний старт в обучении второму (бурятскому) языку считается полезным. Процесс обучения второму языку есть процесс одновременного и взаимосвязанного коммуникативного и социокультурного развития дошкольника.

Многие исследователи (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомарова, Г. В. Рогова и др.) обращают внимание на лингвострановедческий, национально-культурный компонент в обучении второму языку. Под национально-культурной компетенцией понимается целостная система представлений об основных национальных традициях, обычаях, позволяющая ассоциировать с лексической единицей бурятского языка получаемую информацию.

Дети изучают бурятский язык не только как средство общения, но и как средство приобщения к культуре бурятского народа. Обучая бурятскому языку, нужно организовать учебный процесс таким образом, чтобы он открывал ребенку «окно в мир бурятской культуры» и расширял тем самым его понимание собственного бытия.

Основными целями развития двуязычия в детском саду являются:

- развитие у дошкольников способности ориентироваться в звучащей речи, понимать и адекватно реагировать на слова педагогов в различных видах детской деятельности, уметь формулировать свои мысли и желания на втором языке, гибко пользуясь сформированными языковыми и речевыми умениями в новых, спонтанно возникающих ситуациях коммуникации, как с взрослыми, так и со сверстниками;

- привитие первоначальных навыков перевода;
- формирование коммуникативной компетенции;
- формирование личности двуязычного индивида.

В развитии двуязычия малолетних детей необходимо руководствоваться следующими положениями:

- для ребенка-дошкольника язык не является самоцелью, для него важно, что «приносит» язык с собой. Поэтому процесс обучения не должен строиться как процесс целенаправленного формирования иноязычной коммуникативной компетенции и общего представления о системе изучаемого языка. Содержательные ас-

пекты обучения занимают приоритетное положение над языковыми. Процесс обучения второму языку должен стать личностно-ориентированным. Это значит, что содержание обучения должно соответствовать реальным интересам и возможностям дошкольника, его потребностям, а процесс обучения «вовлекает» его в такую деятельность, которая формирует не только его психические силы, но и личностные качества: интересы, увлечения, эмоции и др.;

- на занятиях по обучению бурятскому (русскому) языку должна быть создана благоприятная атмосфера для формирования у дошкольника готовности и способности к общению с помощью нового для него языка, а также способности к групповому взаимодействию. Занятие должно рассматриваться как организация совместного дела с детьми, в процессе выполнения которого они испытывают чувство радости, счастья от общения с взрослыми и со сверстниками, с игрушками и предметами, новым для них миром языка.

Процесс обучения языкам должен строиться с учетом возрастных особенностей детей-дошкольников:

1. Ведущим видом деятельности выступает игра, поэтому в учебном процессе игру необходимо использовать в качестве важного методического приема, позволяющего создать ситуацию, в которой ребенок не может отмолчаться, при этом следует использовать разнообразные подвижные, настольно-печатные, мимические игры;

2. Дошкольник импульсивен, несдержан, отличается неустойчивым вниманием, стремлением к деятельности ради нее самой, а не ее результата, поэтому в общении с детьми необходимо использовать разнообразные формы работы, разные виды практической деятельности детей;

3. Психические процессы дошкольника произвольны, поэтому в процессе общения необходимо использовать увлекательную и доступную детям информацию (сказочный сюжет, необычные приключения героев).

Так как знания, умения ребенка воплощаются в различных видах детской деятельности, то в практике обучения широко используются возможности изобразительной, музыкальной, танцевальной и других видов деятельности.

Процесс обучения маленьких детей второму языку строится преимущественно на индуктивной основе, при овладении новым языковым и речевым материалом используется в основном имитация. Но изучаемый языковой материал усваивается ребенком осознанно и осмысленно.

Основными средствами развития бурятской речи в дошкольном возрасте являются произведения малых жанров фольклора (считалки, потешки, загадки, пословицы и поговорки, благопожелания), бурятские народные сказки, дидактические и подвижные игры, организация детской деятельности на основе празднично-игровой культуры (Сагаалган, Сурхарбаан и др.), познавательные беседы о родном крае, о традициях и обычаях бурятского народа.

Одним из наиболее эффективных средств развития бурятской речи дошкольников, приобщения их к истории, культуре, традициям и обычаям бурятского народа являются бурятские сказки. Сказка, как феномен культуры бурятского этноса, отражает в себе хозяйственный бытовой уклад народа, его язык, особенности менталитета, его традиции и обычаи, предметно-вещевую атрибутику. Именно через сказку дети дошкольного возраста усваивают все богатство этнической культуры, приобщаясь к историческому опыту бурятского народа. Развивающийся потенциал бурятской сказки выражается в том влиянии, которое сказка оказывает на социальное, эмоционально-нравственное, психическое и речевое развитие ребенка-дошкольника.

Бурятские сказки способствуют развитию устной речи дошкольника: обогащению и активизации словарного запаса, формированию навыков правильного произношения звуков, грамматических конструкций, развитию связной диалогической речи, воспитанию интереса к изучению бурятского языка. Основными методическими приемами, обеспечивающими эффективность работы со сказкой, являются рассказывание, со-рассказывание, драматизация, моделирование сказки, игровые упражнения на основе сказочных сюжетов.

Таким образом, для формирования активного двуязычия в дошкольном возрасте необходимо создание условий для общения детей на двух языках, использование эффективных методов и приемов обучения языкам.

¹ Выготский Л.С. К вопросу о многоязычии в детском возрасте. М., 1983, т.3; Негневицкая Е.И., Шахнарович А.М. Язык и дети. М., 1981; Протасова Е.Ю. Дети и языки. Организация жизнедеятельности в двуязычном детском саду. М., 1998; Дешериев Ю.Д., Протченко Н.Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972 с.26-42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аюшеев Батор Бальжинимаевич – аспирант Восточно-Сибирской академии культуры и искусств

Бабушкин Сергей Матвеевич – профессор Бурятского государственного университета, доктор педагогических наук

Бажеева Татьяна Петровна – научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат филологических наук

Балханов Иван Гаврилович – доцент Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, кандидат философских наук

Батомункуев Сергей Дамбаевич – младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат философских наук

Бураев Игнатий Дмитриевич – главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор филологических наук

Гунжитова Гарма-Ханда Цыбикжаповна – старший преподаватель Бурятского государственного университета

Дырхеева Галина Александровна – ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор филологических наук

Жамсуева Светлана Юрьевна – старший преподаватель Бурятского государственного университета

Шулунова Людмила Владимировна – профессор Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, доктор филологических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>И. Д. Бураев.</i> Бурятский литературный язык и бурятско-русское двуязычие.....	3
<i>С. М. Бабушкин.</i> К характеристике бурятско-русского двуязычия на рубеже веков.....	18
<i>Г. А. Дырхеева.</i> Развитие национально-языковых отношений и трансформация современных социолингвистических понятий и терминов	33
<i>И. Г. Балханов.</i> Двуязычие как фактор маргинализации	72
<i>С. Д. Батомункуев.</i> О социокультурной модернизации и двуязычии бурят.....	88
<i>Л. В. Шулунова.</i> Социолингвистический аспект исследования онимической лексики	101
<i>Б. Б. Аюшеев.</i> Речь молодежи: аспекты изучения социального диалекта	109
<i>Г.-Х. Ц. Гунжитова.</i> Об использовании русских вводных слов в разговорной речи бурят	118
<i>Т. П. Бажеева.</i> Динамика функций бурятского и русского языков в семейном общении.....	124
<i>С. Ю. Жамсуева.</i> Двуязычие в дошкольном возрасте	139
Сведения об авторах	145

**ДВУЯЗЫЧИЕ В БУРЯТИИ:
новые аспекты изучения**

Научное издание

Компьютерная верстка,
макетирование *О. С. Ринчинов*

Лицензия ЛР № 040936 от 13.01.99 г.

Подписано в печать 15.12.02. Формат 60×84 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 9,2. Тираж 300. Заказ № 170.

Издательство БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Отпечатано в типографии Издательства БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

